

Случайная встреча двух одиноких женщин. Вспыхнувший страстный роман. Культовая лесбийская книга, ставшая классикой.

Тереза, едва сводящая концы с концами юная продавщица из универмага, и Кэрол, домохозяйка, завязшая в тяжелом бракоразводном процессе, оставляют подавляющую повседневность ради свободы открытых дорог, где может расцвести их любовь. Однако выбор между дочерью и возлюбленной, который вынуждена сделать Кэрол, разрушает их обретенную идиллию.

Мастерски выписанные Хайсмит живые характеры разрушают гомосексуальные стереотипы и выгодно отличают эту книгу от предшествующей лесбийской литературы. Эротичная, выразительная, полная напряжения история предлагает нам честно и открыто взглянуть на необходимость оставаться верным самому себе.

- [Патриция Хайсмит](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Обеденный перерыв в столовой для сотрудников универмага «Франкенберг» был в самом разгаре. В очереди длинных столов не осталось ни одного свободного места, а народ все прибывал и прибывал, и людям приходилось толпиться в ожидании, забаррикадировав проход за деревянной стойкой кассира. Те, кто уже заполучил свои подносы с едой, бродили между столиками в поисках местечка, куда можно было бы приткнуться, или уже готового освободиться места, но их не было и в помине. Грохот посуды,двигающиеся стулья, голоса, шарканье ног и звук вертящихся турникетов в помещении с голыми стенами наслаивались друг на друга, словно шум одной гигантской машины.

Тереза нервно ела, перед ней, подпертый сахарницей, стоял буклет с надписью «Добро пожаловать в Франкенберг». Она уже читала его на прошлой неделе, в первый день учебного семинара для новичков, но сейчас у нее с собой почитать ничего не было, а в служебной столовой ей просто необходимо было хоть на чем-то сосредоточиться. Так что она снова прочла о трехнедельном оплачиваемом отпуске, который полагался сотрудникам, проработавшим в «Франкенберге» больше пятнадцати лет. Читая, она не отрывалась от дежурного блюда — сероватого ломтика ростбифа с картофельным пюре, политым коричневатой подливкой, и кучей зеленого горошка. К блюду прилагался крошечный бумажный стаканчик с хреном. Она пыталась себе представить, каково это — проработать в универмаге «Франкенберг» целых пятнадцать лет, но это просто не укладывалось в ее голове. Если верить буклету, сотрудникам с двадцатипятилетним стажем причиталось четыре недели отпуска. «Франкенберг» также предоставлял загородные пансионаты для летнего и зимнего отдыха. «Им бы еще церковь свою завести, — подумала она, — и роддом». Порядки в универмаге до такой степени смахивали на тюремные, что ее иногда пугало осознание того, что она стала частью этой системы.

Она быстро перевернула страницу и увидела тянувшийся через разворот большой заголовок: «А ты — часть „Франкенберга“?»

Она бросила взгляд через всю комнату в окно и попыталась подумать о чем-нибудь другом. Например, о том красивом черно-красном, в норвежском стиле свитере, который она видела в «Сакс» и могла бы купить Ричарду в подарок на Рождество, если бы не смогла найти бумажника красивее, чем тот, за двадцать долларов, который она заприметила раньше. Или о возможности проехать с Келли в следующее воскресенье до Вест Пойнт, чтобы посмотреть хоккейный матч. Огромное квадратное окно на той стороне комнаты выглядело как картина... как его там звали? Мондриан^[1]. Небольшая квадратная форточка была открыта навстречу белесым небесам. Только вот не было ни одной птицы, которая влетела бы внутрь или вылетела наружу. Какие декорации можно было бы придумать для пьесы, которая происходит в универмаге? Она вновь вернулась к своим мыслям.

«Это так не похоже на тебя Терри, — как-то сказал ей Ричард. — У тебя есть какая-то непоколебимая уверенность, что ты через несколько недель выберешься оттуда, а другие не смогут». Ричард обмолвился, что она могла бы оказаться во Франции следующим летом. Хорошо бы. Ричард хотел, чтобы они поехали вместе и, собственно, им ничего не могло помешать. А приятель Ричарда — Фил МакЭлрой написал ему, что сможет устроить ее в следующем месяце на работу в театр. Тереза еще ни разу не встречалась с Филом, но не особо верила, что он мог бы это осуществить. Она с самого сентября прочесывала Нью-Йорк в поисках работы, отступала и несколько раз начинала заново, но так ничего и не нашла. Да и кто посреди театрального сезона даст работу новичку-сценографу, которого и начинающим-то можно с натяжкой назвать? Не особо верилось и в то, что следующим летом она может оказаться в

Европе вместе с Ричардом, захаживать в уличные кафе и бродить по Арлю в поисках тех мест, которые Ван Гог запечатлел на своих полотнах. И что они с Ричардом будут решать, в каком еще городке им остановиться, чтобы порисовать. А в последние несколько дней, что она работала в универмаге, надежды на это становились все призрачнее.

Она знала, что так тревожило ее в магазине. И это было то, о чем она бы ни за что не рассказала Ричарду. Работа в магазине усугубила те вещи, которые тревожили ее все то время, что она себя помнила. Бестолковые дела, пустые хлопоты, казалось, не давали ей делать то, чего она хотела, что должна была — вот эти замысловатые манипуляции с инкассационными сумками, отметки о приходе и уходе с работы, сдача вещей в гардероб — все это не давало людям спокойно и с толком поработать, не говоря уже об ощущении, что каждый был полностью обособлен от всех остальных и существовал в абсолютно искаженной реальности, где такие вещи, как общение, любовь и все, что составляло смысл любой жизни, не могло найти себе выражения. Она так и видела, как люди сидят за столиками и на диванах, ведут беседы, и с их губ срываются мертвые, тяжелые слова о безжизненных неподвижных вещах, не пробуждая в их душах ни единой искры. А если кто-то и пытался эту искру пробудить, то при виде вечно закрытых масками лиц собеседников поневоле отпускал реплику, такую совершенную в своей банальности, что никому бы и в голову не пришло, что сказанное может иметь двойной смысл. И потом — одиночество, только усиливавшееся тем фактом, что день за днем ты видел в универмаге одни и те же лица, людей, с кем ты должен был бы заговорить, но никогда не делал этого или даже не имел такой возможности. И это даже не было похоже на попытку перекинуться словом со случайным попутчиком в автобусе, которого ты повстречал впервые и никогда больше не увидишь.

Каждое утро, стоя в очереди в подвале универмага, чтобы отметить о приходе на работу, она думала — а глаза ее тем временем бессознательно отделяли постоянных работников от временных — она думала, как же ее угораздило оказаться здесь. Она, конечно, сама пришла по рекламному объявлению, но это никак не объясняло поворота судьбы и того, что пришло на смену ее карьере сценографа. Ее жизнь была чередой зигзагов. И в ее девятнадцать это беспокоило.

— Ты должна научиться доверять людям, Тереза. Помни это, — частенько повторяла ей сестра Алисия. И часто, очень часто, Тереза старалась следовать ее словам.

«Сестра Алисия», — прошептала Тереза, тщательно произнося каждую букву. Эти свистящие на слух слоги успокаивали ее.

Тереза снова взяла вилку и вернулась к еде, поскольку в ее сторону уже направлялся мальчишка-уборщик.

Сестра Алисия так и стояла у нее перед глазами — лицо угловатое, красноватого оттенка, как розовый кварц, освещенный солнцем, и накрахмаленный синий корсаж вздымается волной у нее на груди. Вот ее большая костлявая фигура появляется из-за угла коридора, вот она проходит между покрытыми белой эмалевой краской столами в трапезной, вот сестра Алисия еще в тысяче мест, и ее маленькие голубые глазки всегда выделяют Терезу среди других девочек, смотрят на нее не так, как на остальных, хотя ее тонкие розовые губы по-прежнему строго поджаты. А вот сестра Алисия протягивает ей вязаные зеленые перчатки, завернутые в папиросную бумагу — без тени улыбки, просто лично вручает их ей, не сказав ни слова, и это подарок на ее восьмой день рождения. Вот, со все так же поджатыми губами, сестра Алисия говорит ей, что она обязана сдать экзамен по математике. Кому еще было дело то того, сдаст она математику или нет? Тереза хранила зеленые перчатки на дне своего школьного шкафчика еще целых четыре года после того, как сестра Алисия переехала в Калифорнию. Белая папиросная бумага утратила гладкость и покрылась сеточкой морщин, как древняя ткань, но

Тереза все еще берегла перчатки и не носила их. В итоге они стали ей слишком малы.

Кто-то передвинул сахарницу, и опиравшийся на нее буклет бухнулся на стол плашмя.

Тереза увидела, как пара рук на том конце стола — пухлые руки стареющей женщины — размещают кофе, разламывают булочку и с нетерпеливым подрагиванием обмакивают половинку в коричневую подливку на такой же, как у Терезы, тарелке. Кожа на руках была потрескавшейся, в складочки на костяшках забились грязь, но на правой руке блестело приметное узорчатое серебряное кольцо с прозрачным зеленым камешком, а на левой — золотое обручальное. В уголках ногтей были заметны следы облупившегося красного лака. Тереза посмотрела, как рука подносит ко рту полную вилку горошка, и поняла, что ей не нужно поднимать взгляд на лицо, чтобы представить его обладательницу. Это будет лицо, как и у всех пятидесятилетних работниц «Франкенберга» — измученное, бесконечно усталое и перепуганное, с искаженными глазами, которые линзы очков делали либо слишком большими, либо слишком маленькими, с неровно нанесенными пятнами румян, которые все равно не могли скрыть серую кожу щек. Не было никакой нужды на это смотреть.

— Ты новенькая, да? — голос был пронзительным и легко перекрывал шум, но при этом воспринимался, как почти милый.

— Да, — ответила Тереза и подняла взгляд. Она вспомнила это лицо. На нем была такая усталость, и оно в свое время так ее поразило, что с тех пор она стала обращать внимание на лица других людей.

Это была женщина, которую Тереза увидела однажды вечером, около шести тридцати, когда магазин опустел. Она медленно спускалась по мраморной лестнице, тяжело опираясь рукой на широкие перила, чтобы снять часть веса со своих натруженных и больных ног. «Она не больна, она не попрошайка, она просто здесь работает», — подумала тогда Тереза.

— Ну и как ты справляешься, ничего? — женщина улыбалась ей, и под глазами и вокруг рта у нее кожа собралась кошмарными складками. А вот глаза ее стали совсем живыми и даже довольно участливыми.

— Ну как ты справляешься, ничего? — повторила женщина, перекрикивая шум голосов и стук тарелок. Тереза облизала губы.

— Да, благодарю вас.

— Тебе здесь нравится?

Тереза кивнула.

— Закончили? — юноша в белом фартуке по-хозяйски сграбастал тарелку женщины. Та неуверенно отрицательно помахала рукой и придвинула блюдо с консервированными резаными персиками поближе к себе. Кусочки персиков, как скользкие оранжевые рыбки, соскальзывали с края поднятой ко рту ложки, так что всякий раз женщине доставался только один, который она и съедала.

— Я работаю на третьем этаже, в отделе свитеров. Если ты захочешь меня о чем-то спросить, — произнесла женщина нервно и неуверенно, словно пыталась успеть сказать что-то важное, пока их не прервали и не разлучили, — поднимайся ко мне при случае, поболтаем. Меня зовут миссис Робичек, миссис Руби Робичек, номер пять-четыре-четыре.

— Большое спасибо, — ответила Тереза.

И внезапно безобразная внешность женщины исчезла, потому что за стеклами очков ее карие с красноватыми прожилками глаза светились добротой и участием. Тереза почувствовала, как забилось ее сердце, пробуждаясь к жизни. Она смотрела, как женщина встает из-за стола, как ее низенькая, полная фигура движется прочь и растворяется в толпе ожидающих за стойкой.

Тереза не стала навещать миссис Робичек, но каждое утро, без четверти девять, высматривала ее среди других сотрудников, просачивавшихся в здание, искала ее взглядом в

лифтах и столовой. Она ее так ни разу и не увидела, но приятно было, что есть в магазине кто-то, о ком можно подумать. Это вносило хоть какое-то разнообразие в окружающий мир.

Чуть ли не каждое утро, поднимаясь на свой седьмой этаж, Тереза ненадолго останавливалась, чтобы посмотреть на один игрушечный паровозик. Паровозик располагался на отдельном столе рядом с лифтами. Он был не таким большим, как тот, что разъезжал по полу в задней части отдела игрушек, зато молотил своими крохотными поршнями с такой яростью, которой большой паровоз просто не обладал. Тереза заворуженно смотрела, как гневно и раздраженно он гоняет по замкнутому кругу.

— Prrr! — ревел он и влетал в темную пустоту туннеля из папье маше. — Grrr! — и появлялся на свет.

Паровозик бегал без устали, что утром, когда она выходила из лифта, что вечером, когда она заканчивала работу. Ей казалось, что он прокликает руку того, кто каждый день щелкал его переключателем. В том, как его передняя часть срезала повороты, в его яростном беге по прямым участкам рельсов она видела бешеную и бесплодную погоню за его тираном-создателем. За собой паровозик тянул три пульмановских вагона ^[2], и в каждом сквозь окошки виднелись очертания застывших человеческих фигурок, а в хвосте поезда пристроились открытые полувагоны с настоящими крошечными бревнышками и фальшивым углем. Завершал все служебный вагон, который болтался на поворотах и цеплялся за убегающий поезд, как ребенок цепляется за юбки матери. Не находящая выхода обезумевшая машина, что-то уже давно мертвое, но никак не могущее остановиться, словно изящные поджарые лисички в Центральном зоопарке, кружащие и кружащие по клеткам на пружинистых сильных лапках в бесконечном беге.

Сегодня утром Тереза быстро отвернулась от паровозика и пошла к отделу игрушек, где она работала.

В пять минут десятого большой, разделенный на секции отдел игрушек начинал пробуждаться к жизни. С длинных столов снимали зеленые покрывала. Заводные игрушки начинали подбрасывать в воздух мячики и ловить их, игрушечные тире раскладывались, и их мишени начинали вращаться. Стол с домашними животными кричал, гоготал и ревел. За спиной у Терезы начиналось надоедливое тарахтение — огромный жестяной солдат браво встречал выходящих из лифта барабанной дробью и барабанил без устали целый день. Стол с раскрасками и поделками источал запах свежего пластилина и напоминал ей о кабинете рисования в школе, когда она была совсем маленькой, а еще — о чем-то вроде склепа на школьном дворе — ходили слухи, что это чья-то настоящая гробница, и она любила заглядывать внутрь, прижимаясь носом к прутьям железной решетки.

Миссис Хендриксон, менеджер кукольного отдела, снимала кукол со стеллажей и рассаживала их враспопырку на стеклянном прилавке.

Тереза поздоровалась с мисс Мартуччи — та стояла за прилавком и так сосредоточенно пересчитывала купюры и монетки, кивая головой в такт, что смогла ответить Терезе только более глубоким кивком. В своем мешочке для денег Тереза насчитала двадцать восемь долларов пятьдесят центов, записала сумму на полоске белой бумаги, которую позже вложат в конверт для товарных чеков, разложила купюры по порядку и спрятала в свой ящичек кассового аппарата.

К этому времени из лифтов стали появляться первые покупатели, нерешительно замирая на мгновение с взволнованным, где-то даже перепуганным выражением, которое всегда возникало на лицах людей, обнаруживших, что они оказались в отделе игрушек. Потом они приходили в себя и начинали бродить по отделу.

— У вас есть куклы, которые писаются? — спросила у нее женщина. — Я бы хотела такую

же, но в желтом платье, — она подтолкнула куклу к ней, и Тереза развернулась и сняла нужную игрушку со стеллажа.

Тереза заметила, что рот и щеки женщины были такими же, как у ее матери — чуть рябоватая кожа под слоем темно-розовых румян, с тонкой прорезью рта, окруженного вертикальными морщинками.

— А у вас все Drinky-Wetsy^[3] одного размера?

Эта работа не требовала никаких умений продавать. Людям нужны были куклы, любые куклы в качестве рождественского подарка. Так что вся работа заключалась в том, чтобы наклониться, вытащить коробку, отыскать куклу с карими глазами, а не с голубыми, позвать миссис Хендриксон, чтобы она открыла витрину своим ключиком, что та с неохотой и прodelывала, если убеждалась, что на полках нужной куклы нет. Еще нужно было протиснуться в проход позади прилавка и пристроить купленную куклу на гору коробок на упаковочном столе, которая постоянно росла, высилась и громоздилась, независимо от того, как часто работники склада приходили, чтобы унести уже готовые пакеты. К прилавку почти никогда не подходили дети. Предполагалось, что кукол им приносит Санта Клаус, только вот его воплощением были безумные напряженные лица и жадно хватающие руки. «И все-таки намерения-то у них всех должно быть, были хорошие» — подумалось Терезе. Даже у самых высокомерных дамочек в норке и соболях, которые с припудренными безразличными лицами торопливо покупали самых больших и дорогих кукол, кукол с настоящими волосами и дополнительными нарядами. И конечно же, любовь жила в бедных людях, которые терпеливо ждали своей очереди, тихонько спрашивали, сколько стоит вон та кукла, сокрушенно качали головой и отворачивались. Тринадцать долларов пятьдесят центов за куклу в десять дюймов высотой!

«Возьмите ее, — так и хотелось сказать Терезе. — Она и вправду очень дорогая, но я вам ее отдаю. „Франкенберг“ ее не хватится».

Но женщины в пальто из дешевой ткани и робкие мужчины, кутавшиеся в потертые шарфы, так и уходили, с сожалением поглядывая на остальные прилавки по дороге к лифтам. Если люди приходили за куклой, значит, ничто другое им не было нужно. Кукла была особенным подарком к рождеству, практически живым, почти ребенком.

И хоть дети здесь обычно не появлялись, но иногда, не часто, перед прилавком все же возникал малыш, чаще всего маленькая девочка, очень редко — мальчик, чью ладошку крепко держала родительская рука. Тереза показывала им кукол, которые, как ей казалось, должны были понравиться детям. Она не спешила и, наконец, при виде одной из кукол детское лицо озарялось, заставляя поверить, что все было не зря, и обычно именно с этой куклой ребенок уходил домой.

Однажды вечером после работы Тереза увидела миссис Робичек в кондитерской, торговавшей кофе и пончиками на той стороне улицы. Тереза сама часто заходила туда, чтобы выпить чашечку кофе перед возвращением домой. Миссис Робичек стояла в дальней части кофейни, у края длинной изогнутой стойки и окунала пончик в кружку с кофе.

Тереза с трудом протиснулась к ней сквозь толпу девушек, ряды кофейных кружек и пончиков. Оказавшись плечом к плечу с миссис Робичек, она выдохнула «Здравствуйте» и повернулась к стойке, как будто чашка кофе была единственным, что ее интересовало.

— Здравствуйте, — ответила миссис Робичек таким безразличным тоном, что Тереза сникла. Она больше не осмеливалась посмотреть на миссис Робичек.

И все-таки их плечи соприкасались! Тереза едва успела выпить половину своего кофе, когда миссис Робичек обыденным тоном произнесла:

— Я собираюсь пройти до станции метро Индепендент. Если мы, конечно, отсюда когда-

нибудь выберемся, — ее голос был мрачным, совсем не таким, как тогда в столовой.

Теперь она снова была похожа на сторбленную старуху, которую Тереза видела спускающейся по лестнице.

— Мы выберемся, — ободряюще сказала Тереза и силой проложила им путь к двери.

Терезе тоже было нужно на станцию Индепендент. Они с миссис Робичек потолкались у края неторопливой толпы на входе в подземку, и постепенно и неотвратимо толпа потянула их вниз по ступенькам, словно канализационное отверстие, втягивающее кусочки плавающего мусора. Выяснилось, что им и выходить нужно вместе на Лексингтон Авеню, хотя миссис Робичек жила на 55-й улице, к востоку от Третьей Авеню. Тереза провела миссис Робичек до кулинарии, где та собиралась купить себе что-то на ужин. Терезе тоже было нужно купить себе что-то на ужин, но почему-то она не могла сделать этого в присутствии миссис Робичек.

— У тебя дома есть еда?

— Нет, я куплю что-нибудь позже.

— А почему бы тебе не пойти и не поужинать вместе со мной? Я совершенно одна. Пойдем! — миссис Робичек напоследок пожалала плечами, словно это требовало меньших усилий, чем улыбка.

Тереза хотела было из вежливости отказаться, но не продержалась и секунды.

— Спасибо. Я бы с удовольствием.

Тут она увидела на прилавке завернутый в целлофан пирог — фруктовый пирог, такой увесистый коричневым кирпичик, украшенный сверху красными вишенками, и купила его, чтобы отдать миссис Робичек.

Ее дом был похож на тот, в котором жила Тереза, только облицованный песчаником и намного более темный и мрачный. В коридорах вообще не было освещения, и когда миссис Робичек щелкнула выключателем на площадке третьего этажа, Тереза увидела, что в доме не очень чисто. Комната миссис Робичек тоже не была очень чистой, и постель была не застелена. «Интересно, она и просыпается такой же уставшей, как и ложится?» — подумалось Терезе. Тереза осталась стоять посреди комнаты, а миссис Робичек, шаркая ногами, понесла на крохотную кухоньку в углу взятую у Терезы сумку с продуктами. Тереза поняла, что оказавшись дома, там, где ее никто не видел, миссис Робичек позволила себе выглядеть такой уставшей, какой она и была на самом деле.

Позже Тереза даже не могла припомнить, с чего все началось. Она не помнила предыдущего разговора, да и разговор этот, конечно же, не имел никакого значения. А случилось вот что — миссис Робичек как-то странно отодвинулась от нее и вдруг вместо разговора принялась что-то бормотать, а потом улеглась навзничь на неприбранную постель. Непрекращающееся бормотание, слабая извиняющаяся улыбка, и кошмарный, отвратительный вид низенького, грузного тела с выпирающим животом, и при этом виновато приподнятая голова, все еще вежливо глядящая на нее... это невозможно было слушать.

— У меня ведь был собственный магазин платьев в Квинсе. Да, красивый, большой магазин, — произнесла миссис Робичек, и Тереза уловила нотку хвастовства, и против собственной воли начала прислушиваться, ненавидя себя за это. — Знаешь такие платья, с глубоким вырезом и на маленьких пуговках доверху. Помнишь, три, пять лет назад... — миссис Робичек неловко провела своими скрюченными руками по собственной талии.

Коротенькие руки не сошлись и на половине живота. Она выглядела очень старой, и приглушенный свет лампы превращал тени под ее глазами в черноту.

— Их называли екатерининскими платьями. Помнишь? Это я их создала. Они все вышли из моего магазина в Квинсе. Они были ого какими популярными, да! — миссис Робичек поднялась с кровати и направилась к маленькому сундуку, стоявшему у стены. Она открыла его и, не

прекращая бормотать, начала вытаскивать оттуда платье из темной, тяжелой на вид ткани, и ронять их на пол.

Миссис Робичек взяла в руки темно-гранатовое бархатное платье с белым воротничком и крошечными белыми пуговками, которые доходили до V-образного выреза на передней части прямого лифа.

— Видишь, у меня их сколько? Это я их сделала. Остальные магазины скопировали модель, — она прижала платье к подбородку, и над белым воротничком нелепо замаячила ее уродливая голова. — Нравится? Я тебе одно подарю. Иди сюда. Иди сюда, примеряй!

Терезу затошнило при одной мысли о примерке. Вот бы миссис Робичек угомонилась и снова прилегла отдыхать! Но Тереза послушно встала и, словно у нее не было собственной воли, подошла к ней.

Миссис Робичек дрожащими настойчивыми руками прижала черное бархатное платье к Терезе, и та вдруг поняла, что точно так же миссис Робичек дожидается покупателей в магазине и торопливо нахлобучивает на них свитера, потому что по-другому она просто не умеет. Тереза припомнила, что миссис Робичек говорила, что работает в «Франкенберге» четыре года.

— Тебе больше нравится зеленое? Примеряй его.

Терезе на мгновение заколебалась, и миссис Робичек бросила это платье и вытащила другое, темно-красное.

— Я уже пять штук продала девочкам в магазине, но тебе я одно отдам так. Это остатки, но они все еще в моде. Это нравится тебе больше?

Красное нравилось Терезе больше. Ей нравился красный цвет, особенно вишнево-красный, и ей нравился красный бархат. Миссис Робичек подтолкнула ее в угол, где она могла раздеться и положить вещи на кресло. Но она не хотела платья, не хотела, чтобы ей его отдавали. Это напоминало о том, как ей отдавали ношенные вещи в монастырском приюте, потому что ее считали практически одной из сирот — добрая половина воспитанниц никогда не получала посылок из дома. Тереза стащила свитер и почувствовала себя полностью голой. Она обхватила себя руками за плечи. Тело было холодным и ничего не чувствовало.

— Это я пошила, — восторженно бормотала миссис Робичек самой себе, — как же только я шила, с утра до ночи! У меня работало четыре девочки! Но глаза у меня стали сдавать. Один ослеп, вот этот вот. Надевай платье!

Она рассказала Терезе об операции на глазах. Глаз ослеп не полностью, только частично. Но он очень болел. Глаукома. И до сих пор болит. А потом еще спина. И ноги. Косточки на пальцах.

Тереза поняла, что ей рассказывают обо всех бедствиях и неудачах, чтобы она поняла, как же так вышло, что миссис Робичек так низко пала и опустилась до работы в универмаге.

— Подошло? — уверенно спросила миссис Робичек.

Тереза посмотрелась в зеркало на двери гардероба. Там отразилась высокая стройная фигура с вытянутой головой, которая, казалось, была залита по контуру ярко-желтым светом, переходившим в ярко-красные полосы на каждом плече. Платье ниспадало прямыми изящными складками почти к самым ее щиколоткам. Такое платье носили королевы в волшебных сказках, и было оно краснее крови. Она отступила на шаг и подобрала свободно свисавшее платье сзади так, чтобы оно обтягивало ее бока и талию, и снова посмотрела в зеркало в свои же темно-карие глаза. Она узнавала себя. Так вот какая она — не та девочка в скучной клетчатой юбке и бежевом свитере, и не та девушка, которая работает в отделе кукол в «Франкенберге».

— Тебе нравится? — спросила миссис Робичек.

Тереза все еще рассматривала собственные, на удивление неподвижные губы, чьи очертания она могла видеть очень ясно, хотя на них сейчас было не больше помады, как если бы

ее кто-то поцеловал. Она хотела бы поцеловать образ в зеркале и пробудить его к жизни, но все же осталась стоять совершенно неподвижно, словно нарисованный портрет.

— Если тебе нравится, забирай, — нетерпеливо поторопила миссис Робичек, поглядывая на нее издали, притаившись за гардеробом, точно так же, как скрывается продавец, пока женщины примеряют пальто и платья перед зеркалами в магазине.

Но Тереза знала, что долго это не продлится. Она пошевелится, и волшебство уйдет. Даже если она возьмет платье, волшебство уйдет, потому что оно заключалось в этой минуте, в этом самом мгновении. Она не хотела этого платья. Она попыталась представить это платье висящим в шкафу у нее дома, среди другой одежды, и не смогла. Она начала расстегивать пуговицы и отстегивать воротник.

— Тебе же понравилось, да? — спросила миссис Робичек, будто в этом сомнения и быть не могло.

— Да, — твердо ответила Тереза, признавая этот факт.

Она никак не могла вытащить крючок из петли на воротнике сзади. Миссис Робичек пришлось помочь ей, и она еле вытерпела. Ей казалось, будто ее душат. Что она вообще здесь делает? Как ее угораздило надеть такое платье? Внезапно и миссис Робичек, и ее жилье стали похожи на страшный сон — Тереза осознала, что все это ей снится. Миссис Робичек была горбуньей, хозяйкой подземелья. А ее заманили сюда, чтобы замучать.

— Что с тобой? Булавкой укололась?

Тереза приоткрыла губы, чтобы заговорить, но мысли ее были слишком далеко отсюда. Ее разум парил где-то высоко, кружился в отдалении, наблюдая за сценой в тускло освещенной, устрашающей комнате, где они вдвоем сошлись в отчаянной схватке. И оттуда, сверху, где находился ее разум, она точно понимала, что ее страшит безнадежность, и ничего больше. Безнадежность была в больном теле миссис Робичек, в ее работе в магазине, в грудe платьев у нее в сундуке, в ее безобразии, а главное — в том, что конец ее жизни был безнадежно предсказуем. И безнадежность гнездилась в ней самой, в том, что ей никогда не стать той, кем она хотела бы стать, и не сделать то, что она хотела бы сделать. Неужели вся ее жизнь была всего лишь сном? Неужели это происходит на самом деле? От ужаса этой безнадёги ей хотелось сорвать с себя платье и бежать, пока не стало слишком поздно, пока вокруг нее не упали цепи и не сковали ее.

А может быть, уже было и поздно. словно в кошмарном сне, Тереза стояла посреди комнаты в одной беленькой комбинации и не могла пошевелиться.

— Что такое? Ты замерзла? Жарко же.

Было и вправду жарко. Радиатор шипел. Комната пропахла чесноком и затхлым духом старости, лекарствами и своеобразным металлическим запахом, принадлежавшим миссис Робичек. Терезе хотелось сжаться в комочек на стуле, где лежали ее юбка и свитер. Может быть, если она приляжет на свою одежду, то ничего не случится? Но ей вообще нельзя было ложиться. Если она ляжет, она пропала. Оковы замкнутся, и она тоже превратится в горбунью. Терезу пробила сильная дрожь. Она внезапно перестала контролировать себя.

И это был настоящий озноб, совсем не от испуга или усталости.

— Садись, — проговорил откуда-то издали голос миссис Робичек, и были в нем такое безразличие и скука, словно она была привычной к тому, что девушки теряют сознание у нее в комнате. И снова откуда-то издали сухие, шершавые кончики пальцев прижались к рукам Терезы.

Тереза сопротивлялась, не давая усадить себя на стул, но знала, что в итоге поддастся и даже осознавала, что именно за этим ее сюда и привели. Она рухнула на стул, почувствовала, как миссис Робичек вытаскивает из-под нее юбку, но пошевелиться не могла. Но она все очень

четко осознавала, все еще могла рассуждать свободно, хотя темные подлокотники стула и маячили над ней.

— Ты слишком много времени проводишь на ногах в магазине, — говорила миссис Робичек. — Трудная штука это рождество. Я их четыре пережила. Тебе нужно научиться немножко беречь себя.

Ага, — сползая по лестнице и цепляясь за перила. Беречь себя, кушая ланч в столовой. Скидывать туфли с распухших искореженных ног, чтобы посидеть с поднятыми ногами в женском туалете, предварительно отвоевав у других женщин местечко и положив на батарею газету, чтобы отдохнуть пять минут.

Разум Терезы работал с потрясающей ясностью. Даже удивительно, насколько ясно он работал, хотя она понимала, что просто уставилась в пространство перед собой и не может пошевелиться, даже если захотела бы.

— Ты просто устала, девочка, — сказала миссис Робичек и подоткнула под ее плечи на стуле шерстяное одеяло. — Тебе нужно отдохнуть, весь день на ногах, и весь вечер тоже.

Терезе припомнилась строчка из любимого Ричардом Элиота^[4]. «Ах, это все не то, совсем не то». Тереза хотела произнести ее, но не смогла заставить свои губы пошевелиться. Рот ее наполнился чем-то сладким и обжигающим. Это стоявшая перед ней миссис Робичек налила что-то в ложку из бутылочки и пихнула ложку ей в рот. Тереза послушно проглотила, не заботясь о том, что содержимое могло оказаться отравой. Теперь она могла пошевелить губами, даже смогла бы подняться со стула, но не хотела двигаться. В итоге она прикорнула на стуле, позволила миссис Робичек укрыть себя одеялом и сделала вид, что спит. Но все это время она наблюдала, как сторбленная фигура бродит по комнате, убирает вещи со стола и раздевается ко сну. Она смотрела, как миссис Робичек снимает большой кружевной корсет, а потом целое сооружение на лямках, охватывавшее ее плечи и спускавшееся вниз по спине. Тереза закрыла глаза от ужаса и крепко-крепко зажмурилась, пока скрип пружин и долгий стон не оповестили ее, что миссис Робичек улеглась в кровать. Но это было еще не все. Миссис Робичек потянулась к будильнику, обхватила его пальцами и, не поднимая головы с подушки, стала нащупывать стул рядом с кроватью. В темноте Тереза неясно видела, как ее рука четыре раза приподнялась и опустилась, прежде чем будильник оказался на стуле.

«Я подожду пятнадцать минут, пока она не уснет, и уйду» — подумала Тереза.

Она устала, но приготовилась подавить знакомое ощущение, внезапное чувство, похожее на падение, которое каждую ночь приходило к ней задолго до сна и предвещавшее его. Но оно так и не появилось. Так что после того, как по ее прикидкам прошло пятнадцать минут, Тереза оделась и бесшумно выскользнула за дверь. Это оказалось совсем не сложно, просто открыть дверь и сбежать. «Это несложно потому, — подумалось ей, — что на самом деле я никуда не убегаю».

Глава 2

— ТЕРРИ, помнишь того парня, Фила МакЭлроя, о котором я тебе рассказывал? Который работает в театре? Так вот, он сейчас в городе и говорит, что ты можешь получить работу уже через пару недель.

— Настоящую работу? Где?

— Спектакль в Вилладж. Фил хочет встретиться с нами сегодня вечером. Я расскажу тебе об этом при встрече. Буду примерно через 20 минут. Я как раз уезжаю из школы.

Тереза промчалась три пролета лестницы наверх, к себе в комнату. Звонок застал ее в тот момент, когда она решила освежиться, и теперь мыло засохло на ее лице. Она устала на оранжевую губку в раковине.

— Работа! — прошептала она. Такое волшебное слово.

Она переоделась в платье, повесила на шею короткую серебряную цепочку с медальоном святого Христофора, подарок на день рождения от Ричарда, и причесала волосы, смачивая расческу водой. Так они будут выглядеть аккуратнее. Затем она поставила несколько эскизов и картонных макетов прямо в шкаф, откуда могла легко их достать, когда Фил МакЭлрой попросит их показать. «Нет, у меня не так уж много практического опыта», — пришлось бы ей признать, и ее охватила боязнь не справиться. Она даже стажером никогда не работала, за исключением тех двух дней в Монклэр, когда сделала картонные макеты, которыми в итоге и воспользовалась любительская труппа, если это можно было назвать работой. Она прослушала два курса по театральному дизайну в Нью-Йорке и прочла много книг. Она так и слышала, как Фил МакЭлрой — серьезный и очень занятой молодой человек, вероятно, немного раздосадованный, что пришлось навестить к ней впустую — с сожалением говорит, что вообще-то, она не подходит. «Но в присутствии Ричарда, — подумала Тереза, — это не будет таким уж сокрушительным, как если бы я была одна». С тех пор как они познакомились, Ричард сам уходил или его увольняли по меньшей мере с пяти работ. Потеря и поиски работы беспокоили Ричарда меньше всего. Тереза вспомнила, как месяц назад ее уволили из Пеликан Пресс, и поморщилась. Они даже не удосужились ее уведомить, и единственной причиной увольнения, как она полагала, было то, что ее задание по конкретному исследованию завершилось. Когда она пришла поговорить с мистером Насбаумом, президентом, о том, что ей даже не вручили уведомление об увольнении, он либо не знал, либо притворился, что не знает, что означает это слово.

— Уведо...чего? — равнодушно произнес он, и Тереза развернулась и вылетела из кабинета, боясь разрыдаться на месте. Ричарду было легче — он жил дома, с семьей, поэтому всегда был веселым и добродушным. А еще ему было легче откладывать деньги. Он накопил две тысячи за два года службы во флоте, и еще тысячу за год после списания на берег. А сколько времени понадобится ей, чтобы накопить полторы тысячи долларов, которых стоило членство в Профсоюзе театральных дизайнеров? После почти двух лет в Нью-Йорке у нее было только пятьсот долларов из всей суммы.

— Помолись за меня, — сказала она деревянной фигурке мадонны, стоявшей на книжной полке. Это была единственная красивая вещь в ее квартире — вырезанная из дерева мадонна, купленная ею в первый месяц после приезда в Нью-Йорк. Хотелось бы ей найти для нее в комнате местечко получше, чем эта уродливая книжная полка. Полка смахивала на кучу ящиков из-под фруктов, поставленных друг на друга и выкрашенных в красный цвет. А ей до боли хотелось, чтобы полка была цвета некрашеного дерева, гладкая на ощупь и натертая воском.

Она спустилась в гастроном, купила шесть банок пива и кусочек сыра с плесенью. А когда

поднялась в квартиру, вспомнила, что вообще-то собиралась пойти в магазин за мясом к ужину. Они с Ричардом собирались сегодня поужинать вместе. Теперь планы могли измениться, но она не любила отступать от намеченного там, где дело касалось Ричарда. Она уже почти собралась снова сбегать в магазин за мясом, но тут раздался долгий звонок. Ричард. Она нажала кнопку, отпиравшую дверь подъезда.

Ричард взлетел по ступенькам, улыбаясь.

— Фил не звонил?

— Нет, — сказала она.

— Хорошо. Значит, он придет.

— Когда?

— Через несколько минут, думаю. Он, наверное, долго у нас не пробудет.

— Это действительно похоже на настоящую работу?

— Фил говорит, да.

— Ты знаешь, что это за пьеса?

— Я ничего не знаю кроме того, что им нужен кто-то для подготовки декораций, так почему не ты? — Ричард критически ее осмотрел, улыбаясь. — Ты сегодня выглядишь превосходно. Не нервничай, хорошо? Это всего лишь маленькая труппа в Вилладж, и у тебя, возможно, больше таланта, чем у всех остальных вместе взятых.

Она взяла пальто, которое он бросил на стул, и перевесила его в чулан. Под пальто обнаружился рулон бумаги для набросков, который он принес из художественной школы.

— Нарисовал сегодня что-нибудь великое?

— Да так. Это то, над чем я хочу поработать дома, — небрежно ответил он. — Сегодня у нас была рыженькая модель, знаешь, та, что мне нравится.

Терезе хотелось взглянуть на его набросок, но она понимала, что Ричард наверняка не считает его достойным. Несколько его первых работ были хороши, как тот маяк в синих и черных тонах, что висел над ее кроватью, и который он написал, когда еще служил во флоте и только начинал рисовать. А вот люди у него получались куда хуже, и Тереза сомневалась, что когда-нибудь положение улучшится. Колено его коричневых плотных брюк было замазано пылью от угольного карандаша. Под рубашкой в черно-красную клетку на нем была надета футболка, на ногах — мокасины из оленьей кожи, и от этого его большие ступни выглядели как бесформенные медвежьи лапы. «Он больше смахивает на лесоруба или профессионального спортсмена, — подумалось Терезе, — чем на кого-то еще». Ей легче было представить его с топором в руке, чем с кистью художника. Однажды она видела, как он рубил топором дрова во дворе, на заднем дворе своего дома в Бруклине. Если он не докажет своей семье, что делает какие-то успехи в живописи, то этим летом ему, возможно, придется поработать в бизнесе своего отца и переключиться на заправку газовых баллонов, а также открыть филиал в Лонг-Айленде, чего и добивался от него отец.

— Ты работаешь в эту субботу? — спросила она, все еще опасаясь говорить о работе.

— Надеюсь, что нет. А ты свободна?

И она тут же вспомнила, что нет.

— Я свободна в пятницу, — сказала она смиренно. — В субботу мы работаем допоздна.

Ричард улыбнулся.

— Это заговор.

Он взял ее руки и обернул их вокруг своей талии, его беспокойная ходьба по комнате прекратилась.

— Может быть, воскресенье? Мои родители спрашивали, можешь ли ты прийти на ужин, но нам не придется долго оставаться. Я могу одолжить грузовик, и мы могли бы поехать куда-

нибудь во второй половине дня.

— Хорошо.

И ей, и Ричарду нравилось сидеть в кабине большого грузовика, рулить, куда глаза глядят и чувствовать себя свободными, как ветер. Она опустила руки. Она всегда чувствовала себя неловко и глупо, обнимая Ричарда за талию — это было все равно, что стоять и обниматься с деревом.

— Я ведь купила бифштекс на вечер, но у меня его украли в магазине.

— Украли? Откуда?

— С полки, где стоят наши сумки. У работников, которых они нанимают на Рождество, нет своих постоянных шкафчиков.

Сейчас она улыбалась, но днем она едва не рыдала. «Волки, — подумала она, — стая волков, ворующих кровавый кусок мяса только потому, что это пища, бесплатная еда». Она спросила продавщиц, видели ли они что-нибудь, но они все отрицали. «Приносить мясо в магазин не позволено», — с негодованием сказала миссис Хендриксон. Но что делать, если все мясные магазины закрываются в шесть вечера?

Ричард откинулся на спинку дивана-кроватьи. Его губы были тонкими, а линия рта неровной, чуть скошенной вниз, и это придавало его лицу двойственное выражение — вид иногда был смешной, иногда полный горечи, и его довольно пустые и ясные голубые глаза никак не проясняли это противоречие. Он произнес медленно и насмешливо:

— Ты сходила в бюро находок? Потерялся один фунт мяса. Откликается на имя Фрикаделька.

Тереза улыбнулась, глядя на полки на своей махонькой кухоньки.

— Ты думаешь, это смешно? Миссис Хендриксон как раз и предложила мне спуститься вниз в бюро находок.

Ричард гулко расхохотался и встал.

— Вот банка кукурузы, и у меня есть зелень для салата. И есть хлеб с маслом. Мне сходить за замороженными свинными отбивными?

Ричард протянул длинную руку поверх ее плеча и взял с полки буханку ржаного хлеба.

— Ты называешь это хлебом? Это плесень. Посмотри на него, он же голубой, как задница мандрила. Почему ты не ешь хлеб сразу же, как только его покупаешь?

— Я использую его как фонарик, чтобы присвечивать себе в темноте. Но раз он тебе не нравится... — она забрала у него хлеб и выбросила в пакет для мусора. — И вообще, я не этот хлеб имела в виду.

— Покажи мне хлеб, который ты имела в виду.

Рядом с холодильником пронзительно зазвенел дверной звонок, и она поторопилась к кнопке.

— Это они, — сказал Ричард.

На пороге возникли двое молодых людей. Ричард представил их, как Фила МакЭлроя и его брата Денни. Фил оказался совсем не таким, как ожидала Тереза. Он не выглядел ни собранным, ни серьезным, ни даже особо умным. И он едва взглянул на нее, когда их представляли друг другу.

Денни стоял с пальто, перекинутым через руку, пока Тереза не взяла его. Она не смогла найти дополнительной вешалки для пальто Фила, и Фил взял его снова и бросил на стул так, что его половина свесилась на пол. Старое грязное двубортное пальто. Тереза подала пиво, сыр и крекеры, прислушиваясь в надежде, что разговор Фила и Ричарда перейдет, наконец-то, на ее работу. Но они говорили о том, что случилось с тех пор, как они в последний раз виделись в Кингстоне, в штате Нью-Йорк. Там прошлым летом в течение двух недель Ричард работал в

придорожном кафе над настенной живописью, и там же официантом работал и Фил.

— Вы тоже работаете в театре? — спросила она Денни.

— Нет, — ответил он. Он не то стеснялся, не то скучал и хотел поскорее уйти. Он был старше Фила и чуть более плотного телосложения. Его темно-карие глаза задумчиво осматривали обстановку комнаты — предмет за предметом.

— У них ничего нет, кроме режиссера и трех актеров, — сказал Фил Ричарду, откинувшись на диване. — Парень, с которым я однажды работал в Филадельфии, теперь ставит эту пьесу. Раймонд Кортес. Если я вас рекомендовал, то уж точно вы будете в деле, — сказал он, взглянув на Терезу. — Он обещал мне в пьесе роль второго брата. Пьеса называется «Мелкий дождь».

— Комедия? — спросила Тереза.

— Комедия. В трех актах. Вы сами делали какие-нибудь декорации?

— А сколько понадобится декораций? — спросил Ричард как раз в тот момент, когда она собралась ответить.

— Не больше двух, но скорее всего они обойдутся и одной. Джорджия Хеллоран играет главную роль. Ты часом не видел пьесу Сартра, которую они ставили там прошлой осенью? Она в ней тоже играла.

— Джорджия? — улыбнулся Ричард. — А что там у нее с Руди?

Тереза разочарованно прислушивалась к их разговору, который перешел на Джорджию, Руди и других незнакомых ей людей. Ей подумалось, что, вполне возможно, Джорджия — одна из тех девушек, с кем у Ричарда был роман. Он как-то упоминал о пятерых. Но она не могла припомнить ни одного имени, кроме Селии.

— Это одна из ваших декораций? — спросил Денни, глядя на картонный макет, висящий на стене, и когда она кивнула, он встал и подошел, чтобы его разглядеть. А Ричард с Филом заговорили о каком-то человеке, который был должен Ричарду деньги. Фил сказал, что как раз видел этого человека вчера вечером в баре «Сан-Ремо». Фил, с его удлинённым лицом и очень короткими волосами, походил на Эль Греко ^[5], подумала Тереза, а вот его брат хоть и обладал теми же чертами лица, но выглядел, как индеец. А вот манера Фила говорить полностью развеивала впечатление об Эль Греко. Он говорил так же, как завсегдатаи баров в Вилладж, все эти юнцы, которые предположительно должны были быть писателями или актерами, но обычно не делали ровным счетом ничего.

— Очень красиво, — сказал Денни, заглядывая за одну из маленьких подвешенных фигурок.

— Это макет для «Петрушки». Сцена народного гулянья, — сказала она, размышляя, знал ли он этот балет. «Он может быть юристом, — подумала она, — или даже врачом». На его пальцах виднелись желтоватые пятна, и это не были пятна от сигарет.

Ричард сказал что-то о том, что голоден, и Фил признался, что и он умирает с голоду, но ни один из них не притронулся к стоявшему перед ними сыру.

— Мы должны быть там через полчаса, Фил, — повторил Денни.

Затем через секунду они все поднялись и стали одеваться.

— Давай поужинаем где-нибудь, Терри, — сказал Ричард. — Как насчет того чешского местечка на Второй улице?

— Хорошо, — ответила она, стараясь казаться покладистой. «Вот они уже и уходят, — подумала она, — а до дела так и не дошло». У нее возник порыв задать Филу прямой вопрос, но она промолчала.

Выйдя на улицу, они двинулись к центру, а не в обратную сторону. Ричард шел с Филом, и только один или два раза оглянулся на нее, словно проверяя, все ли она еще там. Денни поддерживал ее под руку, когда им надо было переходить через бордюр или когда попадались

места грязного скользкого месива, не то снега, не то льда — это были остатки снегопада, который прошел три недели назад.

— Вы доктор? — спросила она Денни.

— Физик, — ответил Денни. — Сейчас я уже на последнем курсе в Университете Нью-Йорка.

Он улыбнулся ей, и на этом разговор на какое-то время прекратился. Затем он заметил:

— И близко не лежало к созданию декораций, ведь так?

Она кивнула.

— Не то слово.

Она начала было спрашивать, не собирается ли он делать что-то, связанное с атомной бомбой, но остановилась, потому что какая была разница, что он там делает или не делает?

— Вы знаете, куда мы идем? — спросила она.

Он широко улыбнулся, показав ряд белых зубов.

— Да. К метро. Но сначала Фил хочет где-то перекусить.

Они шли по Третьей Авеню. И Ричард разговаривал с Филом об их совместной поездке в Европу следующим летом. Тереза испытывала нарастающее чувство неловкости, потому что она болталась у Ричарда в хвосте, как прицепной вагончик, и Фил с Денни, естественно, думали, что она его любовница. Но она не была его любовницей, да и Ричард не ждал, что она поедет в Европу. Это были странные отношения, она это понимала, но кто еще в такое поверит? Исходя из того, чего она навидалась в Нью-Йорке, здесь все спали со всеми после одного, максимум двух свиданий. И те двое, с которыми она ходила на свидания до Ричарда — Анджело и Гарри — конечно же, бросили ее, когда обнаружили, что она не питала интереса к любовным интрижкам. За тот год, что они были знакомы с Ричардом, она три или четыре раза пробовала соблазнить его, и всякий раз безуспешно. Ричард сказал, что предпочитает подождать. Он намеревался подождать, пока она не проявит к нему больший интерес. Ричард хотел жениться на ней, и она была единственной девушкой, кому он сделал предложение — так он сказал. Она знала, что он предложит ей это снова перед поездкой в Европу, но она не настолько любила его, чтобы выходить за него замуж. И все-таки, большую часть денег для путешествия придется взять у него, — от этой мысли ее охватило знакомое чувство вины. Потом перед ней возник образ миссис Семко, матери Ричарда, одобрительно улыбающейся им и их браку, и Тереза невольно замотала головой.

— Что такое? — спросил Денни.

— Ничего.

— Вам холодно?

— Нет. Вовсе нет.

Но он все-таки притянул ее руку поближе. Ей было холодно, и в общем она чувствовала себя довольно несчастной. Отношения с Ричардом были на одну половину неопределенными, а на другую — закосневшими, и она это знала. Они виделись все чаще и чаще, но ближе друг другу не становились. Если за десять месяцев она так и не полюбила его, то может, никогда и не полюбит? Хотя факт оставался фактом — он нравился ей больше, чем кто-либо, кого она знала, и определенно куда больше, чем любой мужчина. Иногда, просыпаясь по утрам и безучастно глядя в потолок, она думала, что влюблена в него — когда вспоминала, как его лицо внезапно озаряется обожанием в ответ на проявление нежности с ее стороны — но потом ее утренняя сонная опустошенность наполнялась осознанием того, который сейчас час, который день и что ей предстоит сделать — словом, всеми обыденными моментами, из которых и состоит жизнь. Но это чувство даже отдаленно не напоминало то, что она читала о любви. Любовь должна была быть неким блаженным безумием. А Ричард, честно говоря, тоже не вел себя ни блаженно, ни

безумно.

— О, да там все сплошь и рядом называется Сен-Жермен-де-пре! — воскликнул Фил и взмахнул рукой. — Я дам вам несколько адресов перед отъездом. Как долго ты думаешь там пробыть?

Грузовик с грохочущими, лязгающими на колесах цепями повернул перед ними, и Тереза не расслышала ответа Ричарда. Фил вошел в магазин Райкерс на углу Пятьдесят третьей улицы.

— Нам не обязательно здесь есть. Фил просто хочет зайти на минутку, — Ричард сжал ее плечо, когда они входили в дверь. — Замечательный день, правда, Терри? Разве ты не чувствуешь? Твоя первая настоящая работа!

Ричард был в этом настолько убежден, что Тереза изо всех сил попыталась осознать, какой же это, должно быть, замечательный момент. Только вот сейчас она не испытывала и доли той уверенности, которую чувствовала днем, глядя на оранжевую губку в раковине после звонка Ричарда. Она облокотилась на спинку стула, Фил сидел на соседнем, а Ричард стоял рядом и все еще болтал с ним. Ослепительный свет, отражавшийся от белых кафельных стен и пола казался ярче солнечного — только здесь не было теней. Она могла рассмотреть каждый блестящий черный волосок в бровях Фила, каждое гладкое и шероховатое пятнышко на незажженной трубке Денни, которую он держал в руке. Она в подробностях могла рассмотреть руку Ричарда, безвольно свисавшую из рукава его пальто, и в который раз поразиться ее несоответствию с его подвижным, долговязым телом. У него были толстые, можно сказать, пухлые руки, и они даже двигались как-то судорожно, словно вслепую, брал ли он солонку или подхватывал за ручку чемодан. «Или когда гладит меня по волосам», — подумала она. Ладони его рук были очень мягкими, как у девушки, и немного влажными. Хуже всего было то, что он вообще забывал чистить ногти, даже когда брал на себя труд изысканно одеваться. Тереза говорила ему об этом пару раз, но сейчас она чувствовала, что не сможет вернуться к этой теме, иначе это начнет его раздражать.

Денни наблюдал за ней. На мгновение она задержалась взглядом на его задумчивых глазах, затем посмотрела вниз. Вдруг она поняла, почему не могла вернуть себе то чувство, что у нее было прежде: она просто не верила, что Фил МакЭлрой мог добыть ей работу по своей рекомендации.

— Вы беспокоитесь насчет работы? — Денни стоял рядом с ней.

— Нет.

— Не волнуйтесь. Фил может дать вам несколько советов. — Он сунул кончик трубки между губ, и, казалось, хотел сказать что-то еще, но отвернулся.

Она вполуха слушала разговор Фила с Ричардом. Они говорили о заказе лодок.

— Кстати, театр «Черная Кошка» всего в нескольких кварталах от Мортон-Стрит, где я живу. Фил тоже остановился у меня. Приходите и пообедайте с нами, а? — сказал Денни.

— Большое спасибо. С удовольствием.

«Вероятно, ничего и не выйдет, — подумала она, — но с его стороны было мило предложить это».

— Как ты думаешь, Терри? — спросил Ричард. — Март — это не слишком рано для Европы? Лучше поехать заранее, а то туристы там все заполонят.

— В марте будет в самый раз, — сказала она.

— Нас же ничто не остановит, правда? И мне даже без разницы, закончу я зимний семестр в школе или нет.

— Нет, нас ничто не остановит.

Легко сказать. Было легко поверить во все это и так же легко не поверить вовсе. Но если бы это было правдой, если бы работа была реальной, пьеса имела бы успех, и она могла бы поехать

во Францию как минимум с одним достижением в своем багаже.... Вдруг Тереза потянулась к руке Ричарда, скользнула по ней вниз и коснулась его пальцев. Ричард так удивился, что застыл на половине фразы.

На следующий день Тереза позвонила по номеру, который дал ей Фил. Ей ответила девушка, и ее голос звучал очень по-деловому. Мистера Кортеса не было, но они слышали о ней от Фила МакЭлроя. Ей дали работу, и она начнет с 28 декабря за пятьдесят долларов в неделю. Она могла прийти заранее и показать мистеру Кортесу свои работы, если хотела, но в этом не было необходимости, ведь мистер МакЭлрой так высоко о ней отзывался.

Тереза позвонила Филу, чтобы поблагодарить его, но никто не подошел к телефону. Она написала ему записку и отправила ее на адрес театра «Черный Кот».

Глава 3

РОБЕРТА УОЛС, младший товаровед в отделе игрушек, прекратила ненадолго свою суматошную беготню и прошептала Терезе:

— Если мы сегодня не продадим этот чемодан за 24.95, в понедельник его уценят, и отдел понесет на два доллара убытков.

Роберта кивнула на коричневый чемодан из клееного картона на прилавке, сунула в руки мисс Мартуччи гору серых коробок и поспешила дальше.

Тереза смотрела, как в длинном проходе перед Робертой расступались продавщицы. Роберта летала от одного прилавка к другому и из одного угла этажа в другой, с девяти утра до шести вечера. Тереза слышала, что Роберта пыталась получить очередное повышение. Она носила модные очки в красной пестрой оправе, и, в отличие от других девушек, всегда закатывала рукава своего зеленого рабочего халатика выше локтя. Тереза видела, как та мелькнула в проходе и остановила миссис Хендриксон, что-то возбужденно ей втолковывая и жестикулируя. Миссис Хендриксон согласно кивнула, Роберта фамильярно прикоснулась к ее плечу, и Тереза почувствовала небольшой укол ревности. Ревности, хотя миссис Хендриксон была ей абсолютно безразлична, более того — она ей даже не нравилась.

— У вас есть мягкая кукла, которая умеет плакать?

Тереза вообще не знала, что такие куклы есть у них в продаже, но женщина была в этом абсолютно уверена, потому что видела ее в рекламе «Франкенберга». Тереза вытащила еще один ящик из дальнего угла, где могла находиться кукла, но там ее не было.

— Што ищешь? — спросила ее мисс Сантини. Мисс Сантини была простужена.

— Мягкую куклу, которая плачет, — сказала Тереза. В последнее время мисс Сантини была особенно обходительна с ней. Тереза вспомнила украденное мясо. Но сейчас мисс Сантини только подняла брови, выпятила ярко-красную нижнюю губу, пожалала плечами и ушла.

— Мягкая? С косичками? — мисс Мартуччи, тощая, с беспорядочно торчащими во все стороны волосами итальянка с длинным, как у волка, носом посмотрела на Терезу.

— Главное, чтобы тебя не услышала Роберта, — сказала мисс Мартуччи, озираясь. — Лучше, чтобы никто тебя не слышал, потому что эти куклы на цокольном этаже.

— О.

Отдел игрушек на верхнем этаже находился в состоянии войны с отделом игрушек цокольного этажа. Тактика состояла в том, чтобы заставить клиентов покупать на седьмом этаже, где все было дороже. Тереза сообщила покупательнице, что такие куклы находились на цокольном этаже.

— Попытайся сегодня продать его, — сказала мисс Дэвис, протискиваясь позади нее, и похлопала рукой с покрытыми красным лаком ногтями по чемодану из ячеистой искусственной кожи под крокодила.

Тереза кивнула.

— А есть у вас куклы на негнущихся ногах? Которые могут сами стоять?

Тереза взглянула на женщину средних лет — та была на костылях, и из-за этого ее плечи выпирали вверх. Ее лицо отличалось от всех других лиц по ту сторону прилавка — нежное, с уверенными, понимающими глазами, словно они на самом деле видели то, на что смотрели.

— Она немного больше, чем мне хотелось, — сказала женщина, когда Тереза показала ей куклу. — Извините. Есть ли у вас поменьше?

— Думаю, да.

Тереза пошла дальше по проходу, осознавая, что женщина поковыляла за ней на костылях,

огибая толпу людей у прилавка, чтобы сэкономить Терезе путь обратно. Внезапно Терезе захотелось избавиться ее от бесконечной боли, найти именно ту куклу, которую искала женщина. Но и другая кукла была не совсем та, что нужно. У куклы не было настоящих волос. Тереза попыталась поискать в другом месте и нашла такую же куклу с настоящими волосами. Она даже плакала, когда ее наклоняли. Как раз то, что хотела женщина. Тереза осторожно уложила завернутую в папиросную бумагу куклу в новую коробку.

— Это просто замечательно, — повторила женщина. — Я хочу послать ее в Австралию своей подруге-медсестре. Мы вместе закончили школу медсестер, так что я пошила крохотную униформу, почти как у нас, и одену в нее куклу. Спасибо вам большое! И счастливого вам Рождества!

— И вас с Рождеством! — сказала Тереза, улыбаясь. Это было первое поздравление с Рождеством, которое она слышала от клиента.

— У вас уже был перерыв, мисс Беливет? — спросила миссис Хендриксон так резко, словно упрекая ее в чем-то.

У Терезы перерыва еще не было. С полки из-под прилавка, где упаковывали покупки, она достала сумочку и книгу, которую читала. Это был Джойс^[6], «Портрет художника в юности», и Ричард дожидаться не мог, когда же она его прочтет. «Как можно было прочесть Гертруду Стайн^[7], не прочитав при этом ни строчки из Джойса, — распинался Ричард, — это же просто уму непостижимо!» Тереза чувствовала себя немного униженно, когда Ричард разговаривал с ней о книгах. В школе она перечитала все, что стояло на книжных полках, и, как она теперь понимала, библиотека ордена святой Маргариты была отнюдь не католической, раз уж ей попадались такие неожиданные авторы, как Гертруда Стайн.

Коридор, ведущий к комнатам отдыха персонала, был перекрыт большими грузовыми тележками, до верху заваленными коробками. Тереза остановилась.

— Пикси^[8]! — крикнул ей один из парнишек-грузчиков.

Тереза слегка улыбнулась, потому что это было глупо. Даже внизу, в раздевалке в подвале, они ей кричали «Пикси!» и утром, и вечером.

— Пикси, не меня ли ждешь? — грубоватый голос заорал снова, заглушая столкновение и удар нагруженных тележек. Она прошла мимо и увернулась от мчащейся на нее тележки, на которой восседал клерк.

— Не курить здесь! — прокричал весьма раздраженный начальственный голос, и девушки впереди Терезы, едва успевшие зажечь сигареты, выдохнули дым в воздух, хором громко выкрикнули:

— Да кто он такой вообще — мистер Франкенберг, что ли? — и тут же спрятались в женском туалете.

— Йо-хохо! Пикси!

— Да я дурака валяю, Пикси!

Тележку перед ней занесло, и Тереза ударилась ногой о ее металлический угол. Она пошла дальше и даже не посмотрела вниз, на ногу, хотя боль начинала расцветать в месте удара, словно замедленный взрыв. Она вошла в мешанину из женских голосов, женских фигур и запаха дезинфицирующих средств. Кровь стекала по ноге в туфлю, на чулке зияла рваная дыра. Тереза приложила содранную кожу обратно и, чувствуя тошноту, прислонилась к стене и уцепилась за водосточную трубу. Так она простояла несколько секунд, прислушиваясь к гомону девушек, вертевшихся перед зеркалом. Потом она намочила туалетную бумагу и стала оттирать кровь, пока красные пятна не исчезли с ее чулок. Но кровь все текла и текла.

— Все в порядке, спасибо, — сказала она девушке, которая на мгновение склонилась над

ней, и девушка ушла.

В итоге ей пришлось купить гигиеническую прокладку в торговом автомате. Она вытащила из нее кусочек ваты и привязала к ноге марлей. А тут и подошло время возвращаться за прилавок.

Их глаза встретились в один и тот же миг, когда Тереза поднимала взгляд от коробки, которую она открывала, а женщина просто поворачивала голову, и в этот момент посмотрела прямо на Терезу. Высокая и белокурая, с длинной изящной фигурой, в просторной легкой шубе, которую она придерживала распахнутой, положив руку на талию. Ее глаза были серыми, прозрачными, но притягивали к себе, словно свет или огонь, и, захваченная ими, Тереза не могла отвести взгляд. Она слышала, как стоящий перед ней покупатель повторяет вопрос, но осталась безмолвно стоять на месте. Женщина тоже смотрела на Терезу, лицо ее было озабоченным, словно половина ее мыслей была занята предстоящими покупками. И хотя между ними находилось еще несколько продавщиц, Тереза чувствовала, что женщина подойдет именно к ней. Потом Тереза увидела, как женщина медленно идет к прилавку. Ее сердце на мгновение замерло, потом снова забило, она почувствовала, как начинает заливаться румянцем ее лицо, пока женщина подходила все ближе и ближе.

— Могу я посмотреть один из тех чемоданчиков? — спросила женщина, и оперлась на прилавок, глядя вниз через стеклянную столешницу.

Чемодан с дефектом лежал на расстоянии вытянутой руки, но Тереза повернулась и достала коробку с нижней полки, коробку, которую еще никто не открывал. Когда она выпрямилась, женщина смотрела на нее спокойными серыми глазами, и Тереза не могла ни взглянуть в них, ни отвести взгляд.

— Мне нравится вон тот, но не думаю, что могу купить его, не так ли? — спросила она, кивнув в сторону коричневого саквояжа в витрине позади Терезы.

Светлые брови очерчивали изгиб ее лба. «У нее губы такие же выразительные, как и ее глаза, — подумалось Терезе, — а голос словно мех ее шубы — густой и мягкий, и почему-то полный тайн».

— Да, — сказала Тереза.

Тереза вернулась к складской комнате за ключом. Ключ висел прямо за дверью на гвозде, и никто не имел права прикасаться к нему, кроме миссис Хендриксон. Мисс Дэвис увидела ее и ахнула, но Тереза сказала:

— Мне он нужен, — и вышла.

Она открыла витрину, взяла чемодан и положила его на прилавок.

— Вы даете мне саквояж с витрины? — Она улыбнулась, как будто поняла. И спросила небрежно, облокотившись обоими локтями на прилавок, рассматривая содержимое саквояжа. — Вам за это не достанется?

— Это неважно, — сказала Тереза.

— Хорошо. Я бы хотела использовать наложенный платеж. А что насчет одежды? Она прилагается к саквояжу?

К крышке чемодана была прикреплена одежда, завернутая в целлофан, с ценой на ней.

— Нет, она продается отдельно, — сказал Тереза. — Если вы хотите одежду для куклы — эта не так хороша, как та, что есть в отделе одежды для кукол через проход.

— О! А его успеют доставить в Нью-Джерси до Рождества?

— Да, заказ придет в понедельник.

«А если нет, — подумала Тереза, — я доставлю его лично».

— Миссис Х. Ф. Эйрд, — произнес мягкий, отчетливый голос женщины, и Тереза начала выводить печатными буквами имя на зеленой квитанции наложенного платежа.

Имя, адрес, название города появлялись из-под кончика карандаша, как некая тайна, которую Тереза никогда не забудет, как что-то, что само по себе впечаталось в ее память навсегда.

— Вы ведь не наделаете ошибок, да? — спросил женский голос.

Тереза впервые ощутила аромат духов женщины, и вместо того, чтобы ответить, смогла только покачать головой. Она опустила взгляд на квитанцию, куда старательно вписывала нужные цифры, и всей душой пожелала — так сильно, как вообще можно чего-то на свете желать — чтобы женщина просто продолжила говорить и произнесла:

— Вы и правда настолько рады познакомиться со мной? Так почему бы нам тогда не увидеться снова? Почему бы нам, например, не пообедать вместе сегодня?

Ее голос звучал так непринужденно, и она могла бы сказать это с такой легкостью. Но после произнесенного «да?» не последовало ничего, что облегчило бы стыд от того, что в Терезе распознали новенькую продавщицу, нанятую на период рождественской лихорадки, неопытную и могущую наделать ошибок. Тереза пододвинула учетную книгу в ее сторону, чтобы та расписалась.

Затем женщина взяла свои перчатки с прилавка, повернулась и неторопливо пошла прочь, а Тереза осталась смотреть, как расстояние между ними увеличивается и увеличивается. Ее щиколотки под шубой были тонкими и бледными. На ногах у нее были простые черные замшевые туфли на высоких каблуках.

— Это заказ по наложенному платежу?

Тереза посмотрела на некрасивое, бессмысленное лицо миссис Хендриксон.

— Да, миссис Хендриксон.

— Разве ты не знаешь, что должна отдать клиенту корешок от квитанции? Как ты думаешь они смогут принять покупку, когда та к ним прибудет? Где заказчица? Ты можешь ее догнать?

— Да.

Она была всего в трех метрах от них, через проход, у прилавка отдела одежды для кукол. Тереза секунду помедлила с зеленой квитанцией в руке, а потом понесла ее вокруг прилавка, заставляя себя идти вперед, потому что вдруг застеснялась своей внешности, старой синей юбки, хлопковой блузки — ей не достался зеленый рабочий халат, когда их выдавали сотрудникам — и туфель на унизительно плоской подошве. А еще — ужасной повязки, сквозь которую наверняка снова проступала кровь.

— Я должна отдать вам это, — сказала она, положив несчастный маленький клочок бумаги рядом с рукой на край прилавка, и пошла назад.

Снова оказавшись за прилавком, Тереза уставилась на груды коробок, задумчиво сдвигая их туда и обратно, словно она что-то искала. Тереза дожидалась, пока женщина закончит оформлять покупку у прилавка и уйдет. Она осознавала, что секунды проходят, как безвозвратно убегающее время, как неотвратимо уходящее счастье, и что в эти последние мгновения ей бы нужно было обернуться и запечатлеть в памяти лицо, которое она никогда больше не увидит снова. А еще она осознавала — словно издали и с другим, новым чувством ужаса — как прежние, несмолкающие голоса покупателей у прилавка зовут ее на помощь, окликают ее, смешиваясь с низким, гудящим ревом маленького поезда, создавая часть того вихря, который окружил ее и отделил от женщины.

Но когда она, наконец, обернулась, то оказалось, что она снова смотрит прямо в серые глаза. Женщина шла к ней, и, словно время повернулось вспять, она снова оперлась на прилавок, указала на куклу и попросила ее показать.

Тереза взяла куклу и со стуком выронила ее на стекло прилавка. Женщина посмотрела на нее.

— Похоже, она небьющаяся, — сказала женщина.

Тереза улыбнулась.

— Да, эту я тоже возьму, — сказала она тихим размеренным голосом, который создавал островок спокойствия в окружавшей их суматохе. Она повторила имя и адрес еще раз, и Тереза медленно впитала слетающие с ее губ слова, как будто она еще не заучила их наизусть. — Заказ действительно придет до Рождества?

— Все доставят самое позднее в понедельник. До Рождества останется еще целых два дня.

— Хорошо. Я не хочу вас сильно беспокоить.

Тереза затянула узел на упаковочной ленте, которой она обернула коробку с куклой, но таинственным образом узел развязался.

— Нет! — выдохнула она. В замешательстве, настолько глубоком, что у нее не осталось оправданий, она завязала узел под взглядом женщины.

— Отвратительная работа, да?

— Да, — Тереза обернула квитанции наложенных платежей вокруг белой ленты и сколола их булавкой.

— Простите, я вас совсем замучила.

Тереза бросила на нее взгляд, и к ней вернулось ощущение, что она ее откуда-то знает, что женщина вот-вот раскроется, и тогда они вдвоем рассмеются и все поймут.

— Вы меня не замучили. И я точно знаю, что покупки доставят в срок. — Тереза посмотрела через проход, где раньше стояла женщина, и увидела крошечный листок зеленой бумаги, все еще лежавший на прилавке. — Вы действительно должны сохранить ту квитанцию наложенного платежа.

Сейчас ее глаза преобразила улыбка, и в них заблестел серый, прозрачный огонь, который был Терезе почти знаком, который она почти могла распознать.

— Я получала заказы и без них. Я всегда их теряю, — женщина наклонилась, чтобы подписать вторую квитанцию наложенного платежа.

Тереза смотрела, как она уходит — так же неторопливо, как и пришла, видела, как она, проходя мимо еще одного прилавка, окинула его взглядом и два или три раза хлопнула черными перчатками по своей ладони. Потом она исчезла в лифте.

А Тереза повернулась к следующему клиенту. Она работала терпеливо, без усталости, но у цифр, которые она выводила на квитанциях, появились слабые хвостики в тех местах, где судорожно дергался ее карандаш. Она сходила в кабинет мистера Логана, и это, казалось, заняло несколько часов, но когда она посмотрела на время, то выяснилось, что прошло только пятнадцать минут, и теперь пора было умыться к обеду. Она оцепенело стояла перед вращающимся полотенцем, вытирая руки, чувствуя что не принадлежит никому и ничему в этом мире, чувствуя себя отдельной от всех. Мистер Логан спросил ее, хочет ли она остаться у них после Рождества. Она могла бы получить работу внизу, в косметическом отделе. Тереза сказала: «Нет».

В середине дня она спустилась на первый этаж и купила открытку в отделе поздравительных открыток. Это была не очень интересная открытка, но, по крайней мере, она была простой, в сдержанных сине-золотых тонах. Она стояла, занеся перо над открыткой, думая, что же такое написать — «Вы великолепны» или даже «Я люблю вас» — и в итоге написала быстро, мучительно скучно и безлично: «Сердечные поздравления от универмага „Франкенберг“». Вместо подписи она добавила свой номер 645-А. Потом она спустилась на цокольный этаж в почтовое отделение и застыла над ящиком для писем, вдруг лишившись смелости при виде собственной руки, удерживавшей наполовину просунутое письмо в прорези ящика. И к чему это приведет? В любом случае через несколько дней она собиралась уволиться

из магазина. Будет ли миссис Х.Ф.Эйрд не все равно? Светлые брови, наверное, немного приподнимутся, она посмотрит секунду на открытку, а затем забудет о ней. Тереза бросила открытку в ящик.

По дороге домой к ней пришла идея сценической декорации, интерьер дома, вытянутого больше в глубину, чем в ширину, и все сводится в центр, от которого по обе стороны разбегаются комнаты. Сегодня вечером она хотела начать делать картонную модель, но в итоге успела только прорисовать ее в карандаше. Ей хотелось с кем-то повидаться — не с Ричардом, не с Джеком или Алисой Келли с нижнего этажа, а может быть, со Стеллой, Стеллой Овертон, театральной художницей, с которой она познакомилась в первую неделю своего пребывания в Нью-Йорке. Тереза вдруг поняла, что не видела ее с тех самых пор, как та пришла на коктейльную вечеринку, которую устраивала Тереза, когда переезжала с прежней квартиры. Стелла была одной из тех, кто не знал ее нынешнего адреса. Тереза уже спускалась к телефону в холле, когда услышала короткие быстрые звонки в ее дверь, что означало, что ей кто-то звонил.

— Спасибо, — крикнула Тереза миссис Осборн.

Это был привычный звонок от Ричарда, как обычно, около девяти утра. Ричард хотел знать, пойдет ли она в кино завтра вечером. Картина шла в Саттон, и они еще ее не видели.

Тереза сказала, что она ничего не собиралась делать, но она хотела закончить наволочку. Алиса Келли сказала, что она может спуститься и воспользоваться ее швейной машинкой завтра вечером. И кроме того, она должна была вымыть голову.

— Вымой ее сегодня вечером и встретимся завтра, — добавил Ричард.

— Слишком поздно. Я не могу спать с мокрой головой.

— Я сам помою ее тебе завтра вечером. Мы не будем пользоваться ванной, обойдемся парой ковшей.

Она улыбнулась.

— Думаю, лучше не надо.

В прошлый раз, когда Ричард мыл ей голову, она упала в ванну. Ричард изображал, как вода утекает в сливное отверстие, вращаясь и булькая, и она так смеялась, что ее ноги сами разъехались на полу.

— Так что насчет того, чтобы сходить на художественную выставку в субботу? Она открыта в субботу после обеда.

— Но в субботу у меня рабочий день до девяти. Я не смогу освободиться раньше, чем в девять тридцать.

— О. Хорошо, я покручусь в школе и встретимся около девяти тридцати. На углу Сорок четвертой и Пятой. Хорошо?

— Хорошо.

— Есть что-нибудь новенького сегодня?

— Нет. А у тебя?

— Нет. Завтра я займусь бронированием каюты. Я позвоню тебе завтра вечером.

Тереза так и не позвонила Стелле.

Следующий день был пятницей, последней пятницей перед Рождеством, и самым оживленным днем по мнению Терезы, с тех пор как она работала в Франкенберге, хотя все говорили, что завтра будет еще хуже. Толпы людей угрожающе наваливались на стеклянные прилавки. Покупателей, которых она начала было обслуживать, унесло, и они потерялись в вязком потоке, заполонившем проход. Было невозможно представить еще большее скопление народа, но лифты продолжали извергать из себя людей.

— Я не понимаю, почему они не закроют двери внизу! — заметила Тереза мисс Мартуччи, когда они обе наклонились к полке с товаром.

— Что? — ответила мисс Мартуччи, не расслышав.

— Мисс Беливет! — закричал кто-то, и свисток взорвался трелью.

Это была миссис Хендриксон. Сегодня, чтобы привлечь внимание, она свистела в свисток. Тереза пошла к ней мимо продавщиц, перешагивая через пустые коробки на полу.

— Вам звонят, — сказала ей миссис Хендриксон, указывая на телефон, расположенный на столе для заворачивания покупок.

Тереза беспомощно всплеснула руками, но миссис Хендриксон так торопилась, что не увидела. В такой суматохе невозможно было что-то разобрать по телефону. И она знала, что это, вероятно, веселится Ричард. Как-то он уже ей звонил и раньше.

— Алло? — произнесла она.

— Добрый день, это коллега шесть сорок пять А, Тереза Беливет? — спросил голос оператора сквозь щелчки и жужжание. — Говорите.

— Алло? — повторила она и едва услышала ответ. Она стащила телефон со стола и унесла его в кладовую в нескольких шагах оттуда. Длины провода не хватало, и ей пришлось опуститься на пол. — Алло?

— Здравствуйте, — произнес голос. — Что ж... я хотела бы поблагодарить вас за рождественскую открытку.

— О. Ой, вы...

— Это миссис Эйрд, — сказала она. — Вы — та, кто прислал ее? Или нет?

— Да, — сказала Тереза, неожиданно застыв от чувства вины, как будто ее застали на месте преступления. Она закрыла глаза и сжала трубку, перед ней возникли умные, улыбающиеся глаза, какими она видела их вчера.

— Мне очень жаль, если я вас побеспокоила, — сказала Тереза машинально, таким голосом, которым она говорила с клиентами.

Женщина рассмеялась.

— Это очень забавно, — сказала она непринужденно, и Тереза уловила ту же манеру слегка проглатывать звуки, которую услышала вчера, которую полюбила вчера, — и улыбнулась сама себе.

— Да? Отчего же?

— Вы, должно быть, та самая девушка из отдела игрушек.

— Да.

— Было очень мило с вашей стороны прислать мне открытку, — сказала женщина вежливо.

И тут Тереза поняла. Она подумала, что открытка была от мужчины, от какого-нибудь другого клерка, который обслуживал ее.

— Было очень приятно вас обслуживать, — сказала Тереза.

— Неужели? Вы серьезно? — она, должно быть, насмеялась над Терезой. — Ну, раз уж на дворе Рождество, почему бы нам не встретиться, по крайней мере, за чашечкой кофе? Или чего-нибудь покрепче.

Тереза вздрогнула, когда дверь распахнулась, и в комнату вошла девушка, встав прямо перед ней.

— Да... с удовольствием.

— Когда? — спросила женщина. — Завтра утром я возвращаюсь в Нью-Йорк. Почему бы нам не пообедать вместе? У вас найдется время?

— Конечно. У меня есть час, с двенадцати до часу, — ответила Тереза, уставившись на ноги стоявшей перед ней девушки — в стоптанных плоских мокасинах, задняя сторона лодыжек и массивных голеней обтянута фильдеперсовыми чулками. Девушка переминалась с ноги на ногу, как слон.

— Могу я встретиться с вами внизу, на входе с Тридцать четвертой стрит, около двенадцати?

— Хорошо. Я... — Тереза вдруг вспомнила, что завтра ей на работу к часу дня. У нее было свободно все утро. Она подняла руку вверх, чтобы отвести от себя лавину коробок, которую стоявшая перед ней девушка обрушила с полки вниз. Сама девушка отшатнулась назад, к Терезе, еле удерживая равновесие.

— Алло? — прокричала Тереза, перекрывая шум падающих коробок.

— Я извиня-а-юсь, — сказала раздраженно миссис Забриски, снова распахивая дверь.

— Алло? — повторила Тереза. На том конце провода была тишина.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ, — с улыбкой произнесла женщина.

— Здравствуйте.

— Что-то не так?

— Все в порядке.

По крайней мере, женщина ее узнала, подумала Тереза.

— Есть ли у вас какие-нибудь любимые рестораны? — спросила женщина, когда они зашагали по тротуару.

— Нет. Было бы неплохо найти тихий, но в этом районе таких нет.

— У вас есть время пройтись до Ист-Сайд? Нет, вы не успеете, если у вас в запасе всего лишь час. Мне кажется, я знаю одно местечко в паре кварталов к западу по этой улице. Как думаете, вы успеете?

— Да, конечно.

Было уже 15 минут первого. Тереза знала, что ужасно опоздает, но это не имело никакого значения. Они не стали разговаривать по дороге. Толпа то и дело разлучала их, и один раз женщина с улыбкой взглянула на Терезу поверх тележки, доверху груженной платьями. Они вошли в ресторан с потолком из темных деревянных балок и белыми скатертями, который чудесным образом оказался тихим и полупустым. Они расположились в большой деревянной кабинке, и женщина заказала коктейль из виски и горькой настойки без сахара и предложила Терезе взять такой же или херес, а когда Тереза заколебалась, отослала официанта с заказом.

Она сняла шляпу и провела пальцами по своим белокурым волосам, сначала с одной стороны, потом с другой, и посмотрела на Терезу.

— И как вам в голову пришла такая милая идея послать мне открытку на Рождество?

— Я вспомнила о вас, — сказала Тереза. Она смотрела на маленькие жемчужные серьги — свет так удивительно играл на них, что они совпадали то с цветом волос, то с цветом глаз своей хозяйки.

Тереза считала женщину красивой, но сейчас ее лицо было словно размытым, потому что она не могла осмелиться посмотреть на него прямо. Женщина достала что-то из своей сумочки — губную помаду и пудреницу — и Тереза засмотрелась на футляр от помады — золоченую безделушку, маленькую шкатулку в форме сундучка. Она хотела посмотреть на губы женщины, но мерцающие, словно огонь, серые глаза были так близко, что легко отвлекли ее на себя.

— Вы ведь там не так долго работаете, да?

— Нет. Всего около двух недель.

— И надолго там не задержитесь, скорее всего.

Она предложила Терезе сигарету. Тереза взяла одну.

— Нет. У меня будет другая работа, — она наклонилась к зажигалке, которую держала для нее женщина, к тонкой руке с продолговатыми ногтями, покрытыми красным лаком, и с россыпью веснушек на тыльной стороне.

— И часто на вас находит вдохновение отправлять открытки?

— Открытки?

— Рождественские открытки?

Она улыбнулась сама себе.

— Конечно, нет, — сказала Тереза.

— Что ж, за Рождество.

Она коснулась бокала Терезы своим и выпила.

— Где вы живете? На Манхеттене?

Тереза ей рассказала. На Шестьдесят третьей стрит. Ее родители умерли, добавила она. Последние два года она жила в Нью-Йорке, а до этого в школе в Нью-Джерси. Тереза не стала говорить, что школа была полурелигиозной, епископальной. Она не упомянула сестру Алисию, которую обожала, и о которой думала так часто, вспоминая ее светло-голубые глаза, некрасивый нос и ее любящую строгость. Но со вчерашнего утра сестра Алисия отошла далеко на задний план, вытесненная женщиной, которая сейчас сидела напротив Терезы.

— А чем вы занимаетесь в свободное время?

Лампа на столе делала ее глаза серебристыми, полными жидкого света. Даже жемчужина на мочке ее уха выглядела живой, как подрагивающая капля воды, готовая сорваться от малейшего прикосновения.

— Я... — стоило ли рассказывать ей, что она обычно работает над сценическими макетами? Иногда делает наброски и пишет красками, иногда вырезает что-то вроде силуэтов кошачьих голов и крошечных фигурок для своих балетных декораций? Но что больше всего ей нравится совершать долгие прогулки, брести практически куда глаза глядят? Что больше всего ей нравится просто мечтать? Тереза чувствовала, что ей не нужно было говорить об этом. Она чувствовала, что глаза женщины не отпустят ее, пока не проникнут в самую суть. Тереза снова пригубила свой напиток, он ей нравился, хотя на вкус он был, как сама эта женщина, — подумала она, — пугающий и глубокий. Женщина кивнула официанту, и прибыли еще два напитка.

— Мне это нравится.

— Что? — спросила Тереза.

— Мне нравится, что мне прислал открытку кто-то незнакомый. Так и должно случаться в Рождество. И в этом году мне это особенно понравилось.

— Я рада, — Тереза улыбнулась, размышляя, серьезно ли та говорит.

— Вы очень красивая девушка, — сказала женщина. — И очень чувствительная тоже, не так ли?

«Точно так же она могла бы сказать и о кукле», — подумалось Терезе, с такой небрежностью женщина назвала ее хорошенькой.

— Я думаю, что вы великолепны, — сказала Тереза с храбростью, которую придал ей второй напиток, и ей было все равно, как это могло прозвучать, потому что она знала, что женщина и так это знает.

Та рассмеялась, откинув голову назад, и звук этот был прекраснее музыки. В уголках ее глаз образовались маленькие морщинки, а красные губы сжались, когда она затаилась сигаретой. Мгновение она смотрела куда-то мимо Терезы, опираясь локтями на стол, а подбородок положив на руку, в которой держала сигарету. Она вся была словно нарисована сплошной длинной линией, тянувшейся от талии облегающего черного костюма до расширения плеча, а затем к светловолосой голове с тонкими, непослушными прядями волос, забранными наверх. «Ей, наверное, тридцать или тридцать два, — подумала Тереза, — а ее дочери, которой она купила саквояж и куклу, лет около шести или восьми». Тереза легко могла вообразить светловолосую девочку с загорелым и счастливым лицом, со стройным, хорошо сложенным телом, игривую и веселую. Но лицо ребенка, в отличие от лица женщины, с ее невысокими скулами и, скорее, скандинавскими чертами, было туманным и неопределенным. А муж? Тереза не могла представить его вообще.

Тереза сказала:

— Я уверена, вы подумали, что открытку на Рождество вам прислал мужчина, да?

— Подумала, — сказала она сквозь улыбку. — Я подумала, что послать мне открытку мог

продавец из отдела лыж.

— Простите.

— Нет, я в восторге, — она откинулась на сидении. — Я очень сомневаюсь, что пошла бы с ним на обед. Нет, я в восторге.

Неясный и слегка сладкий запах ее духов настиг Терезу снова, запах, навевающий образ темно-зеленого шелка, который принадлежал только ей, как запах особенного цветка. Тереза подалась навстречу ему, глядя на свой бокал. Она хотела оттолкнуть стол в сторону и броситься в ее объятия, зарыться носом в зелено-золотой шарф, который был плотно повязан на ее шее. Один раз тыльные стороны их рук случайно соприкоснулись на столе, и в месте касания кожа Терезы сама по себе тут же ожила, скорее даже загорелась. Тереза не понимала, что происходит, оно просто происходило, и все. Тереза взглянула на лицо женщины — та почему-то слегка отвернулась — и мгновенное чувство полуузнавания вновь охватило ее. А еще она понимала, что так не бывает. Она никогда не видела эту женщину прежде. Если бы видела, неужто она могла бы ее забыть? В наступившей тишине Тереза чувствовала, что они обе ждут, пока заговорит другая, хотя молчание еще не стало неловким. Прибыли их блюда. Шпинат, запеченный с яйцом в сливках, слегка дымился и источал аромат сливочного масла.

— Как так случилось, что вы живете одна? — спросила женщина, и прежде чем Тереза опомнилась, она уже рассказала ей историю своей жизни.

Но без скучных подробностей. Шестью предложениями, как если бы это все значило для нее меньше, чем где-то прочитанная история. В конце концов, разве имел значение тот факт, была ее мать француженкой или англичанкой? Или венгеркой? И был ли ее отец ирландским художником или чехословацким юристом? Был он успешен или нет? Отдала ли ее мать в Орден Святой Маргарет, как трудного, крикливого ребенка или как трудного, замкнутого ребенка восьми лет от роду? Или была ли она там счастлива? Потому что сейчас, начиная с сегодняшнего дня, она была счастлива. И ей не нужны были ни родители, ни ее бывшее окружение.

— Что может быть скучнее, чем истории о прошлом? — сказала Тереза, улыбаясь. — Разве что будущее, у которого еще нет никакой истории.

Тереза не размышляла над этим. Это было правильно. Она все еще улыбалась, как будто только что научилась это делать, и теперь не знала, как остановиться. Женщина улыбнулась в ответ, радостно и удивленно, и Тереза подумала, что может быть, она над ней посмеивается.

— Откуда эта фамилия Беливет? — спросила женщина.

— Она чешская. Ее изменили, — объяснила Тереза неловко. — В Чехии обычно...

— Она очень необычная.

— А вас как зовут? — спросила Тереза. — По имени?

— Мое имя? Кэрол. Пожалуйста, не называйте меня Кароль.

— Пожалуйста, не называйте меня Сереза, — сказала Тереза, произнося английское «th» как «с.»

— Как вам нравится, чтобы оно произносилось? Тереза?

— Да. Именно так, как вы сказали, — ответила она.

Кэрол произнесла ее имя на французский манер, Терез. Тереза привыкла к десяткам вариантов собственного имени, а иногда и сама произносила его по-разному. Ей нравилось, как Кэрол выговаривала его, и ей нравилось, как двигаются при этом ее губы. Неопределенная тоска, которую она раньше лишь смутно сознавала, теперь стала осознанным желанием. Это было такое нелепое, такое смущающее желание, что Тереза изгнала его из своих мыслей.

— Что вы делаете в воскресенье? — спросила Кэрол.

— Я еще не знаю. Ничего особенного. А вы что делаете?

— Ничего... в последнее время. Если вы как-нибудь захотите навестить меня, милости прошу. По крайней мере, поблизости от того места, где я живу, есть несколько деревушек. Не хотели бы вы приехать и прогуляться в это воскресенье? — сейчас серые глаза смотрели прямо на нее, и впервые Тереза встретила их взгляд. В нем плескалась частичка юмора, Тереза ясно ее видела. И еще что-то? Еще — любопытство и вызов.

— Да, — ответила Тереза.

— Что за странная вы девушка.

— Почему?

— Будто не с этой планеты, — сказала Кэрол.

РИЧАРД СТОЯЛ на углу улицы и ждал ее, переминаясь с ноги на ногу от холода. А она вдруг поняла, что сегодня совсем не замерзла, хотя прохожие на улицах зябко кутались в свои пальто. Она взяла Ричарда за руку и сжала ее крепко и ласково.

— Ты заходил внутрь? — спросила она. Она опоздала на десять минут.

— Конечно, нет. Я ждал.

Он прижался холодными губами и носом к ее щеке.

— У тебя был тяжелый день?

— Нет.

Ночь накрыла улицу темнотой, и ее не могли разогнать даже рождественские огни на нескольких фонарных столбах. Она посмотрела на лицо Ричарда, освещенное огоньком его спички. Гладкий лоб нависал над прищуренными глазами и делал его очень похожим на кита, подумала она, достаточно мощного, чтобы что-то протаранить. Его лицо было словно вырезанная из дерева маска с гладкими и безыскусными чертами. Она видела, как его глаза распахнулись, и будто два клочка голубого неба внезапно блеснули в крошечной темноте.

Он улыбнулся ей.

— Ты в хорошем настроении сегодня. Хочешь, пройдемся вниз, до угла? Там, внутри, нельзя курить. Сигарету?

— Нет, спасибо.

Они пошли вперед. Галерея была совсем рядом, за чередой освещенных окон с рождественскими венками, на втором этаже большого здания. Тереза подумала, что завтра она встретится с Кэрол, уже завтра в одиннадцать утра. Она встретится с ней всего в десяти кварталах отсюда, чуть более чем через двенадцать часов. Она потянулась, чтобы снова взять Ричарда за руку и внезапно почувствовала себя почти неловко. К востоку, вниз по Сорок третьей стрит, она увидела созвездие Ориона, простирившееся точно по центру неба между домами. Раньше она часто смотрела на него, сначала из окон школы, потом — из окна своей первой нью-йоркской квартиры.

— Я забронировал нам билеты сегодня, — сказал Ричард. — «Президент Тейлор» отплывает седьмого марта. Я поговорил с парнем, который продает билеты, и думаю, если я буду постоянно его теребить, то он сможет дать нам каюты с видом на море.

— Седьмого марта? — она услышала зарождающееся волнение в своем голосе, хотя теперь она вовсе не хотела ехать в Европу.

— Примерно через десять недель, — сказал Ричард, беря ее за руку.

— Ты сможешь отменить бронирование, если я не смогу поехать?

Она могла сказать ему сейчас, что не хочет ехать, подумала она, но он бы только принялся с ней спорить, как делал это всегда, когда она сомневалась.

— О-о, конечно, Терри! — ответил он и рассмеялся.

Они шли, и Ричард размахивал ее рукой. «Как если бы мы были любовниками», — подумала Тереза. То, что она испытывала к Кэрол, было почти любовью, если не считать того, что Кэрол была женщиной. Это было не совсем умопомешательство, но несомненно, какая-то блажь. Глупое слово, но разве можно было быть счастливее, чем она была сейчас, чем она уже была с самого четверга?

— Я бы хотел, чтобы у нас была одна на двоих, — сказал Ричард.

— Что на двоих?

— Одна каюта на двоих! — со смехом воскликнул Ричард, и Тереза заметила, как двое

людей на тротуаре повернулись и посмотрели на них. — Может быть, пойдём куда-нибудь и отпразднуем? Мы можем заглянуть в Мэнсфилд, тут за углом.

— Мне не хочется сидеть. Давай попозже.

Они попали на выставку за половину цены по пропускам художественной школы Ричарда. Галерея состояла из вереницы залов с высокими потолками и плюшевыми коврами — роскошный фон для торговой рекламы, графики, литографий, иллюстраций и всего, чем были плотно увешаны стены. Какие-то из них Ричард сосредоточенно изучал, уделяя каждой работе по несколько минут, но Терезе они показались слегка наводящими тоску.

— Ты видела это? — спросил Ричард, указывая на невнятный рисунок, изображавший монтера, занятого ремонтом телефонного кабеля, который Тереза видела где-то раньше, и на который сегодня ей было просто больно смотреть.

— Да, — ответила она. Она думала о другом. Если она перестанет экономить и откладывать деньги на Европу, — что в любом случае было глупо, потому что она не собиралась туда ехать — она могла бы купить себе новое пальто. Сразу после Рождества начнутся распродажи. Сейчас у нее было черное строгое пальто из верблюжьей шерсти, и она всегда чувствовала себя в нем серой мышкой.

Ричард взял ее за руку.

— У тебя нет достаточного уважения к технике, девочка.

Она шутливо нахмурилась и снова сжала его ладонь. И вдруг почувствовала, насколько он ей близок, ощутила те же тепло и радость, что и в первый их вечер, когда они познакомились на вечеринке на Кристофер-стрит, куда ее привела Френсис Коттер. Ричард тогда был немного пьян, таким она его с тех пор больше не видела, и отзывался о книгах, политике и людях весьма благожелательно, чего с тех пор она за ним тоже больше не замечала. Он проболтал тогда с ней весь вечер, и так сильно ей понравился своим энтузиазмом, устремленностью, симпатиями и антипатиями, а еще это была ее первая настоящая вечеринка, и он сделал для нее этот вечер незабываемым.

— Ты не смотришь, — сказал Ричард.

— Я уже насмотрелась. Досматривай ты, и пойдём.

У двери они встретили каких-то людей, которых Ричард знал по художественной школе — молодого человека, девушку и чернокожего юношу. Ричард представил им Терезу. Она бы не назвала их близкими друзьями Ричарда, но он тут же сообщил им всем:

— Мы собираемся в марте в Европу.

И было похоже, что все им позавидовали.

Когда они вышли, Пятая авеню показалась ей пустой и выжидающей, словно театральная декорация для драмы. Тереза быстро пошла по улице, держась подле Ричарда, со спрятанными в карманах руками. Сегодня она где-то потеряла перчатки. Она думала о завтрашнем дне. В одиннадцать часов. Интересно, она все еще будет с Кэрол завтра вечером в этот час?

— А как насчет завтра? — спросил Ричард.

— Завтра?

— Ну, знаешь, мои спрашивали, можешь ли ты прийти в это воскресенье и поужинать с нами.

Тереза помедлила, вспоминая его родных. Она уже четыре или пять раз приходила в гости к семье Семко по воскресеньям во второй половине дня. Обычно они обедали всей семьей около двух, а затем мистер Семко, низенький мужчина с лысой головой, приглашал ее станцевать с ним под польскую и русскую народную музыку, что играла на фонографе.

— Скажи, ты знаешь, что мама хочет сшить тебе платье? — продолжил Ричард. — Она уже и ткань прикупила. Теперь хочет снять с тебя мерку.

— Платье... но это столько работы.

Перед глазами Терезы встали вышитые миссис Семко блузки, белые блузки, на которых рядами выстраивались бесконечные стежки. Миссис Семко гордилась своим рукоделием. Тереза считала, что ей не следует соглашаться, чтобы ради нее проделали такую огромную работу.

— Она любит шить, — сказал Ричард. — Ну, так как насчет завтра? Хочешь приехать к обеду?

— Не думаю, что я хочу приехать в это воскресенье. Они ведь не строили никаких грандиозных планов, да?

— Нет, — разочарованно ответил Ричард. — Ты просто хочешь поработать или у тебя завтра какие-нибудь другие дела?

— Да. Скорее всего, — она не хотела, чтобы Ричард знал о Кэрол, или даже когда-нибудь с ней встретился.

— Даже никуда не поедешь?

— Не думаю, спасибо, — теперь Терезе не нравилось, что он держит ее за руку. Его рука была влажной, и из-за этого холодной, как лед.

— А может, передумаешь?

Тереза покачала головой.

— Нет.

Она могла сказать что-то еще и смягчить отказ, найти какие-то оправдания, но она не хотела лгать о завтрашнем дне больше, чем и так уже соврала. Она услышала, как Ричард вздохнул, и дальше они некоторое время шли молча.

— Мама хочет сшить тебе белое платье с кружевной каймой. Она с ума сходит от того, что в семье нет девочек, кроме Эстер.

Это была его сводная двоюродная сестра, которую Тереза видела всего раз или два.

— Как там Эстер?

— По-старому.

Тереза высвободила свои пальцы из руки Ричарда. Она вдруг почувствовала, что голодна. Свой обеденный перерыв она потратила на то, чтобы написать что-то вроде письма Кэрол, которое так и не отправила, да и не собиралась отправлять. На Третьей авеню они сели в автобус, который шел в северную часть Манхэттена, а потом пешком прошли оттуда до дома Терезы. Тереза не хотела приглашать Ричарда к себе, но все равно пригласила.

— Нет, спасибо, я побегу, — сказал Ричард. Он поставил ногу на первую ступеньку. — Ты сегодня вечером в странном настроении. Ты где-то не здесь.

— Нет, это не так, — сказала она, чувствуя, что мямлит, и от этого разозлилась.

— Так. Я это вижу. В конце концов, ты не...

— Что? — перебила она.

— Что-то у нас не получается, да? — неожиданно серьезно сказал он. — Если ты даже не хочешь проводить со мной воскресенье, как же мы собираемся вместе провести несколько месяцев в Европе?

— Ну... если ты хочешь все прекратить, Ричард...

— Терри, я люблю тебя, — он сердито провел ладонью по своим волосам. — Конечно, я не хочу все прекратить, но...

Он опять замолчал. Она знала, что он собирался сказать — что она практически ничего не дала ему в плане любви, но он не стал бы этого говорить, потому что очень хорошо понимал — она не была в него влюблена. Так почему же он все-таки ожидал от нее проявления чувств? И сам факт того, что она не была в него влюблена, вынуждал Терезу чувствовать себя виноватой, виноватой в том, что она что-то когда-то принимала от него — подарок на день рождения или

приглашение на ужин в его семью или даже его время. Тереза сильно надавила кончиками пальцев на каменные перила.

— Ладно... я знаю. Я не влюблена в тебя, — сказала она.

— Это не то, что я имею в виду, Терри.

— Если ты захочешь когда-нибудь отказаться от этой затеи... я имею в виду, перестать видаться со мной, то сделай это.

В любом случае, она уже не первый раз ему это предлагала.

— Терри, ты же знаешь, что я бы предпочел быть с тобой, чем с кем-либо еще в этом мире. В этом вся и загвоздка.

— Ну ладно, если это загвоздка...

— Ты меня хоть немного любишь, Терри? Насколько ты меня любишь?

«Ну давай я теперь подсчитаю, насколько», — подумала она.

— Я не люблю тебя, но ты мне нравишься. Я поняла сегодня, несколько минут назад, — отчеканила она, не заботясь о том, как звучат ее слова, потому что были правдой, — что на самом деле я почувствовала себя ближе к тебе, чем когда-либо.

Ричард немного недоверчиво посмотрел на нее.

— Правда? — он начал медленно подниматься по ступенькам, улыбаясь, и остановился чуть ниже нее. — Тогда... почему бы тебе не позволить мне остаться с тобой сегодня ночью, Терри? Просто давай попробуем, а?

Он еще шагнуть к ней не успел, а она уже знала, что он собирался попросить ее об этом. Теперь она чувствовала себя несчастной и пристыженной, она жалела себя и его, потому что ситуация была невозможной, потому что она не хотела этого, и ей было порядком не по себе. Всегда существовало это громадное нежелание даже попробовать, и всякий раз, когда он просил ее об этом, все оборачивалось какой-то ужасной неловкостью и ничем больше. Она вспомнила первую ночь, когда она разрешила ему остаться, и снова внутренне содрогнулась. Та ночь была какой угодно, но только не приятной, и она тогда спросила прямо посреди всего:

— Это что, так правильно?

«Как это может быть правильно, и при этом так неприятно», — подумала она. А Ричард лишь рассмеялся — громко, долго и так добродушно, что она ужасно разозлилась. Второй раз был еще хуже, наверное, потому что Ричард думал, что все трудности остались позади. Было настолько больно, что она расплакалась, а Ричард очень извинялся и сказал, что она заставила его почувствовать себя скотиной. И тогда она запротестовала, потому что скотиной он не был. Она очень хорошо понимала, что он таким не был, что он был ангелом по сравнению с тем, каким был бы, например, Анджело Росси, если бы она переспала с ним в ту ночь, когда он стоял здесь, на этих же самых ступеньках, и задавал ей тот же вопрос.

— Терри, милая....

— Нет, — сказала Тереза, обретя, наконец, голос. — Я просто не могу сегодня вечером, и я не могу поехать с тобой в Европу, — закончила она с жалкой и безнадежной откровенностью. Губы Ричарда ошеломленно приоткрылись. Невыносимо было видеть хмурый взгляд над ними.

— Почему нет?

— Потому что. Потому что не могу, — сказала она, мучительно выгалкивая каждое слово. — Потому что я не хочу спать с тобой.

— Ох, Терри! — рассмеялся Ричард. — Прости, что спросил тебя. Забудь об этом, дорогая, хорошо? И в Европе тоже?

Тереза отвела взгляд и снова заметила Орион, который уже немного сместился на небосклоне, а потом опять посмотрела на Ричарда. «Но я не могу, — подумала она. — Мне придется когда-нибудь подумать об этом, потому что ты об этом думаешь». Ей показалось, что

она произнесла эти слова вслух, и что они застыли между ними в воздухе, твердые, как куски дерева, хотя она ничего и не слышала. Она уже говорила ему об этом и раньше — в своей комнате наверху, и еще раз в Проспект-парке, когда сматывала бечевку от бумажного змея. Но он не принял всерьез ее слова, и что ей теперь было делать, снова повторять их?

— Ты не хочешь подняться ненадолго? — спросила она, мучая саму себя, мучаясь от стыда, которому она не могла найти причину.

— Нет, — ответил Ричард, с мягким смехом, пристыдившим ее еще больше из-за его терпимости и понимания. — Нет, я пойду. Спокойной ночи, дорогая. Я люблю тебя, Терри, — и, в последний раз взглянув на нее, он ушел.

Глава 6

ТЕРЕЗА вышла на улицу и осмотрелась, но улицы были пусты настолько, насколько могут быть пустыми улицы утром в воскресенье. Ветер кружился вокруг высокого бетонного угла магазина Франкенберга, словно сердясь, что не находит ни одной человеческой фигуры, чтобы наброситься на нее. «Ни одной, кроме меня,» — подумала Тереза, и вдруг сама себе усмехнулась. Она могла бы предложить для встречи место и получше, чем это. От ледяного ветра у нее свело зубы. Кэрол опаздывала на четверть часа. Если бы она вообще не пришла, Тереза, наверное, все равно прождала бы ее здесь весь день и всю ночь. Из чрева метро появилась одинокая фигура — худющая, как щепка, торопливо бегущая фигура женщины в длинном черном пальто, под которым ее ноги двигались так быстро, что сливались в сплошное мельтешащее пятно.

Затем Тереза обернулась и увидела Кэрол в машине, припаркованной у обочины на той стороне улицы. Тереза подошла к ней.

— Привет! — воскликнула Кэрол и перегнулась через сиденье, чтобы открыть ей дверь.

— Здравствуйте. Я уже думала, вы не приедете.

— Мне ужасно жаль, что я опоздала. Ты замерзла?

— Нет.

Тереза села в машину и захлопнула дверцу. Внутри машины было тепло, это был длинный темно-зеленый автомобиль с темно-зеленой кожаной обивкой. Кэрол медленно вела машину в западном направлении.

— Поедем ко мне домой? Или ты хотела бы куда-то пойти?

— Все равно, — ответила Тереза. Она заметила веснушки у Кэрол на переносице. Ее короткие светлые волосы — Терезе подумалось, что так мерцали бы духи в флаконе, если смотреть сквозь них на свет — были стянуты назад зелено-золотым шарфом, обвивавшим ее голову, словно лента.

— Давай поедем домой. Там довольно-таки мило.

Они проехали в северную часть города. Терезе казалось, что они сидят внутри движущейся горы, которая могла смести все на своем пути, но была абсолютно послушна Кэрол.

— Тебе нравится водить машину? — спросила Кэрол, не глядя на нее. В губах она сжимала сигарету. Она вела машину, и ее руки спокойно отдыхали на руле, как будто для нее это было пустячным делом, как будто она расслабленно сидела где-то в кресле и курила. — Почему ты так притихла?

Они с ревом влетели в тоннель Линкольна. Дикое, необъяснимое волнение поднималось в Терезе, пока она смотрела сквозь лобовое стекло. Ей хотелось, чтобы тоннель обрушился и убил их обеих, и чтобы их тела вместе извлекли из-под обломков. Она чувствовала, что время от времени Кэрол поглядывает на нее.

— Ты завтракала?

— Нет, не завтракала, — ответила Тереза. «Наверное, я выгляжу бледной», — подумалось ей. Она начала было завтракать, но уронила бутылку с молоком в раковину, а потом и вовсе бросила эту затею.

— Ну-ка, выпей кофе. Он там, в термосе.

Они выехали из тоннеля. Кэрол остановилась на обочине дороги.

— Вот, — сказала Кэрол, кивнув в сторону термоса на сиденье между ними. Затем Кэрол сама взяла термос и налила немного дымящегося, светло-коричневого напитка в чашку. Тереза посмотрела на кофе с благодарностью.

— Откуда он взялся?

Кэрол улыбнулась.

— Ты всегда хочешь знать, откуда что взялось?

Кофе был очень крепкий и немного сладкий. Он вернул ей силы. Когда чашка наполовину опустела, Кэрол завела машину. Тереза молчала. О чем было говорить? О брелке в виде золотого четырехлистного клевера с именем Кэрол и адресом на нем, что свисал с цепочки ключей на приборной панели? О рождественском елочном базаре, который они проехали по дороге? О птице, что одиноко летела над болотистого вида полем? Нет. Говорить имело смысл только о том, что она написала в письме, которое так и не отправила Кэрол, а это было невозможно.

— Тебе нравится за городом? — спросила Кэрол, когда они свернули с главной дороги.

Они только что проехали небольшой городок. И вот, по изогнутой широким полукругом подъездной дорожке они подъехали к белому двухэтажному дому с выступающими боковыми крыльями, которые напоминали лапы отдыхающего льва.

Металлическая решетка перед входом, большой блестящий латунный почтовый ящик, за углом глухо лаяла собака, а из-за деревьев проглядывал белый гараж. «В доме пахнет какой-то пряностью, — подумала Тереза, — и еще чем-то сладким, но это точно не духи Кэрол.» Позади нее с негромким, твердым двойным щелчком закрылась дверь. Тереза обернулась и увидела Кэрол — та озадаченно смотрела на нее, ее губы чуть приоткрылись, словно от удивления, и Тереза почувствовала, что уже в следующую секунду Кэрол может задать вопрос: «Что ты здесь делаешь?» — как будто она забыла или вовсе не собиралась привозить ее сюда.

— Здесь никого нет, кроме горничной. Но она нас не побеспокоит, — сказала Кэрол, словно отвечая на какой-то вопрос Терезы.

— Прекрасный дом, — сказала Тереза, и увидела едва заметную улыбку Кэрол, в которой проскользнуло нетерпение.

— Снимай пальто.

Кэрол сняла повязанный вокруг головы шарф и провела пальцами по волосам.

— Не желаешь ли немного перекусить? Уже почти полдень.

— Нет, спасибо.

Кэрол оглядела гостиную, и прежнее выражение недоумения и досады вернулось на ее лицо.

— Пойдем наверх. Там удобнее.

Тереза прошла вслед за Кэрол вверх по белой деревянной лестнице, мимо написанного маслом портрета маленькой девочки с желтыми волосами и квадратным, как у Кэрол, подбородком; мимо окна, в котором промелькнули и тут же исчезли S-образная садовая дорожка и фонтан с сине-зеленой статуей. Наверху был короткий коридор, в который выходили четыре или пять комнат. Кэрол вошла в комнату с зеленым ковром и зелеными стенами и взяла сигарету из коробки на столе. Прикуривая, она взглянула на Терезу. Тереза не знала, что ей делать или что сказать, но чувствовала, что Кэрол ждет, что она скажет или сделает хоть что-нибудь, что угодно. Тереза оглядела простую комнату с темно-зеленым ковром и стоящей вдоль одной стены длинной скамьей, на которой были набросаны зеленые подушки. В центре стоял простой стол из светлого дерева. Игровая комната, подумала Тереза, хотя та больше походила на кабинет — с книгами, музыкальными альбомами и отсутствием фотографий.

— Моя любимая комната, — сказала Кэрол, выходя из нее. — А вообще-то моя комната вон там.

Тереза заглянула в комнату напротив. Там стояла обитая цветастой тканью мебель из светлого натурального дерева, совсем как тот стол в другой комнате. Над туалетным столиком висело продолговатое зеркало в простой раме, и казалось что все вокруг залито солнечным

светом, хотя в комнате не было никакого солнца. Кровать была двуспальной. На противоположной стороне на темном комод лежали мужские массажные щетки для волос. Тереза поискала взглядом фотографию мужа и не нашла. На туалетном столике стояла фотография Кэрол, держащей на руках маленькую девочку со светлыми волосами. И — в серебряной рамке — фотография широко улыбавшейся женщины с темными вьющимися волосами.

— У вас маленькая девочка, да? — спросила Тереза.

Кэрол открыла панель на стене в коридоре.

— Да, — ответила она. — Хочешь кока-колы?

Гул холодильника стал громче. Во всем доме не было слышно ни звука, кроме тех, что издавали они. Тереза не хотела пить холодное, но взяла бутылку и понесла ее вниз вслед за Кэрол, через кухню, в сад на заднем дворе, который она уже видела из окна. За фонтаном было много растений — не выше метра, завернутые в мешковину, они выглядели, будто сбившаяся в кучку группа не пойми чего, подумала Тереза, и она не могла понять, чего именно. Кэрол подтянула разболтавшуюся на ветру бечевку на одном из растений. В толстой шерстяной юбке и голубом кардигане плотной вязки ее фигура выглядела крепкой и сильной, как и ее лицо, а вот щиколотки казались трогательно тонкими. Кэрол, казалось, позабыла о ней на несколько минут, пока медленно прохаживалась, твердо ступая обутыми в мокасины ногами, словно в холодном опустевшем саду она наконец-то обрела спокойствие. Без пальто было ужасно холодно, но из-за того что Кэрол, казалось, этого не замечала, Тереза постаралась вести себя так же.

— Чем бы ты хотела заняться? — спросила Кэрол. — Прогуляться? Послушать музыку?

— Мне и так очень хорошо, — ответила Тереза. «Ее что-то беспокоит, и она вообще жалеет, что пригласила меня в дом» — подумала она. Они пошли назад, к двери в конце садовой дорожки.

— А как тебе нравится твоя работа? — спросила Кэрол уже на кухне, с прежним налетом отстраненности. Она заглянула в большой холодильник и вытащила две тарелки, покрытые воценой бумагой. — Я бы не прочь перекусить, а ты?

Тереза собиралась рассказать ей о работе в театре «Черная кошка». Это было чем-то стоящим, подумала она, единственной важной вещью, что она могла рассказать о себе. Но время для этого рассказа еще не пришло. Так что пока она ответила неторопливо, стараясь казаться такой же отстраненной, как Кэрол, хотя и слышала, как застенчиво звучит ее голос:

— Я полагаю, что это полезный опыт. Учусь, как быть вором, лжецом и поэтом в одном лице, — Тереза откинулась на стуле с прямой спинкой так, что ее голова оказалась в теплом квадрате солнечного света. «А еще я учусь любить» — хотелось сказать ей. Она никогда никого не любила до Кэрол, даже сестру Алисию.

Кэрол посмотрела на нее.

— И как ты становишься поэтом?

— Ощущаю все... слишком сильно, наверное, — честно ответила Тереза.

— А как ты становишься вором? — Кэрол слизнула что-то с большого пальца и нахмурилась. — Ты точно не хочешь карамельного пудинга, а?

— Нет, спасибо. Я пока еще ничего не украдала, но я уверена, что это не составит труда. Сумочки лежат повсюду, и кто-то просто что-то берет. Они крадут мясо, которое ты покупаешь на ужин, — Тереза рассмеялась. Над этим можно было посмеяться вместе с Кэрол. С Кэрол можно было посмеяться над чем угодно.

Они ели ломтики холодной курицы, клюквенный соус, маслины, и хрустящий белый сельдерей. Потом Кэрол прекратила есть и пошла в гостиную. Она вернулась со стаканом виски и добавила туда немного воды из-под крана. Тереза наблюдала за ней. Затем долгое мгновение

они смотрели друг на друга — Кэрол стоя в дверях, а Тереза за столом, глядя через плечо, оставив еду.

Кэрол тихо спросила:

— Ты так со многими людьми знакомишься, пока стоишь за прилавком? Разве не нужно быть осторожной с теми, с кем заводишь разговор?

— О, да, — улыбнулась Тереза.

— Или с теми, с кем ходишь обедать? — глаза Кэрол сверкнули. — Ты можешь нарваться на тех, кто похищает людей.

Она поболтала напиток в стакане, хотя там не было льда, затем выпила его до дна и тонкий серебряный браслет на ее запястье задребезжал, коснувшись стекла.

— Так что... ты со многими так знакомишься?

— Нет, — ответила Тереза.

— С немногими? Всего с тремя, с четырьмя?

— Так, как с... тобой? — Тереза прямо встретила ее взгляд.

Кэрол неотрывно смотрела на нее, словно требуя от нее еще одного слова, еще одной фразы. Но потом поставила стакан на плиту и отвернулась.

— Ты умеешь играть на пианино?

— Немного.

— Садись и сыграй что-нибудь.

А когда Тереза принялась отказываться, она повелительно произнесла:

— Ох, да меня не волнует, как ты сыграешь. Просто сыграй что-нибудь.

Тереза сыграла что-то из Скарлатти, то, что выучила еще в школе. Кэрол сидела в кресле, на другом конце комнаты, слушая расслабленно и неподвижно, даже не пригубив следующий стакан виски с водой. Тереза играла сонату до мажор, которая была медленной и довольно простой, сплошные короткие пассажи, но она вдруг показалась ей скучной, а в части, где начались трели, и вовсе манерной, и она остановилась. Внезапно на нее навалилось сразу все — ее руки на клавишах пианино, на котором, как она знала, играла Кэрол, сама Кэрол, наблюдающая за ней с полуприкрытыми глазами, весь дом Кэрол вокруг нее, и музыка, которая заставила ее забыть и сделала ее беззащитной. Со вздохом она уронила руки на колени.

— Ты устала? — спокойно спросила Кэрол.

Вопрос, казалось, относился не к теперешнему моменту, а ко всему вообще.

— Да.

Кэрол подошла сзади и опустила руки на плечи Терезы. Терезе не было нужды смотреть на них, она и так помнила их наизусть — гибкие и сильные, с тонкими сухожилиями, которые проступили на них, когда они стиснули ее плечи. Казалось, прошла вечность, пока руки передвинулись к ее шее и охватили подбородок, вечность такого сильного смятения, что оно заслонило удовольствие от того, как Кэрол запрокинула ее голову и слегка поцеловала краешек ее волос. Тереза вовсе не почувствовала поцелуя.

— Пойдем со мной, — сказала Кэрол.

Они снова пошли вверх. Цепляясь за перила лестницы, Тереза вдруг вспомнила о миссис Робичек.

— Думаю, тебе не помешало бы поспать, — сказала Кэрол, откидывая хлопковое покрывало с цветочным рисунком и край одеяла.

— Спасибо, но я не...

— Снимай туфли, — сказала Кэрол негромко, но таким тоном, которого нельзя было слушаться. Тереза посмотрела на кровать. Она почти не спала прошлой ночью.

— Не думаю, что я засну, но если вдруг...

— Я разбужу тебя через полчаса.

Она легла, и Кэрол укрыла ее одеялом, а потом присела на край кровати.

— Сколько тебе лет, Тереза?

Тереза подняла глаза. Невозможно, невыносимо было выдерживать ее взгляд, но она все равно выдержала, и ей было уже все равно — умрет ли она в этот самый миг, задушит ли ее Кэрол, уязвимую, распростертую на ее постели, вторгшуюся в ее дом.

— Девятнадцать.

До чего же по-древнему это прозвучало. Как будто она сказала, что ей девяносто один.

Кэрол нахмурила брови, хотя и чуть улыбнулась.

Тереза чувствовала, как та думает о чем-то настолько напряженно, что мысль, висевшую в воздухе между ними, можно было потрогать руками. Потом Кэрол просунула руки под ее плечи и склонила голову вниз, к шее Терезы, и Тереза ощутила, как напряженность оставляет тело Кэрол вместе со вздохом, от которого ее шее стало тепло и который принес с собой запах духов, наполнявший волосы Кэрол.

— Ты же ребенок, — сказала Кэрол, словно упрекая ее в чем-то. Она подняла голову. — Чего ты хочешь?

Тереза вспомнила то, о чем она подумала в ресторане, и сжала зубы от стыда.

— Чего ты хочешь? — повторила Кэрол.

— Ничего, спасибо.

Кэрол встала, подошла к туалетному столику и закурила сигарету.

Тереза наблюдала за ней сквозь полуприкрытые веки, обеспокоенная ее взбудораженным состоянием, хотя ей нравилась сигарета, нравилось наблюдать, как Кэрол курит.

— Чего ты хочешь? Выпить чего-нибудь?

Тереза поняла, что Кэрол предлагает принести ей воды. Она поняла это по той нежности и заботе, которыми был наполнен ее голос, словно Тереза была заболевшим ребенком с высокой температурой. И тогда Тереза ответила:

— Думаю, я бы выпила горячего молока.

Уголок губ Кэрол приподнялся в улыбке.

— Горячего молока, — насмешливо протянула она и вышла из комнаты.

Тереза долго лежала в состоянии не то полусна, не то полутревоги, пока Кэрол не появилась снова, неся на блюдце молоко в белой кружке — обе руки ее были заняты, поэтому дверь она закрыла ногой.

— Оно успело вскипеть, так что на нем пенка, — с досадой сказала Кэрол. — Прости.

Но Терезе это понравилось, потому что это было настолько в духе Кэрол — делать что-то, думая совсем о другом, и поэтому пропустить, что молоко вскипело.

— Так вот как ты его любишь? Обычное молоко?

Тереза кивнула.

— Хм, — сказала Кэрол. Она села на подлокотник кресла и стала за ней наблюдать.

Тереза приподнялась на локте. Молоко было таким горячим, что поначалу она едва могла дотронуться до него губами. Крошечные глотки расплывались внутри ее рта, высвобождая букет естественных вкусов. Молоко было живым — как кости и кровь, как теплая плоть или волосы; пресное, как мел, но все равно живое, как растущий эмбрион.

Пить было горячо до самого дна чашки, и Тереза выпила все до капли, как сказочные герои выпивают зелье, которое их преобразит, или как ничего не подозревающий воин, которого погубит выпитый кубок. Потом Кэрол подошла и забрала чашку, и Тереза смутно осознала, что Кэрол задала ей три вопроса, один вроде был о счастье, другой о магазине, а третий о будущем. Тереза слышала, что отвечает ей, а потом слышала, как ее голос сбивается на бормотание,

срывается, как пружина, которую она не может сдержать, и она вдруг осознала, что плачет. Она рассказывала Кэрол обо всем, чего боялась и не любила, о своем одиночестве, о Ричарде, и о чудовищных разочарованиях. И о своих родителях. Ее мать была жива. Но Тереза не видела ее с тех пор, как ей исполнилось четырнадцать.

Кэрол расспрашивала ее, и Тереза отвечала, хотя и не хотела говорить о своей матери. Мать была не так уж и важна для нее, она даже не превратилась в одно из разочарований. А вот отец — да. Ее отец был совсем другим. Он умер, когда ей было шесть — адвокат чехословацкого происхождения, который всю жизнь хотел быть художником. Он был совсем другим, нежным, отзывчивым, никогда не повышал в гневе голос на женщину, которая его изводила, упрекая в том, что он не стал ни хорошим адвокатом, ни хорошим художником. Он никогда не отличался крепким здоровьем и умер от пневмонии, но Тереза всегда считала, что его убила ее мать. Кэрол все расспрашивала и расспрашивала, и Тереза рассказала о том, как мать отправила ее в школу при монастыре в Монклер, когда ей было восемь, о том, как она редко навещала ее, потому что много разъезжала по стране. Она была пианисткой... нет, не первоклассной, какой могла бы быть, но она всегда находила работу, благодаря своему настырному характеру. И когда Терезе было около десяти, ее мать снова вышла замуж. Тереза побывала в доме матери на Лонг-Айленде в рождественские праздники, и мать и ее муж просили ее остаться с ними, но не так, как будто они хотели, чтобы она осталась. И Терезе не понравился ее муж, Ник, потому что он был точно такой же, как ее мать, большой, с темными волосами, громким голосом, а еще он яростно и несдержанно размахивал руками. Тереза была уверена, что их брак будет идеальным. Ее мать была беременной уже тогда, а сейчас у нее было двое детей. Прогостив у них неделю, Тереза вернулась в приют. После этого мать навещала ее, наверное, три или четыре раза, всегда с каким-нибудь подарком, блузкой, книгой, однажды с косметическим набором, который Тереза просто ненавидела, потому что он напоминал ей ломкие, подведенные тушью ресницы матери. Эти подарки вручались ей матерью осознанно, как лицемерные попытки помириться. Однажды мать привела с собой маленького мальчика, ее единокровного брата, и тогда Тереза поняла, что стала им совсем чужой. Ее мать не любила ее отца, саму ее решила отправить в монастырский приют, когда ей было восемь, так с чего бы матери теперь беспокоиться и навещать ее, зачем она ей вообще нужна? Терезе было бы лучше, если бы у нее вовсе не было родителей, как, например, у половины девочек в школе. В итоге Тереза сказала матери, что она больше не хочет, чтобы та ее навещала, и мать так и поступила, и оскорбленное, обиженное выражение, нервный, косой взгляд карих глаз, судорожная улыбка и молчание — это было последнее, что она помнила о матери. Потом ей исполнилось пятнадцать. Сестры в школе знали, что мать ей не пишет. Они попросили ее написать дочери, и она прислала письмо, но Тереза на него не ответила. Позже, в последний год обучения — ей тогда было семнадцать — школа попросила у ее матери двести долларов. Тереза не хотела никаких денег от нее и была наполовину уверена, что мать ничего и не даст, но она дала, и Терезе пришлось их взять.

— Я так жалею, что взяла их. Я никогда никому не рассказывала, кроме тебя. Когда-нибудь я хочу их вернуть.

— Чепуха, — мягко сказала Кэрол. Она сидела на подлокотнике кресла, опираясь подбородком на руку, не сводила с Терезы глаз и улыбалась. — Ты так и не выросла. Когда выбросишь из головы идею отдать ей деньги, тогда ты станешь взрослой.

Тереза не ответила.

— Ты не думаешь, что когда-нибудь захочешь увидеть ее снова? Может быть, через несколько лет?

Тереза покачала головой. Она улыбнулась, но слезы все еще лились из ее глаз.

— Я больше не хочу об этом говорить.

— А Ричард обо всем этом знает?

— Нет. Только то, что она жива. Да разве это важно? Совсем неважно.

Она чувствовала, что если бы смогла хорошенько выплакаться, то мучившие ее усталость, одиночество, разочарование ушли бы вместе со слезами, словно слезы и заключали их в себе. И она была рада, что Кэрол отошла и дала ей выплакаться сейчас. Кэрол стояла у туалетного столика, спиной к ней. Тереза неподвижно застыла на кровати, приподнявшись на локте, истощенная наполовину подавленными рыданиями.

— Никогда больше не буду плакать, — сказала она.

— Ох, будешь.

Чиркнула спичка. Тереза взяла еще одну салфетку с прикроватной тумбочки и высморкалась.

— Кто еще есть в твоей жизни, кроме Ричарда? — спросила Кэрол.

Она ведь сбежала ото всех. В доме, где она на первых порах жила в Нью-Йорке, у нее были Лили и мистер и миссис Андерсон. Фрэнсис Коттер и Тим в Пеликан Пресс. Лоис Ваврика, девушка, которая тоже училась в школе в Монклер. А кто остался в ее жизни сейчас? Семья Келли, которая жила на втором этаже дома миссис Осборн. И Ричард.

— Когда меня уволили с прежней работы в прошлом месяце, — сказала Тереза, — мне было стыдно, и я переехала... — Она запнулась.

— Переехала куда?

— Я никому не сказала, куда, кроме Ричарда. Я просто исчезла. Я полагаю, что это была моя идея начать новую жизнь, но больше всего мне было стыдно. Я не хотела, чтобы кто-нибудь знал, где я.

Кэрол улыбнулась.

— Исчезла! Мне это нравится. Как тебе повезло, что ты смогла это сделать. Ты свободна. Ты это хоть понимаешь?

Тереза ничего не сказала.

— Нет, — ответила Кэрол за нее.

Рядом с Кэрол на туалетном столике слабо тикали квадратные серые часы, и Тереза, как она проделывала это тысячу раз в магазине, заметила время и вдруг сообразила, который на самом деле час. Было чуть больше четверти пятого, и вдруг она встревожилась, как будто пролежала здесь слишком долго, дольше, чем Кэрол могла бы ожидать от гостя.

Потом зазвонил телефон, неожиданно и длинно, как если бы в коридоре истерично взвизгнула женщина, и они обе вздрогнули.

Кэрол встала и чем-то дважды ударила по ладони, так же как она ударила перчатками по ладони в магазине. Телефон снова заверещал, и Тереза была уверена, что Кэрол сейчас швырнет, что бы она там ни держала в руке, швырнет это через всю комнату в стену. Но Кэрол только повернулась, спокойно положила вещь и вышла из комнаты.

Тереза слышала ее голос, доносившийся из коридора. Она не хотела слышать, что Кэрол говорит. Она встала, надела юбку и туфли. Теперь она увидела, что Кэрол держала в руке. Это был рожок для обуви из желтовато-коричневого дерева. Любой другой человек швырнул бы его, подумала Тереза. И поняла, что может одним словом описать то, что она почувствовала в Кэрол — гордость. Она услышала голос Кэрол, звучащий абсолютно ровно, а когда она приоткрыла дверь, чтобы выйти, до нее донеслись слова «у меня гость,» уже в третий раз спокойно приводимые в качестве довода. «Я думаю, что это отличная причина. Почему лучше?... А почему не завтра? Если ты...»

А потом повисла тишина, пока Кэрол не шагнула на лестницу, и Тереза поняла, что тот, кто с ней говорил, бросил трубку. «Да кто же это посмел?» — задалась вопросом Тереза.

— Мне лучше уйти? — спросила она.

Кэрол посмотрела на нее точно так же, как смотрела, когда они впервые вошли в дом.

— Нет, если только сама не захочешь. Нет. Мы поедem на машине позже, если захочешь.

Она поняла, что Кэрол не хочется еще раз садиться за руль. Тереза принялась заправлять кровать.

— Оставь кровать как есть, — Кэрол смотрела на нее из коридора. — Просто закрой дверь.

— А кто это придет?

Кэрол повернулась и пошла в зеленую комнату.

— Мой муж, — ответила она. — Харджесс.

Затем внизу прозвенел звонок, и одновременно с ним щелкнул замок.

— Сегодня скор, как никогда, — пробормотала Кэрол. — Спускайся, Тереза.

Внезапно Терезу скрутил страх, но не из-за мужчины, а из-за того, что его визит вызвал такое раздражение у Кэрол.

Он поднимался по лестнице, а когда увидел Терезу, то сбавил шаг, на лице его появилось легкое удивление, а затем он посмотрел на Кэрол.

— Хардж, это мисс Беливет, — сказала Кэрол. — Мистер Эйрд.

— Здравствуйте, — сказала Тереза.

Хардж только покосился на Терезу, но его нервные голубые глаза прошли по ней с головы до ног. Он был мужчиной плотного телосложения с довольно розовым лицом. Одна бровь у него была выше другой и посередине беспокойно приподнималась уголком, как будто ее перекосило из-за шрама.

— Здравствуйте, — а затем к Кэрол — мне жаль, что приходится тебя беспокоить. Я только хотел взять пару вещей. Он прошел мимо нее и открыл дверь в комнату, которую Тереза еще не видела. — Вещи для Ринди, — добавил он.

— Картины со стены? — спросила Кэрол.

Мужчина промолчал.

Кэрол и Тереза спустились вниз. В гостиной Кэрол присела, но Тереза осталась стоять.

— Поиграй еще, если хочешь, — сказала Кэрол.

Тереза покачала головой.

— Поиграй еще, — твердо сказала Кэрол. Тереза была напугана неожиданным яростным гневом в ее глазах.

— Я не могу, — сказала Тереза, заартачившись, как мул.

И Кэрол утихла. Кэрол даже улыбнулась. Они слышали, как Хардж быстро прошагал по коридору и остановился, а затем медленно спустился по лестнице. Тереза сначала увидела его одетую в темное фигуру, а затем появилась блондинистая, просвечивавшая розовым голова.

— Я не могу найти тот акварельный набор. Я думал, что он был в моей комнате, — сказал он жалобно.

— Я знаю, где он, — Кэрол встала и устремилась к лестнице.

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я отвез ей что-то на Рождество, — сказал Хардж.

— Спасибо, я ей сама передам.

Кэрол пошла вверх по лестнице.

«Они только-только развелись, — подумала Тереза, — или вот-вот разведутся.»

Хардж посмотрел на Терезу, почти предложил ей свой портсигар, но передумал. На его лице явственно проступало выражение странной смеси беспокойства и скуки. Кожа вокруг его рта была твердой и тяжелой и закруглялась по линии рта так, что казалось, у него не было губ. Он закурил сигарету.

— Вы из Нью-Йорка? — спросил он.

Тереза почувствовала в вопросе презрение и грубость, словно ее ужалили или дали пощечину.

— Да, из Нью-Йорка, — ответила она.

Он готов был задать ей следующий вопрос, когда по лестнице спустилась Кэрол.

Тереза собралась с духом, чтобы провести с ним наедине несколько минут. Теперь же, когда она расслабилась, ее охватила дрожь, и она знала, что он это заметил.

— Спасибо, — сказал Хардж и взял коробку у Кэрол. Он пошел за своим пальто, которое Тереза заметила на двухместном диване — распластавшееся, расстегнутое, с черными рукавами, раскинувшимися так, будто они сражались за право владения домом.

— До свидания, — сказал ей Хардж. Он надел пальто, пока шел к двери.

— Подруга Эбби? — шепнул он Кэрол.

— Моя подруга, — ответила Кэрол.

— Ты собираешься отвезти подарки Ринди? Когда?

— Что если я ей ничего не подарю, Хардж?

— Кэрол... — он остановился на пороге, и Тереза едва расслышала, как он сказал что-то о том, что она все портит. А потом добавил:

— Я сейчас собираюсь навестить Синтию. Я могу заехать на обратном пути? Это будет еще до восьми.

— Хардж, зачем? — ответила Кэрол устало. — Особенно, когда ты в таком отвратительном настроении.

— Потому что это касается Ринди.

Затем его голос затих, пробормотав что-то неразборчивое.

Спустя мгновение, Кэрол вернулась одна и закрыла дверь. Кэрол встала у двери, держа руки за спиной, и они слышали, как снаружи отъехал автомобиль. «Кэрол, должно быть, согласилась, встретиться с ним вечером», — подумала Тереза.

— Я пойду, — сказала Тереза. Кэрол ничего не ответила. Теперь в тишине между ними повисло безразличие, и Тереза начинала чувствовать себя все более неловко. — Мне лучше уйти, да?

— Да, и мне очень жаль. Извини за Харджа. Он не всегда так груб. Я совершила ошибку, сказав ему, что у меня здесь гость.

— Это не важно.

Кэрол наморщила лоб и сказала с трудом:

— Ты не возражаешь, если я посажу тебя сегодня вечером на поезд, вместо того, чтобы довести тебя до дома?

— Нет.

Она бы не вынесла, если бы Кэрол отвезла ее домой, а потом возвращалась домой одна, в ночи, в темноте.

В машине они также молчали. Тереза открыла дверь, как только автомобиль остановился у вокзала.

— Есть поезд через четыре минуты, — сказала Кэрол.

— Я еще тебя увижу? — выпалила вдруг Тереза.

Кэрол только улыбнулась, немного укоризненно, когда окно между ними стало подниматься.

— Au revoir, — сказала она.

Конечно, конечно, она снова увидит ее, подумала Тереза. Идиотский вопрос!

Автомобиль быстро сдал назад, развернулся и укатил в темноту.

Терезе страстно захотелось снова очутиться в магазине, чтобы наступил понедельник,

потому что Кэрол может снова прийти в понедельник. Но это вряд ли. Вторник был кануном Рождества. Конечно, она могла бы позвонить Кэрол во вторник, хотя бы затем, чтобы пожелать ей счастливого Рождества.

Но не было и мгновения, когда она не думала о Кэрол, и все, что она видела, она, казалось, воспринимала через Кэрол. В тот вечер темные тусклые улицы Нью-Йорка, завтрашний рабочий день, бутылка молока, которую она уронила и разбила в раковине — все это стало неважным. Она с размаху бросилась на кровать и карандашом провела линию на листе бумаги. И еще одну линию — тщательно, осторожно — и еще. Мир рождался вокруг нее, словно залитый солнцем лес с миллионами мерцающих листьев.

МУЖЧИНА ВЗГЛЯНУЛ на вещицу, небрежно держа ее между большим и указательным пальцами. Он был лыс, за исключением длинных прядей черных волос, которые были зализаны от висков наверх и плотно прилипли к гладкому черепу. Он с презрением оттопырил нижнюю губу, и на его лице застыл отрицательный ответ, как только Тереза подошла к прилавку и произнесла первые слова.

— Нет, — выдал он, наконец.

— А за это вы можете мне дать хоть сколько-нибудь? — спросила Тереза.

Губа выпятилась еще больше.

— Может, пятьдесят центов, — и он бросил ее обратно на прилавок. Пальцы Тереза собственнически сжали вещицу.

— Хорошо, как насчет этого?

Она вытащила из кармана пальто серебряную цепочку с медальоном Св. Христофора.

Снова большой и указательный пальцы красноречиво выказали презрение, поворачивая безделушку так, словно это была какая-то мерзость.

— Два пятьдесят.

«Но это стоит по меньшей мере, двадцать долларов», — хотела было сказать Тереза, но не стала, потому что так говорили все.

— Спасибо, — она подхватила цепочку и вышла.

Кто были все эти счастливцы, размышляла она, кто умудрился продать свои старые карманные ножики, сломанные наручные часы и плотницкие рубанки, которые висели группками в витрине? Она не могла удержаться и оглянулась, снова увидев в окне лицо мужчины, показавшееся под рядом свисающих охотничьих ножей. Мужчина смотрел на нее и улыбался. Она чувствовала, что он наизусть знает каждое ее движение. Тереза торопливо пошла по тротуару.

Через десять минут она вернулась и заложила серебряный медальон за два доллара и пятьдесят центов. Она поспешила в западном направлении, перебежала Лексингтон-авеню, затем Парк-авеню и повернула на Мэдисон. Она стискивала коробочку в своем кармане, пока ее острые края не стали резать ей пальцы. Сестра Беатрис дала ей эту коробочку. Она была из инкрустированного коричневого дерева с перламутром и узором в клетку. Она не знала, сколько это стоило, но предполагала, что это было нечто весьма ценное. Что ж, теперь она знала, что ошибалась. Она вошла в магазин кожаных изделий.

— Я хотела бы посмотреть вон ту черную, что на витрине — с ремешком и золотыми пряжками, — сказала Тереза продавщице.

Это была сумочка, которую она заметила в минувшую субботу утром, когда шла на обеденную встречу с Кэрол.

С первого же взгляда она, казалось, выглядела предназначенной для Кэрол. Тереза подумала, что, даже если бы Кэрол не пришла на встречу в тот день, если бы она не никогда больше не увидела Кэрол снова, она должна была бы купить эту сумочку и непременно отослать ее ей.

— Я возьму ее, — сказала Тереза.

— Семьдесят один восемнадцать, включая налоги, — сказала продавщица. — Хотите, чтобы я упаковала подарок?

— Да, пожалуйста, — на прилавке Тереза отсчитала шесть хрустящих десятидолларовых купюр и остаток однодолларовыми. — Я могу оставить ее тут примерно до шести?

Тереза вышла из магазина с квитанцией в кошельке. Не стоило рисковать и приносить сумочку в магазин. Ее могли украсть, даже если это был канун Рождества. Тереза улыбнулась. Она работала в магазине последний день. И через четыре дня начнется работа в «Черном коте». Фил собирался привезти ей копию пьесы на следующий день после Рождества.

Она прошла магазин Brentano. Его витрины были заполнены атласными лентами, книгами в кожаных переплетах и картинками с рыцарями в доспехах. Тереза вернулась и зашла в магазин, не за покупками, а так, на минутку, просто взглянуть, нет ли здесь чего-нибудь более красивого, чем сумочка. Ей попала на глаза иллюстрация на одной из подставок, которые стояли на прилавке. Это был юный рыцарь на белом коне, едущий через лес, в котором вместо деревьев росли цветы, а за ним тянулась череда мальчиков-пажей, последний нес подушечку, а на ней — золотое кольцо. Она взяла в руки книгу в кожаном переплете. На внутренней стороне обложки была указана цена в двадцать пять долларов. Если бы сейчас она просто пошла в банк и взяла еще двадцать пять долларов, она могла бы купить ее. Что такое двадцать пять долларов? Ей не нужно было закладывать серебряный медальон. Она знала, что заложила его только потому, что он был от Ричарда, а она больше не хотела оставлять его у себя. Она закрыла книгу и посмотрела на золоченый обрез, напоминавший вогнутый слиток золота. Но действительно ли Кэрол понравилась бы книга с любовными стихами средневековья? Она не знала. Она не могла припомнить ни малейшего намека на то, какие книги нравились Кэрол. Она поспешно положила книгу и ушла.

Наверху, в отделе кукол, мисс Сантини прогуливалась вдоль прилавка, предлагая всем конфеты из большой коробки.

— Возьмите две, — сказала она Терезе. — Их прислал отдел конфет.

— С удовольствием.

«Подумать только, — подумала она, вонзая зубы в нугу, — дух Рождества снизошел на отдел конфет». Сегодня в магазине царил странная атмосфера. Прежде всего, было необычно тихо. Было много покупателей, но они не торопились, хоть это был и канун Рождества. Тереза взглянула в сторону лифтов, высматривая Кэрол. Если Кэрол не придет, а она, вполне возможно, и не придет, Тереза позвонит ей в шесть тридцать, чтобы просто пожелать счастливого Рождества. Тереза знала ее номер телефона наизусть. Она заметила его на телефонном аппарате в доме Кэрол.

— Мисс Беливет! — позвал ее голос миссис Хендриксон, и Тереза мгновенно насторожилась. Но миссис Хендриксон только махнула рукой в сторону курьера Western Union, которые положил перед Терезой телеграмму.

Тереза нацарапала свою подпись и разорвала ленту. Там говорилось:
ВСТРЕЧУ ТЕБЯ ВНИЗУ В 5 ВЕЧЕРА. КЭРОЛ.

Тереза смяла листок в руке. Она крепко прижала его большим пальцем к ладони и стала смотреть, как курьер, который был уже пожилым мужчиной, возвращается к лифтам. Он шел тяжело и медленно, ссутулившись, при каждом шаге выбрасывая колени далеко вперед, и форменные краги болтались и ерзали у него на ногах.

— Ты выглядишь счастливой, — уныло сказала миссис Забриски, проходя мимо.

Тереза улыбнулась.

— Так и есть.

У миссис Забриски был двухмесячный ребенок, как она сказала Терезе, и ее муж сейчас сидел без работы. Тереза размышляла, были ли миссис Забриски и ее муж влюблены друг в друга, и по-настоящему счастливы. Возможно, были, но в пустом лице Забриски и ее тяжелой походке не было ничего такого, что бы на это намекало. Возможно, когда-то миссис Забриски была так же счастлива, как и она. Возможно, счастье уже ушло. Она вспомнила, как читала —

даже Ричард однажды обмолвился — что любовь, как правило, умирает после двух лет брака. Какой жестокий обман. Она попыталась представить лицо Кэрол, запах ее духов, но эти попытки быстро потеряли всякий смысл. Самое главное — могла ли она сказать, что была влюблена в Кэрол? Она задала себе вопрос, на который была не в состоянии ответить.

Без четверти пять Тереза отправилась к миссис Хендриксон и попросила разрешения уйти на полчаса раньше. Миссис Хендриксон, вероятно, подумала, что телеграмма была как-то с этим связана, но все-таки позволила Терезе уйти, даже не одарив ее недовольным взглядом. И это была еще одна деталь, которая придала этому дню странную атмосферу.

Кэрол ждала ее в фойе, где они уже встречались раньше.

— Привет, — сказала Тереза.

— Я уже закончила.

— Закончила что?

— Закончила работать. Здесь.

Но Кэрол казалась подавленной, и это мгновенно испортило Терезе настроение. Тем не менее, она сказала:

— Я была ужасно рада получить телеграмму.

— Я не знала, будешь ли ты свободна. Ты не занята сегодня вечером?

— Конечно, не занята.

И они пошли медленно, среди толчеи, Кэрол в своих хрупких на вид замшевых туфельках, который делали ее на пару сантиметров выше Терезы. Часом раньше начинал падать снежок, но сейчас он уже прекратился. Теперь от него осталась только слабая дымка под ногами, тонкая белая пряжа, растянувшаяся по улице от тротуара до тротуара.

— Мы должны были увидеться с Эбби сегодня вечером, но она занята, — сказала Кэрол. — В любом случае, мы можем проехаться на машине, если хочешь. Так хорошо с тобой повидаться. Ты просто ангел, что смогла сегодня освободиться. А знаешь что?

— Что? — сказала Тереза, все равно счастливая вопреки себе, хотя настроение Кэрол ее тревожило. Тереза чувствовала, что что-то произошло.

— Как думаешь, где-нибудь поблизости есть место, чтобы выпить чашечку кофе?

— Да. Чуть подальше к востоку.

Тереза думала об одном из кафе, где подавали сэндвичи, между Пятой и Мэдисон, но Кэрол выбрала небольшой бар с навесным тентом перед ним. Официант поначалу отказывался и сказал, что наступил коктейльный час, но когда Кэрол собралась уходить, он принес кофе. Тереза волновалась о том, что ей нужно было забрать сумочку. Она не хотела это делать в присутствии Кэрол, хотя пакет и будет завернут.

— Что-то случилось? — спросила Тереза.

— Что-то, что слишком долго объяснять, — Кэрол улыбнулась, но улыбка была усталой, и между ними повисла тишина, пустая тишина, как если бы они летели в космосе очень далеко друг от друга.

«Наверное, Кэрол пришлось отменить какую-нибудь встречу, которую она с нетерпением предвкушала», — подумала Тереза. Конечно, Кэрол, должна быть занята в канун Рождества.

— Я тебя ни от чего не отвлекаю? — спросила Кэрол.

Тереза чувствовала себя все более напряженно и беспомощно.

— Я должна забрать пакет на Мэдисон-авеню. Это недалеко. Я могу сбежать прямо сейчас, если ты меня подождешь.

— Хорошо.

Тереза встала.

— На такси я могу обернуться за три минуты. Но я не думаю, что ты станешь меня ждать,

да?

Кэрол улыбнулась и потянулась к ее руке, равнодушно сжала и отпустила.

— Я подожду.

Скучающий голос Кэрол звучал у нее в ушах, когда она примостилась на краешек сиденья в такси. На обратном пути движение было настолько медленным, что она вылезла из машины и пробежала последний квартал.

Кэрол по-прежнему была на месте, ее кофе был выпит только наполовину.

— Я не стану пить кофе, — сказала Тереза, потому что Кэрол, казалось, готова была идти.

— Мой автомобиль в центре города. Давай подыдем туда на такси.

Они доехали до делового района, недалеко от Бэттери. Машину Кэрол доставили из подземного гаража. Кэрол поехала на запад к шоссе Вестсайда.

— Вот так лучше, — Кэрол стащила с себя пальто, пока вела машину. — Бросишь его назад?

И они снова замолчали. Кэрол ехала все быстрее, меняя полосы и обгоняя автомобили, как если бы им было нужно куда-то успеть. Тереза, наконец, собралась что-то сказать, хоть что-нибудь, когда они добрались до моста Джорджа Вашингтона. Внезапно ей пришло в голову, что если Кэрол и ее муж разводились, то сегодня Кэрол была в центре города и встречалась с адвокатом. Район пестрел адвокатскими бюро. И что-то пошло не так. Почему они разводятся? Потому что у Харджа была интрижка с женщиной по имени Синтия? Терезе было холодно. Кэрол опустила пассажирское окно, и каждый раз, когда автомобиль ускорялся, ветер врвался в машину и окутывал Терезу холодными объятьями.

— Вот там живет Эбби, — сказала Кэрол, кивая на противоположный берег реки.

Тереза не заметила там ничего особенного.

— Кто такая Эбби?

— Эбби? Моя лучшая подруга, — затем Кэрол посмотрела на нее. — Разве тебе не холодно с открытым окном?

— Нет.

— А должно быть.

Они остановились на красный, и Кэрол подняла стекло. Кэрол посмотрела на нее так, словно увидела впервые за сегодняшний вечер, и под ее взглядом, который прошелся по ее лицу и сложенным на коленях рукам, Тереза почувствовала себя словно щенок, которого Кэрол купила в придорожном питомнике, и только сейчас вдруг вспомнила, что везет его с собой.

— Что случилось, Кэрол? Ты сейчас разводишься?

Кэрол вздохнула.

— Да, развожусь, — ответила она совершенно спокойно и нажала на газ.

— И ребенок у него?

— Только на сегодняшний вечер.

Тереза собиралась задать еще один вопрос, когда Кэрол сказала:

— Давай поговорим о чем-нибудь другом.

И машина покатила дальше — радио играло рождественские гимны, все пели.

А они с Кэрол молчали. Они проехали мимо Йонкерса, и Терезе показалось, что все шансы продолжить разговор с Кэрол она оставила где-то позади, на дороге. Неожиданно Кэрол настояла на том, что она должна что-нибудь съесть, потому что время приближалось к восьми, так что они остановились в маленьком ресторанчике на обочине дороги, в месте, где продавали сендвичи с обжаренными моллюсками. Они сели у стойки и заказали сендвичи с кофе, но Кэрол так и не поела. Кэрол расспрашивала ее о Ричарде, не с таким интересом, как в воскресенье после обеда, а скорее, чтобы удержать Терезу от вопросов о ней. Это были личные вопросы, но

Тереза отвечала на них механически и безразлично. Тихий голос Кэрол все спрашивал и спрашивал, гораздо тише, чем голос мальчика за стойкой, который разговаривал с кем-то в трех метрах от них.

— Ты спишь с ним? — спросила ее Кэрол.

— Спала. Два или три раза, — Тереза рассказала ей обо всем, о ее первом разе и трех последующих. Разговор ее совершенно не смущал. Никогда раньше все это не казалось ей таким скучным и неважным. Она чувствовала, что Кэрол могла представить себе каждую минуту тех вечеров. Она ощутила беспристрастный, оценивающий взгляд, которым Кэрол ее окинула, и знала, что Кэрол собирается сказать — что она не выглядела особенно холодной, или, может быть, эмоционально изголодавшейся. Но Кэрол молчала, и Тереза неловко уставилась на список песен на маленьком музыкальном автомате, стоявшем перед ней. Она вспомнила, как кто-то сказал ей однажды, что у нее чувственный рот, но она не могла вспомнить, кто именно.

— Иногда нужно время, — сказала Кэрол. — Разве ты не веришь, что людям можно дать еще один шанс?

— Но зачем? Это неприятно. И я не влюблена в него.

— Разве ты не думаешь, что могла бы влюбиться, если бы постаралась?

— Это вот так люди влюбляются?

Кэрол взглянула на голову оленя, прикрепленную к стене за стойкой.

— Нет, — с улыбкой ответила она. — Что тебе нравится в Ричарде?

— Ну, он ...

Но она не была уверена, действительно ли это было искренностью. Он не был искренним, она чувствовала это, в своем стремлении стать художником.

— Мне нравится его отношение — больше, чем просто мужское. Он по-настоящему относится ко мне как к личности, а не просто как к девушке, с которой он может дойти до определенной черты или нет. И я люблю его семью — тот факт, что у него есть семья.

— У многих людей есть семьи.

Тереза попыталась объяснить снова.

— Он гибкий. Он меняется. Он не такой, как большинство мужчин, о которых ты можешь сказать «Это доктор» или «Это страховой агент».

— Я думаю, ты знаешь его лучше, чем я знала Харджа после нескольких месяцев брака. По крайней мере, ты не собираешься допустить ту же ошибку, что я — выйти замуж, потому что среди твоего окружения полагается так поступать, когда тебе двадцать или около того.

— Ты имеешь в виду, что ты не была влюблена?

— Нет, была, очень сильно. И Хардж тоже. Он был из тех мужчин, кто за неделю может полностью завладеть твоей жизнью и положить себе в карман. Ты когда-нибудь была влюблена, Тереза?

Она подождала, пока слово из ниоткуда, фальшивое, виноватое, не сошло с ее губ:

— Нет.

— Но ты бы хотела, — Кэрол улыбалась.

— Хардж все еще в тебя влюблен?

Кэрол посмотрела пристально вниз, на колени, и она, вероятно, была шокирована ее прямоотой, подумала Тереза, но, когда Кэрол заговорила, ее голос был таким же ровным, как и прежде:

— Даже не знаю. В каком-то смысле, да, он такой же эмоциональный, каким был всегда. Просто теперь я вижу, какой он на самом деле. Он сказал, что я была первой женщиной, в которую он когда-либо влюбился. Я думаю, это правда, но я не думаю, что он был в меня влюблен... в обычном смысле этого слова... дольше нескольких месяцев. Его никто больше не

интересовал, это верно. Может быть, он был бы более человечным, если бы интересовался другими. Это я могла бы понять и простить.

— Ему нравится Ринди?

— Он в ней души не чает, — Кэрол посмотрела на нее, улыбаясь. — Если он в кого-то и влюблен, так это в Ринди.

— Что это за имя такое?

— Неринда. Хардж ее так назвал. Он хотел сына, но он, кажется, даже больше был доволен дочерью. А я и хотела девочку. Я хотела двоих или троих детей.

— А Хардж не хотел?

— Я не захотела, — она посмотрела на Терезу снова. — Ну что это за разговоры на Рождество?

Кэрол потянулась за сигаретой и взяла ту, которую предложила ей Тереза, Филип Моррис.

— Я хотела бы знать о тебе все, — сказала Тереза.

— Я не хотела больше детей, потому что боялась, что наш брак в любом случае разрушится, даже с Ринди. Так ты хочешь влюбиться? Да ты, наверное, скоро и влюбишься, и если такое случится — наслаждайся, со временем это будет сделать труднее.

— Любить кого-то?

— Влюбиться. Или даже захотеть заняться любовью. Думаю, сексуальные желания в каждом из нас куда более вялые, чем мы сами себе признаем, особенно, чем мужчины в этом себе признаются. Первые приключения, как правило, ничего, кроме удовлетворенного любопытства, в себе не несут, а после этого все продолжают повторять те же действия, пытаясь отыскать... что?

— Что? — переспросила Тереза.

— А этому есть название? Друга, товарища, или, может быть, просто соучастника. Да какой толк в словах? В том смысле, что я думаю, люди часто пытаются найти с помощью секса то, что гораздо легче отыскать другими способами.

То, что Кэрол сказала насчет любопытства, было правдой. Она это знала.

— Какими другими способами? — спросила она.

Кэрол взглянула на нее.

— Думаю, каждый должен выяснить это сам. Интересно, могу я тут выпить чего-нибудь покрепче?

Но в ресторане подавали только пиво и вино, так что они уехали.

И Кэрол до самого Нью-Йорка больше нигде не останавливалась. Кэрол спросила ее, хочет ли она вернуться домой или заехать ненадолго к ней, и Тереза попросила отвезти ее в дом Кэрол. Она вспомнила, что Келли приглашали ее заскочить на вечеринку с вином и фруктовым пирогом — они устраивали ее сегодня вечером, и она даже пообещала, но они не будут по ней скучать, подумала она.

— Тебе со мной сплошное мучение, — вдруг произнесла Кэрол. — В воскресенье и вот теперь. Я не лучшая компания на этот вечер. Чего бы ты хотела? Хочешь, пойдем в ресторан в Ньюарке, у них там сегодня рождественские огни и музыка? Это не ночной клуб. Мы могли бы там заодно вкусно поужинать.

— Мне действительно все равно, куда идти... лично мне.

— Ты была в этом ужасном магазине целый день, а мы никак не отпраздновали твое освобождение.

— Я просто хочу быть здесь, с тобой, — сказала Тереза, и улыбнулась, расслышав в своем тоне объяснительные нотки. Кэрол покачала головой, не глядя на нее.

— Дитя, дитя, где ты блуждаешь — одна одинешенька?

Затем, выехав на шоссе Нью-Джерси, Кэрол встрепенулась:

— Я придумала.

Она повернула машину на посыпанный гравием участок дороги и остановилась.

— Пойдем со мной.

Они оказались перед освещенной площадкой, заваленной рождественскими елками. Кэрол предложила ей выбрать елку, не слишком большую и не слишком маленькую. В машине они положили елку назад, а Тереза села впереди, рядом с Кэрол, прижимая к себе охапку остролиста и еловых веток. Тереза уткнулась в них лицом и вдохнула хвойный, резковатый запах, чистое благоухание, которое напоминало дикий лес и все, связанное с Рождеством — елочные безделушки, подарки, снег, рождественскую музыку, праздники. С магазином было покончено, и теперь она сидела рядом с Кэрол. Мерно урчал мотор машины, а она перебирала пальцами хвойные иголки на еловых ветках. «Я счастлива, я счастлива», — думала Тереза.

— Давай украсим елку прямо сейчас, — сказала Кэрол, как только они вошли в дом.

Кэрол включила радио в гостиную и приготовила им напитки. По радио играли рождественские песни, слышался звучный бой колоколов, как будто они были внутри большой церкви. Кэрол принесла одеяло из белой ваты для снега вокруг елки, а Тереза посыпала его сахаром для блеска. Затем она вырезала продолговатого ангела из золотой ленты и прицепила его на верхушку елки, сложила бумагу и теперь вырезала гирлянду ангелов, чтобы развесить ее по веткам.

— У тебя к этому талант, — сказала Кэрол, стоя у камина и рассматривая елку оттуда. — Потрясающе. Есть все, кроме подарков.

Подарок для Кэрол лежал на диване рядом с пальто Терезы. Но сделанная ею открытка была дома, а она не хотела дарить подарок без открытки. Тереза посмотрела на елку.

— Нам нужно что-нибудь еще?

— Нет. Ты знаешь, который сейчас час?

По радио уже закончились все передачи. Тереза увидела каминные часы. Было больше часа ночи.

— Уже Рождество, — сказала она.

— Тебе бы лучше остаться на ночь.

— Хорошо.

— Какие у тебя планы на завтра?

— Никаких.

Кэрол взяла свой напиток с крышки радио.

— Разве тебе не нужно увидеться с Ричардом?

Ей действительно нужно было увидеться с Ричардом, в двенадцать, в полдень. Она должна была провести день у него дома. Но она могла бы выдумать какой-нибудь предлог.

— Нет. Я сказала, что, возможно, встречу с ним. Это не важно.

— Я могу отвезти тебя домой пораньше.

— Ты завтра занята?

Кэрол допила последние остатки своего напитка.

— Да, — сказала она. Тереза начала убирать устроенный ею беспорядок — куски ткани и обрывки ленты. Она терпеть не могла прибираться после своей работы.

— Твой друг Ричард, кажется, из тех мужчин, которым нужна рядом женщина, чтобы за ней присматривать. Без разницы, женится он на ней или нет, — сказала Кэрол. — Разве он не из этой породы?

«И зачем сейчас заговаривать о Ричарде?» — с раздражением подумала Тереза. Она чувствовала, что Кэрол нравился Ричард — в этом была виновата она сама — и ее кольнула

отдаленная, острая, как булавка, ревность.

— Вообще-то, я восхищаюсь такими мужчинами больше, чем теми, кто живут одни, или считают, что живут одни, а заканчивается все тем, что они поступают с женщинами самым идиотским образом.

Тереза уставилась на лежавшую на журнальном столике пачку сигарет Кэрол. Ей было абсолютно нечего сказать на этот счет. Она могла различить духи Кэрол, которые тонкой нитью тянулись сквозь более сильный запах хвои, и ей хотелось пойти по этому следу и заключить Кэрол в объятия.

— Это не имеет ничего общего с тем, женятся люди или нет, так ведь?

— Что? — Тереза посмотрела на нее и увидела, что та чуть улыбнулась.

— Хардж — тот мужчина, который не позволяет женщине войти в свою жизнь. А с другой стороны, твой друг Ричард, возможно, так никогда и не женится. Но Ричард получает удовольствие от мыслей, что он хочет жениться, — Кэрол окинула взглядом Терезу с головы до пят. — На не тех девушках, — добавила она. — Ты танцуешь, Тереза? Ты любишь танцевать?

Кэрол вдруг показалась холодной и язвительной, и от этого Тереза чуть не расплакалась.

— Нет, — ответила она.

«Не нужно было ей ничего рассказывать о Ричарде, — подумала Тереза, но что сделано, то сделано».

— Ты устала. Давай спать.

Кэрол привела ее в комнату, в которую в воскресенье заходил Хардж, и откинула покрывало на одной из кроватей. «Это, должно быть, комната Харджа», — подумала Тереза. Определенно, в комнате не было ничего, что намекало бы на детскую. Она подумала о вещах Ринди, которые из этой комнаты забрал Хардж, и представила, как Хардж сначала сам перебрался сюда из спальни, которую делил с Кэрол, затем позволил Ринди принести сюда ее вещи и хранил их здесь, отгородив себя и Ринди от Кэрол. Кэрол положила пижаму в ногах кровати.

— Тогда спокойной ночи, — сказала она в дверях. — С Рождеством. Что ты хочешь на Рождество?

Тереза неожиданно улыбнулась.

— Ничего.

В ту ночь ей снились птицы — ярко-красные птицы с удлинёнными телами, похожие на фламинго, сполохами мечущиеся сквозь черный лес, выводящие на его фоне волнообразные узоры, красные росчерки, взлетающие и опадающие, словно их крики. Потом ее глаза открылись, и она и вправду услышала мягкий свист, который то нарастал, то угасал с дополнительной ноткой в конце, а на его фоне — настоящее слабое щебетание птиц. Окно светилось ярко серым. Свист раздался снова, как раз под самым окном, и Тереза поднялась с кровати. На подъездной дорожке стоял длинный, с открытым верхом, автомобиль, а в нем стояла женщина и насвистывала. Это было как в том белесом, размытом туманом по краям сне, который она видела.

Потом она услышала шепот Кэрол, так же ясно, как будто все трое находились вместе в одной комнате:

— Ты едешь спать или только встала?

Женщина в машине, стоя ногами на сиденье, ответила так же тихо:

— И то, и другое.

И Тереза услышала в этих словах клокотание сдерживаемого смеха и мгновенно прониклась к ней расположением.

— Покатаемся? — спросила женщина. Она смотрела на окно Кэрол и широко улыбалась.

Тереза только что заметила эту улыбку.

— Ты с ума сошла, — прошептала Кэрол.

— Ты одна?

— Нет.

— О-о-о.

— Да все в порядке. Хочешь войти?

Женщина вышла из машины. Тереза подошла к двери комнаты и открыла ее. Кэрол как раз шла через холл, завязывая пояс халата.

— Прости, что я тебя разбудила, — сказала Кэрол. — Иди обратно в постель.

— Да ничего страшного. Можно я спущусь?

— Ну, конечно! — Кэрол вдруг улыбнулась. — Возьми халат в шкафу.

Тереза взяла халат. «Наверное, это халат Харджа», — подумала она и спустилась вниз.

— Кто наряжал елку? — спросила женщина. Они сидели в гостиной.

— Она, — Кэрол повернулась к Терезе. — Это Эбби. Эбби Герхард. Тереза Беливет.

— Здравствуйте, — сказала Эбби.

— Здравствуйте, — Тереза надеялась, что это и была пресловутая Эбби. Сейчас Эбби смотрела на нее с таким же радостным, даже скорее преувеличенным выражением веселого изумления, которое Тереза видела, когда та стояла в машине.

— Вы красиво наряжаете елку, — сказала ей Эбби.

— Мы прекратим говорить шепотом? — спросила Кэрол.

Эбби, согреваясь, потерла ладони друг о друга и пошла вслед за Кэрол в кухню.

— У тебя есть кофе, Кэрол?

Тереза стояла у кухонного стола, наблюдая за ними, чувствуя себя легко и свободно, потому что Эбби больше не обращала на нее никакого внимания, только сняла пальто и стала помогать Кэрол с кофе. Под фиолетовым вязаным костюмом фигура Эбби выглядела совершенно ровной и округлой, без всякого перехода от талии к бедрам. Ее руки были немного неуклюжими, заметила Тереза, а ноги полностью лишены грации и изящества Кэрол. Она выглядела старше, чем Кэрол — две морщины тянулись через ее лоб и глубоко врезались в кожу, когда она смеялась, а сильно изогнутые брови устремлялись вверх. И она, и Кэрол сейчас смеялись, пока готовили кофе и выжимали апельсиновый сок, перебрасываясь короткими фразами ни о чем, или о чем-то неважном, и уследить за их беседой было невозможно. Кроме внезапной реплики Эбби:

— Ну и, — она выловила косточку из последнего стакана апельсинового сока и небрежно вытерла палец о свою одежду — как поживает старина Хардж?

— Все так же, — ответила Кэрол. Кэрол что-то искала в холодильнике и, засмотревшись на нее, Тереза прослушала все, что сказала в ответ Эбби, или, может быть, это были очередные отрывочные фразы, которые только Кэрол и поняла, но они заставили Кэрол выпрямиться и засмеяться, неожиданно и громко, отчего все ее лицо изменилось. И Тереза подумала с внезапной завистью, что она не могла заставить Кэрол вот так засмеяться, а Эбби могла.

— Я ему об этом непременно расскажу, — сказала Кэрол. — Не смогу удержаться.

Это было что-то о карманном ножичке бойскаута для Харджа.

— И Расскажи ему, откуда он взялся, — сказала Эбби, глядя на Терезу и широко улыбаясь, как будто та должна была тоже оценить шутку.

— Откуда вы? — спросила она Терезу, когда они уселись за стол, стоявший в углублении на другой стороне кухни.

— Она из Нью-Йорка, — ответила за нее Кэрол. И Тереза подумала, что Эбби сейчас скажет «О, как удивительно» или еще что-нибудь глупое, но Эбби вообще ничего не ответила,

только посмотрела на Терезу с прежней выжидающей улыбкой, как будто ждала от нее какого-то знака.

При всей их суете насчет завтрака, на столе оказались только апельсиновый сок, кофе и какой-то намазанный маслом тост, который никто не хотел есть. Эбби закурила сигарету, прежде чем притронуться хоть к чему-нибудь.

— Вы уже достаточно взрослая, чтобы курить? — спросила она Терезу, протягивая ей красную коробку, на которой было написано Craven A's. Кэрол положила свою ложечку на стол.

— Эбби, ты что? — спросила она с оттенком замешательства, которого Тереза никогда прежде не видела.

— Спасибо, с удовольствием, — сказала Тереза, беря сигарету.

Эбби оперлась локтями на стол.

— А что «что»? — спросила она Кэрол.

— Подозреваю, что ты немного навеселе, — сказала Кэрол.

— После того, как я провела час за рулем машины с открытым верхом? Я уехала из Нью-Рошелл в два, вернулась домой и обнаружила твое сообщение, и вот я тут.

«У нее, наверное, уйма времени, — подумала Тереза, — наверное, она весь день ничего не делает, кроме того, что полагает, что что-то делает».

— Ну? — спросила Эбби.

— Ну... первый раунд я не выиграла, — ответила Кэрол.

Эбби затаилась сигаретой, вовсе не удивленная таким ответом.

— На какой срок?

— На три месяца.

— Начиная с каких пор?

— Начиная прямо сейчас. Точнее, с прошлой ночи, — Кэрол взглянула на Терезу, затем посмотрела на свою чашку с кофе. И Тереза поняла, что Кэрол не хотела больше говорить об этом при ней.

— Еще ничего не решено, да? — спросила Эбби.

— Боюсь, что как раз решено, — ответила Кэрол небрежным тоном, словно она отмахнулась от чего-то неважного. — Только устная договоренность, но ее тоже нужно соблюдать. Что ты делаешь сегодня вечером? Поздно вечером.

— Я ничего не делаю рано. У меня сегодня в два обед.

— Позвони мне, как сможешь.

— Конечно.

Кэрол все так же не поднимала глаз, глядя на стакан апельсинового сока в руке, и Тереза увидела, что сейчас ее губы очерчивала линия грусти, и это была не грусть умудренности, а грусть поражения.

— Я бы отправилась в путешествие, — сказала Эбби. — В небольшую поездку куда-нибудь.

Затем Эбби посмотрела на Терезу, еще одним ясным, не относящимся к делу, дружеским взглядом, словно она вовлекала ее в нечто, в чем она никак не могла участвовать, но, в любом случае, Тереза застыла от мысли, что Кэрол может куда-то от нее уехать.

— Я не в таком уж и настроении, — сказала Кэрол, но Терезе послышался в этих словах намек, что, однако, же это возможно.

Эбби немного поежилась и огляделась.

— Это место такое же мрачное как и угольная шахта поутру, правда?

Тереза чуть улыбнулась. Угольная шахта, с солнцем, которое начинало подсвечивать желтым светом подоконник, и с елкой позади него?

Кэрол нежно посмотрела на Эбби, прикуривая одну из ее сигарет. «Как же, должно быть,

они хорошо знают друг друга, — подумала Тереза, — что бы одна из них ни говорила или ни делала, это не удивляло другую, или даже не было понято неправильно».

— Вечеринка удалась? — спросила Кэрол.

— Мм, — сказал безразлично Эбби. — Знаешь типа по имени Боб Хавершем?

— Нет.

— Сегодня вечером он был там. Я встречала его где-то раньше, в Нью-Йорке. Как ни странно, он сказал, что будет работать у Ратнер и Эйрд в брокерском отделе.

— Неужели.

— Я не призналась, что знаю одного из боссов.

— Который сейчас час? — спросила Кэрол после паузы.

Эбби посмотрела на свои часы — маленькие часики, встроенные в пирамидку из золотых панелек.

— Семь тридцать. Около того. Тебе не все равно?

— Хочешь еще поспать, Тереза?

— Нет. Я прекрасно себя чувствую.

— Я отвезу тебя, когда тебе нужно будет ехать, — сказала Кэрол.

Но в итоге, около десяти часов Терезу отвезла Эбби, потому что ей было нечего делать, и она сказала, что ей это будет в радость.

«Еще и Эбби любит холодный воздух», — подумала Тереза, когда они помчались по шоссе. Ну кто гоняет в машине с открытым верхом в декабре?

— Где ты познакомилась с Кэрол? — прокричала ей Эбби.

Тереза чувствовала, что она почти, но не совсем, может рассказать Эбби правду.

— В магазине, — прокричала в ответ Тереза.

— О? — Эбби вела свой большой автомобиль рывками, бросая его в виражи и прибавляя скорости там, где никто бы не стал этого делать. — Она тебе нравится?

— Конечно!

Что за вопрос! Это тоже самое, что спросить ее, верила ли она в Бога.

Тереза указала Эбби на свой дом, когда они повернули на нужную улицу.

— Вы не могли бы кое-что сделать для меня? — спросила Тереза. — Можете подождать здесь минутку? Я хочу дать вам кое-что для Кэрол.

— Конечно, — сказала Эбби.

Тереза побежала наверх, взяла сделанную открытку, и сунула ее под ленту, которой был завязан подарок для Кэрол. Она отнесла его Эбби.

— Вы увидите сегодня вечером, да?

Эбби медленно кивнула, и Тереза почувствовала, как в любопытных черных глазах Эбби промелькнула тень соперничества, потому что она собиралась встретиться с Кэрол, а Тереза нет. Ну, и что Тереза могла с этим поделаться?

— И спасибо, что подвезли.

Эбби улыбнулась.

— Уверена, что не хочешь, чтобы я отвезла тебя куда-нибудь еще?

— Нет, спасибо, — сказала Тереза, тоже улыбаясь, потому что Эбби, несомненно, была бы рада отвезти ее даже в Бруклин-Хайтс.

Она поднялась по ступенькам и открыла почтовый ящик. В нем лежали два или три письма, рождественские открытки, одна от Франкенберга. Когда она посмотрела на улицу снова, большой, кремового цвета автомобиль исчез, словно какая-то вещь, которую она себе вообразила, словно одна из птиц из того сна.

— А ТЕПЕРЬ загадай желание, — сказал Ричард.

Тереза загадала. Она желала Кэрл.

Ричард держал ее за руки. Они стояли в прихожей под штукой, которая свисала с потолка и выглядела не то как расшитый бисером полумесяц, не то как часть морской звезды. Поделка была уродливой, но семья Семко приписывала ей почти волшебную силу, и ее вешали под потолок по особым случаям. Дед Ричарда привез ее из России.

— Чего загадала? — он улыбался ей так, как будто она ему принадлежала. Это был его дом, и он только что поцеловал ее, хотя дверь в гостиную была распахнута, и там было полно народу.

— Про это нельзя рассказывать, — сказала Тереза.

— А в России рассказывать можно.

— Ну, я же не в России.

Неожиданно радио взревело громче, голоса запели рождественский гимн. Тереза выпила остатки розового гоголь-моголя из своего бокала.

— Я хочу подняться в твою комнату, — сказала она. Ричард взял ее за руку, и они начали подниматься по лестнице.

— Ри-чард? — позвала его из гостиной тетушка с мундштуком в руке.

Ричард произнес какое-то слово, которого Тереза не поняла, и помахал тетушке рукой. Даже на втором этаже чувствовалось, как дом дрожал от сумасшедших танцев этажом ниже, и эти танцы никак не соответствовали музыке. Тереза услышала, как упал еще один бокал, и представила розовый пенистый гоголь-моголь, волной разливающийся по полу. Ричард утверждал, что это еще цветочки по сравнению с настоящим русским Рождеством, которое они привыкли праздновать в первую неделю января. Ричард улыбался, закрывая дверь своей комнаты.

— Мне нравится свитер, — сказал он.

— Я рада, — одним взмахом Тереза подобрала юбку и присела на край кровати. Тяжелый норвежский свитер, который она подарила Ричарду, лежал поперек матерчатой коробки на кровати позади нее. Ричард подарил ей юбку из восточно-индийского магазина. Это была длинная юбка с зелеными и золотыми полосами и вышивкой. Она была милой, но Тереза не понимала, куда могла бы ее надеть.

— А как насчет настоящей выпивки? От этой бурды внизу тошнит, — Ричард достал из стенного шкафа бутылку виски.

Тереза покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Тебе бы это было в самый раз.

Она снова покачала головой и огляделась по сторонам. Почти квадратная комната с высоким потолком, обоями с едва различимым узором из розовых роз, двумя окнами со слегка пожелтевшими белыми муслиновыми занавесками. От двери по зеленому ковру тянулись две вытопанные дорожки, одна к бюро, другая к столу в углу. Банка с кистями и портфолио на полу возле стола были единственным, что намекало на занятия Ричарда живописью. Она чувствовала, что точно так же живопись занимала только часть его мозга, и ей было интересно, сколько еще продлится это увлечение, прежде чем он забросит его ради чего-то другого. И ее занимал вопрос, который она часто задавала себе и раньше — любил ли ее Ричард только потому, что она больше сочувствовала его амбициям, чем остальные его теперешние знакомые, и потому, что понимал, что ее критика ему помогала. Тереза нервно встала и подошла к окну.

Она любила эту комнату — все ту же и все там же — но сегодня ощутила порыв вырваться отсюда. Она сама стала другой, совсем не той, что стояла здесь три недели назад. Этим утром она проснулась в доме Кэрол. И Кэрол была тайной, наполнявшей ее, наполнявшей и этот дом — словно свет, невидимый никому, кроме нее.

— Ты сегодня сама не своя, — произнес Ричард так резко, что по ее телу пробежала нервная дрожь.

— Может, это все платье? — ответила она.

На ней было платье из синей тафты, которому было бог знает сколько лет, и которое она не надевала с тех самых пор, как прожила в Нью-Йорке первые месяцы. Она снова присела на постель и посмотрела на Ричарда, стоявшего посреди комнаты со стаканчиком неразбавленного виски в руке. Его ясные голубые глаза прошли от ее лица вниз, к ее ногам в новых черных туфлях на высоком каблуке, а потом снова вернулись к лицу.

— Терри, — Ричард взял ее за руки и прижал их к постели по обе стороны от нее.

Гладкие, тонкие губы опустились на нее, прижались, его язык скользнул по ее губам, и она ощутила вкусный запах свежего виски.

— Терри, ты ангел, — произнес глубокий голос Ричарда, а она подумала о Кэрол, которая говорила ей то же самое.

Она смотрела, как он поднимает с пола стаканчик и ставит его вместе с бутылкой в шкаф. Внезапно она почувствовала, что безмерно выше его, выше всех тех людей, что были там, на первом этаже. Она была счастливее, чем любой из них. «Счастье немножко похоже на полет, — подумала она, — это как быть воздушным змеем. И все зависит от того, насколько сильно ты отпустишь бечевку».

— Симпатичный, да? — спросил Ричард.

Тереза села.

— Он прекрасен!

— Я закончил его прошлой ночью. Подумал, что если день выдастся погожий, мы пойдем в парк и запустим его, — Ричард усмехнулся, как мальчишка, гордый своей работой. — Глянь на обратную сторону.

Это был русский воздушный змей, прямоугольный и выпуклый, как щит, его тонкий каркас был собран на пазах и скреплен по углам. Спереди Ричард изобразил собор с кругообразными куполами на фоне красного неба.

— Давай запустим его сейчас! — предложила Тереза.

Они понесли змея вниз. Дяди, тети, двоюродные братья и сестры — все их заметили и потянулись в коридор, пока тот не наполнился шумом и гвалтом, и Ричарду пришлось поднять змея над головой, чтобы его не помяли. Этот шум раздражал Терезу, но Ричарду он нравился.

— Погоди, выпей с нами шампанского, Ричард! — закричала одна из теток, и ее жирная талия выпятилась под атласным платьем как вторая грудь.

— Не могу, — отозвался Ричард и добавил что-то на русском. Всякий раз, когда Тереза видела Ричарда в кругу семьи, ее охватывало чувство, что здесь, должно быть, какая-то ошибка, что Ричард должен оказаться сиротой, подкидышем, которого однажды оставили на пороге, а эта семья приняла и вырастила его, как своего сына. Но вон, в дверном проеме стоит его брат Стивен, с такими же, как у Ричарда голубыми глазами, даже еще выше его, и еще более худой.

— Какая еще крыша? — пронзительно воскликнула мать Ричарда. — Наша крыша?!

Кто-то спросил, собираются ли они запускать змея с крыши, и мать Ричарда раскатисто рассмеялась, потому что крыша их дома была такой крутой, что с нее хорошо было только падать. И тут еще принялась лаять собака.

— Я все-таки сошью тебе это платье! — крикнула Терезе мать Ричарда, наставительно

помахивая пальцем в ее сторону. — Я теперь знаю твои мерки!

В гостиной, посреди всеобщего пения и открывания подарков, они обмерили ее лентой, и даже двое мужчин пытались в этом помочь. Миссис Семко обвила талию Терезы рукой, и внезапно Тереза обняла ее и крепко поцеловала, утонув губами в мягкой напудренной щеке, и в одну секунду в этом поцелуе и в судорожном пожатии руки Тереза выразила всю свою к ней привязанность. Тереза понимала, что это теплое чувство снова спрячется, как будто его не и существовало вовсе, в тот же миг когда она отпустит миссис Семко.

А потом они с Ричардом оказались на свободе и зашагали вдвоем по тротуару. «Все было бы точно так же, если бы мы были женаты, — подумала Тереза, — навещали бы семью на Рождество». Даже состарившись, Ричард точно так же запускал бы воздушных змеев. Как его дедушка — тот проделывал это в Проспект Парке до самой своей смерти, так рассказывал ей Ричард.

До парка они добрались на метро, а там прошли до открытого холма, куда они уже не раз приходили раньше. Тереза посмотрела по сторонам. Рядом с кромкой леса, на ровной полянке мальчишки играли в футбол, но в остальном парк выглядел тихим и безлюдным. Ричард проговорил, что ветер не такой уж сильный, его напора может не хватить, да и небо было таким белесым, словно вот-вот посыплет снег.

Змей снова упал, и Ричард раздраженно застонал. Теперь он пытался запустить змея с разбега.

Тереза сидела на земле, обхватив колени руками, и наблюдала, как Ричард поднял голову и покрутил ею по сторонам, словно он что-то потерял в воздухе.

— Есть, сюда! — подскочила Тереза, показывая пальцем.

— Да, но он порывистый, его не хватит!

И все-таки Ричард запустил змея по ветру. Змей просел на длинной бечевке, затем дернулся, как будто что-то подбросило его вверх. Он описал большую дугу, потом стал вздыматься в другую сторону.

— Он поймал свой ветер! — крикнула Тереза.

— Да, но он еле дует.

— На тебя не угодишь! Могу я его подержать?

— Подожди, пока я не запущу его повыше.

Ричард начал рывками раскачивать бечевку, но в холодном неподвижном воздухе змей замер на месте. Золотые купола собора заболтались из стороны в сторону, как будто змей качал головой, говоря «нет», и ему глупо вторил его длинный, безвольно повисший хвост.

— Лучше не будет, — сказал Ричард. — Больше бечевки он не поднимет.

Тереза, не отрываясь, следила за змеем. Он успокоился и замер, словно картинка с нарисованным собором, приклеенная к плотному белесому небу. «Наверное, Кэрол бы не понравилось запускать змеев, — подумалось Терезе. — Вряд ли бы ее развеселила эта забава. Она бы только глянула, и сразу сказала, что это глупости».

— Хочешь подержать его?

Ричард сунул палочку с намотанной бечевкой ей в руки, и Тереза поднялась на ноги.

Она подумала — а ведь Ричард делал воздушного змея вчера вечером, пока она была с Кэрол, вот почему он ей не позвонил и не знал, что ее не было дома. Если бы он позвонил, он бы точно об этом сказал. И тогда прозвучала бы первая ложь.

Неожиданно воздушный змей встрепенулся в небе и резко рванул прочь. Тереза дала палочке быстро завертеться в руках, выпустив столько бечевки, сколько осмелилась в присутствии Ричарда, потому что змей летел все еще слишком низко. А теперь он снова застыл на месте — упрямо и неподвижно.

— Дергай! — воскликнул Ричард. — Давай, поднимай его еще!

Тереза послушалась. Это было как растягивать длинную резинку. Но к этому времени бечевка уже вытянулась и провисла, и все, что она могла сделать, так это чуть пошевелить змея. Она тянула, тянула и тянула. Затем подошел Ричард, забрал бечевку, и Тереза опустила руки. Она тяжело дышала, слабенькие мышцы ее рук подрагивали. Она опустилась на землю. Со змеем ей не совладать. Он не слушался ее желаний.

— Может, это бечевка слишком тяжелая? — сказала она. Бечевка как раз была новой, мягкой, белой и толстой как червяк.

— Она очень легкая. Смотри! Смотри, как пошел!

Теперь змей взбирался наверх короткими рывками, словно вдруг обрел свой собственный разум и волю к побегу.

— Выпускай еще! — прокричала Тереза и вскочила. Под змеем пролетела птица. Тереза уставилась на прямоугольник, который становился все меньше и меньше, дергаясь взад-вперед, словно падающий и взлетающий, наполненный ветром корабельный парус. Она чувствовала, что змей что-то значил, именно этот змей и в эту самую минуту.

— Ричард?

— Что?

Она видела его краешком глаза, он присел с вытянутыми вперед руками, как будто ехал на доске для серфинга.

— Сколько раз ты влюблялся? — спросила она. Ричард зашелся коротким, хриплым смехом.

— До тебя ни разу.

— Нет, ты влюблялся. Ты говорил — два раза.

— Если считать эти разы, я, может, насчитал бы еще с дюжину, — брякнул Ричард и явно встревожился.

Воздушный змей по дуге, зигзагами, заскользил к земле.

Тереза продолжила тем же ровным тоном:

— Ты когда-нибудь влюблялся в мальчика?

— В мальчика? — удивленно переспросил Ричард.

— Да.

Вероятно, прошло секунд пять, прежде чем в итоге он решительно ответил:

— Нет.

«Ну хоть вообще ответил — и то хорошо», — подумала Тереза. «А если бы влюбился, что бы ты делал?» — захотелось ей спросить, но вряд ли бы этот вопрос что-то прояснил. Она не сводила глаз со змея. Они оба смотрели на один и тот же змей, но какими же разными были их мысли!

— Ты когда-нибудь слышал о таком? — спросила она.

— Слышал о чем? Ты имеешь в виду, о таких людях? Конечно, — теперь Ричард стоял прямо, вода из стороны в сторону палочкой с веревкой, и выписывал ею восьмерки.

Зная, что он ее слушает, Тереза осторожно сказала:

— Я не имею в виду такой тип людей. Я говорю о двух людях, которые внезапно влюбляются друг в друга, ни с того ни с сего. Скажем, два парня или две девушки.

На лице Ричарда появилось такое выражение, как будто они говорили о политике.

— Знаком ли я с такими людьми? Нет.

Тереза подождала, пока он снова не занялся змеем, пытаясь запустить его повыше. Затем она заметила:

— Думаю, это может случиться почти с любым, ведь так?

Он продолжил водить змея.

— Но ведь такие вещи просто так не происходят. К этому всегда что-то приводит.

— Да, — согласилась она. Тереза подумала о том, что могло привести к этому ее. Как она припоминала, самое близкое, что можно было назвать влюбленностью, было ее увлечение мальчиком, которого она видела несколько раз в Монтклер, когда ехала в школьном автобусе. У него были черные вьющиеся волосы и красивое, серьезное лицо. Вероятно, ему было лет 12, и он был старше нее. Она вспомнила тот недолгий промежуток времени, когда думала о нем каждый день. Но все этим мысли были ничем, ничем по сравнению с тем, что она чувствовала к Кэрол. Любовь она чувствовала к Кэрол или нет? Абсурдность ситуации заключалась в том, что она этого даже не знала. Она слышала о девушках, которые влюблялись друг в друга, и знала, что это были за люди, и как они выглядели. Ни она, ни Кэрол на них не походили. И все же то, что она чувствовала к Кэрол, прошло любые тесты на любовь и полностью попадало под ее описание.

— Ты думаешь, я могла бы? — просто спросила Тереза, прежде чем засомневаться, хватит ли ей храбрости задать такой вопрос.

— Что? — Ричард улыбнулся. — Влюбиться в девушку? Конечно, нет! О боже мой, ты ведь не влюбилась, нет?

— Нет, — ответила Тереза странным, уклончивым тоном, но, казалось, Ричард его не заметил.

— Он опять взлетает! Терри, смотри!

Змей, подрагивая, поднимался вверх все быстрее и быстрее, и палочка завертелась в руках Ричарда. «Как бы то ни было, — подумала Тереза, — я сейчас счастливее, чем когда-либо была раньше. Зачем тогда беспокоиться о том, чтобы во всем разобраться?»

— Эй! — Ричард бросился вслед за палочкой, которая безумно заскакала по траве, словно тоже порывалась улететь в небеса.

— Хочешь подержать? — спросил он, поймав веревку. — На нем почти взлететь можно!

Тереза взяла палочку. Свободной веревки осталось не так уж много, а змея в небе уже было не различить. До предела вытянув руки вверх, Тереза почувствовала, что сама немного приподнимается над землей, так восхитительно легко, как будто змей и на самом деле мог унести ее, если бы собрался с силами.

— Отпускай его! — закричал Ричард, размахивая руками. Его рот приоткрылся, а на щеках проступили два румяных пятна.

— Отпускай!

— Веревка закончилась!

— Я ее отрежу!

Тереза не могла поверить своим ушам, но кинув на него взгляд, она увидела, что он лезет в карман за ножом.

— Не надо! — воскликнула она.

Ричард, смеясь, побежал к ней.

— Не надо! — рассерженно повторила она. — Ты спятил?

Ее руки уже устали, но она еще крепче вцепилась в палочку.

— Давай отрежем веревку! Так будет веселее!

Ричард грубо и сильно налетел на нее, потому что его голова была задрана в небо. Тереза, онемевшая от гнева и изумления, дернула в сторону палочку с веревкой, чтобы он до нее не дотянулся. На какое-то мгновение ею овладел страх — а вдруг Ричард и правда рехнулся? — а потом ее шатнуло назад, натяжение исчезло, и в ее руке осталась пустая палочка.

— Ты сумасшедший! — закричала она на него. — Безумец!

— Это всего лишь змей! — засмеялся Ричард, запрокидывая голову в пустое небо.

Тереза безуспешно пыталась отыскать взглядом хотя бы свисающий конец бечевки.

— Зачем ты это сделал? — ее голос был пронзительным и наполнен слезами. — Это был такой красивый воздушный змей!

— Это всего лишь змей! — повторил Ричард. — Я могу сделать другой!

ТЕРЕЗА начала было одеваться, но потом передумала. На ней был надет халат, и она читала сценарий пьесы «Мелкий дождь» — Фил занес его ей чуть ранее — и теперь страницы были раскиданы по всему дивану. Кэрол сказала, что она на углу 48 и Мэдисон, и будет у нее через 10 минут. Тереза оглядела комнату, посмотрела на себя в зеркало и решила, что не будет суетиться.

Она взяла пепельницы и ополоснула их в раковине, а затем аккуратно собрала и сложила стопочкой листы сценария на рабочий стол. Она размышляла, взяла ли с собой Кэрол новую сумочку. Прошлым вечером Кэрол позвонила ей откуда-то из Нью-Джерси, где была с Эбби, и сказала, что сумочка красивая, но это слишком дорогой подарок. Тереза улыбнулась, вспоминая, что Кэрол предложила взять его назад. По крайней мере, сумочка Кэрол понравилась.

Входной звонок прозвенел тремя быстрыми короткими трелями.

Тереза посмотрела на лестницу и увидела, что Кэрол что-то несет. Она сбежала вниз.

— Он пустой. И для тебя, — сказала Кэрол с улыбкой.

Это был завернутый в упаковку чемодан. Пальцы Кэрол выскользнули из-под ручки, и она позволили Терезе понести его. В комнате Тереза поставила его на диван и осторожно разрежала коричневую бумагу. Чемодан был сделан из совершенно гладкой, толстой светло-коричневой кожи.

— Он изумительный! — сказала Тереза.

— Тебе нравится? Я даже не знаю, нужен ли тебе чемодан.

— Конечно, нравится.

Это был тот тип чемодана, который был сделан как раз для нее, именно этот и никакой другой. На нем золочеными буквами красовались маленькие инициалы — Т.М.Б. Она вспомнила, что в Сочельник Кэрол спрашивала ее среднее имя.

— Набери код и посмотри, понравится ли он тебе изнутри.

Тереза так и сделала.

— Мне еще нравится, как он пахнет, — сказала она.

— Ты занята? Если да, то я пойду.

— Нет. Присядь. Я ничего такого не делаю... просто читаю пьесу.

— Что за пьеса?

— Пьеса, для которой мне нужно сделать макеты, — Тереза вдруг поняла, что никогда не упоминала в разговоре с Кэрол о том, что она создает декорации.

— Макеты?

— Да... я сценический дизайнер, — она взяла у Кэрол пальто.

Кэрол изумленно улыбнулась.

— Проклятье, что же ты мне об этом не рассказала? — тихо спросила она. — И сколько еще кроликов ты вытащишь из шляпы?

— Это первая моя настоящая работа. И пьеса не на Бродвее. Ее ставят в Вилладж. Комедия. Я еще даже не член профсоюза. Мне придется подождать, пока я не найду работу на Бродвее.

Кэрол расспросила ее о профсоюзе, младшем и старшем членстве, которые стоили полторы и две тысячи долларов соответственно. Кэрол поинтересовалась, накопила ли она эти деньги.

— Нет... всего несколько сот долларов. Но если я получу работу, они позволят мне платить частями.

Кэрол сидела на стуле с прямой спинкой, на том самом стуле, на котором часто сживал Ричард, и наблюдала за ней. По выражению лица Кэрол она поняла, что внезапно поднялась в ее глазах. Тереза не представляла, почему же она раньше не упомянула о том, что она сценический

дизайнер, и фактически уже с работой в кармане.

— Что ж, — сказала Кэрол, — если эта работа приведет тебя на Бродвей, как ты смотришь на то, чтобы занять денег у меня? В качестве делового займа?

— Спасибо. Я...

— Мне бы хотелось сделать это для тебя. В твоём возрасте не следует беспокоиться о том, как выплатить две тысячи долларов.

— Спасибо. Но еще пару лет я точно не буду к этому готова.

Кэрол подняла голову и выдохнула тонкую струю дыма.

— О, они ведь не отслеживают, отработал ли ты нужное время стажером?

Тереза улыбнулась.

— Нет. Конечно, нет. Хочешь выпить? У меня есть бутылка виски.

— Как мило. С удовольствием, Тереза, — Кэрол встала и заглянула на полки кухоньки, пока Тереза готовила два напитка.

— Ты хорошо готовишь?

— Да. У меня лучше получается, когда я готовлю для кого-то. Могу делать приличные омлеты. Тебе они нравятся?

— Нет, — категорически ответила Кэрол, и Тереза рассмеялась.

— Почему бы тебе не показать мне свои работы?

Тереза притащила из шкафа портфолио. Кэрол присела на диван и внимательно просмотрела ее работы, но по ее замечаниям и вопросам Тереза почувствовала, что та сочла их слишком причудливыми, чтобы их можно было применить на практике, и возможно, вообще не очень хорошими. Кэрол сказала, что больше всего ей нравится макет «Петрушки» на стене.

— Но ведь это то же самое, — сказала Тереза. — То же самое, что и на рисунках, только в макете.

— Ну, может, все дело в твоих рисунках. В любом случае, они у тебя очень точные. Это мне в них и нравится, — Кэрол подняла бокал с напитком с пола и откинулась на спинку дивана. — Видишь, я ведь не ошиблась?

— Насчет чего?

— Насчет тебя.

Тереза в точности не поняла, что та имела в виду. Сквозь сигаретный дым Кэрол улыбалась своим мыслям, и это ее взволновало.

— Ты думала, что ошиблась?

— Нет, — сказала Кэрол. — Сколько ты платишь за такую квартиру?

— Пятьдесят в месяц.

Кэрол прищелкнула языком.

— Не так уж много остается от зарплаты, да?

Тереза нагнулась над портфолио и застегнула его.

— Нет. Но скоро я буду зарабатывать больше. Да я и не буду жить тут вечно.

— Конечно, не будешь. Ты еще будешь путешествовать, так же как ты делаешь это в своих мечтах. Ты увидишь какой-нибудь дом в Италии и влюбишься в него. Или, может, тебе понравится Франция. Или Калифорния, или Аризона.

Тереза улыбнулась. Наверняка в нужный момент ей не хватит денег.

— Люди всегда влюбляются в то, чего не могут иметь?

— Всегда, — ответила Кэрол и тоже улыбнулась. Она провела рукой по волосам. — Думаю, что в итоге я отправлюсь в путешествие.

— Надолго?

— На месяц или около того.

Тереза поставила портфолио в шкаф.

— И как скоро ты уедешь?

— Совсем скоро. Полагаю, как только смогу все устроить. А устраивать нужно не так уж и много.

Тереза обернулась. Кэрол катала в пепельнице кончик сигареты.

«Для нее ничего не значит, что мы не увидимся целый месяц», — подумала Тереза.

— Почему ты не поедешь куда-нибудь с Эбби?

Кэрол посмотрела на нее, а потом перевела взгляд на потолок.

— Начнем с того, что я не думаю, что она свободна.

Тереза уставилась на нее. Она что-то такое затронула, упомянув Эбби. Но теперь по лицу Кэрол уже нельзя было ничего прочитать.

— Так мило с твоей стороны, что ты позволяешь мне так часто с тобой видеться, — сказала Кэрол. — Знаешь, мне как-то не хочется встречаться с обычным кругом знакомых, особенно сейчас. Да я и не могу, потому что я одна. А все способы убить время рассчитаны на пары.

И Тереза внезапно почувствовала, до чего же Кэрол хрупкая и насколько она отличается от той, какой была в тот день, когда они впервые вместе обедали. А потом, словно прочитав ее мысли, Кэрол встала, и Тереза увидела показную уверенность в том, как она подняла голову, в том, как она улыбнулась, когда прошла мимо Терезы так близко, что их руки соприкоснулись, и пошла дальше.

— Почему бы нам чем-нибудь не заняться сегодня вечером? — спросила Тереза. — Ты можешь остаться здесь, если хочешь, а я закончу читать пьесу. Мы можем провести вечер вместе.

Кэрол не ответила. Она смотрела на цветочный горшок на книжной полке.

— Что это за цветы?

— Не знаю.

— Не знаешь?

Растения были разнообразны — кактус с толстыми листьями, который не вырос ни на дюйм, с тех пор как она купила его год назад, миниатюрная пальма и накренившееся красно-зеленое нечто, которое поддерживала палка.

— Это просто растения.

Кэрол обернулась, улыбаясь.

— Просто растения, — повторила она.

— Так что насчет вечера?

— Хорошо. Но я не останусь. Сейчас только три. Я позвоню около шести, — Кэрол бросила зажигалку в сумочку.

Это была не та сумочка, что подарила ей Тереза.

— У меня возникло желание посмотреть днем мебель.

— Мебель? В магазинах?

— В магазинах или у Парк-Бернета. Мебель поднимает мне настроение.

Кэрол потянулась за шубкой, которая лежала на стуле. И снова в этом движении Тереза заметила длинную линию — от плеча — к широкому кожаному поясу, а оттуда к ноге. Это было так же красиво, как музыкальный аккорд или целый балет. «Она так прекрасна — почему же теперь дни ее должны быть пусты? — задумалась Тереза. — Ведь она создана для того, чтобы жить с людьми, которые ее любят, входить в красивые дома в красивых городах, бродить вдоль голубого морского побережья с длинной линией горизонта и лазурным небом, оттеняющим ее красоту».

— Пока-пока, — сказала Кэрол, и в одно движение, которым она надела шубку, обвила

рукой талию Терезы. Короткое мгновение, слишком неловкое из-за неожиданного прикосновения, чтобы Тереза смогла успокоиться, не успело ни закончиться, ни начаться, когда прозвенел дверной звонок, отдавшийся в их ушах словно колокольный набат. Кэрол улыбнулась.

— Кто это? — спросила она.

Тереза почувствовала, как ноготь Кэрол уколол ее запястье, когда она отпустила ее.

— Вероятно, Ричард.

Это мог быть только Ричард, потому что она узнала его длинный звонок.

— Хорошо. Я бы хотела с ним познакомиться.

Тереза нажала кнопку домофона, затем услышала, как твердыми, пружинистыми шагами Ричард поднимался по лестнице. Она открыла дверь.

— Привет, — сказал Ричард. — Я решил...

— Ричард, это миссис Эйрд, — сказала Тереза. — Ричард Семко.

— Здравствуйте, — сказала Кэрол.

Ричард кивнул и почти поклонился.

— Здравствуйте, — сказал он и его голубые глаза широко распахнулись. Они уставились друг на друга — Ричард с квадратной коробкой в руках, как будто он собирался подарить ее ей, и Кэрол с новой сигаретой в руке, неподвижно застывшая на месте. Ричард поставил коробку на край стола.

— Я был поблизости и подумал, что заскочу к тебе, — сказал он, и за этим его объяснением Тереза услышала бессознательное утверждение его права быть здесь, так же как за его любопытным взглядом она заметила спонтанное недоверие к Кэрол. — Мне нужно отнести подарок маминной подруге. Это рождественский пирог, — он кивнул на коробку и обезоруживающе улыбнулся. — Кто-нибудь хочет попробовать его сейчас?

Кэрол и Тереза отказались. Кэрол наблюдала за Ричардом, пока он открывал коробку перочинным ножиком. Ей нравится его улыбка, подумала Тереза. Он ей нравится, этот долговязый молодой человек с непослушными светлыми волосами, широкими мускулистыми плечами и большими забавными ногами в мокасинах.

— Пожалуйста, присядь, — сказала Тереза Кэрол.

— Нет, я ухожу, — ответила та.

— Я оставлю тебе половину, Терри, а потом тоже пойду, — отозвался Ричард.

Тереза посмотрела на Кэрол, Кэрол улыбнулась ее нервозности и присела на угол дивана.

— В любом случае я не хочу вас подгонять, — сказал Ричард, вытащил из коробки пирог вместе с бумагой, на которой он лежал, и положил на кухонную полку.

— А вы и не подгоняете. Вы ведь художник, да, Ричард?

— Да.

Он сунул в рот отколовшийся кусочек глазури и посмотрел на Кэрол. «Такой спокойный — да и с чего ему беспокоиться? — подумала Тереза, — у него и глаза честные, потому что ему нечего скрывать».

— А вы тоже художница?

— Нет, — сказала Кэрол и еще раз улыбнулась. — Я никто.

— Самая трудная роль.

— Разве? Вы хороший художник?

— Я им буду. Могу быть, — невозмутимо ответил Ричард. — У тебя есть пиво, Терри? Ужасно пить хочется.

Тереза подошла к холодильнику и взяла оттуда две бутылки. Ричард спросил Кэрол, хочет ли она пива, но Кэрол отказалась. Потом Ричард прошелся вдоль дивана, поглядывая на чемодан и оберточную бумагу, и Тереза подумала, что он что-нибудь скажет по этому поводу, но он

промолчал.

— Я подумал, что мы могли бы пойти в кино, Терри. Я бы хотел посмотреть тот фильм в Виктории. Хочешь пойти?

— Сегодня вечером я не могу. У меня встреча с миссис Эйрд.

— О, — Ричард взглянул на Кэрол, которая затушила сигарету и встала.

— Я должна идти, — она улыбнулась Терезе. — Позвоню тебе около шести. — Если передумаешь, ничего страшного. До свидания, Ричард.

— До свидания, — сказал Ричард.

Кэрол подмигнула ей, пока спускалась по лестнице.

— Будь умницей, — сказала она.

— Откуда взялся этот чемодан? — спросил Ричард, когда она вернулась в комнату.

— Это подарок.

— Что происходит, Терри?

— Да ничего не происходит.

— Я помешал чему-то важному? Кто она?

Тереза взяла пустой бокал Кэрол. На ободке остался едва заметный след от помады.

— Она та женщина, с которой я познакомилась в магазине.

— Это она подарила тебе этот чемодан?

— Да.

— Ничего себе подарок. Она что, так богата?

Тереза взглянула на Ричарда. Ричард изначально с неприятием относился к богачам и буржуа.

— Богата? Ты имеешь в виду норковую шубку? Не знаю. Я оказала ей услугу. Я нашла то, что она потеряла в магазине.

— Да? — произнес он. — А что? Ты ничего об этом не говорила.

Она вымыла и вытерла бокал Кэрол и поставила его обратно на полку.

— Она оставила на прилавке свой бумажник, а я вернула его ей, вот и все.

— О. Чертовски милое вознаграждение, — он нахмурился. — Терри, ну что такое? Ты же не дуешься из-за этого глупого змея, нет?

— Нет, конечно, нет, — сказала она, теряя терпение. Ей захотелось, чтобы он ушел. Она сунула руки в карманы халата и прошла по комнате, встав там, где стояла Кэрол, рассматривая горшки с цветами.

— Этим утром Фил занес пьесу. Я начала ее читать.

— Так это о ней ты волнуешься?

— Почему ты думаешь, что я волнуюсь? — она отвернулась.

— Ты опять в одном из своих задумчивых настроений.

— Я не волнуюсь, и я не задумалась, — она глубоко вздохнула. — Забавно... ты замечаешь одни настроения и совершенно не обращаешь внимание на другие.

Ричард посмотрел на нее.

— Ладно, Терри, — произнес он и пожал плечами, как будто признавая ее упрек. Он сел на стул с прямой спинкой и вылил остатки пива себе в бокал. — Что это у тебя сегодня за свидание с той женщиной?

Губы Терезы расплылись в улыбке, пока она водила по ним помадой. Секунду она смотрела на пинцет для бровей, лежащий на маленькой полочке, прикрепленной к двери ванной изнутри. Затем она поставила помаду на полочку.

— Думаю, это что-то типа коктейльной вечеринки. Те, что устраивают на Рождество в качестве благотворительных мероприятий. В каком-то ресторане, так она сказала.

— Хмм. И ты хочешь пойти?

— Я сказала, что пойду.

Ричард допил пиво, и видно было, как он нахмурился поверх бокала.

— А что после? Может быть, я поваляюсь здесь, почитаю пьесу, пока тебя нет, а потом мы перекусим и отправимся в кино?

— После, думаю, я лучше дочитаю пьесу. Я должна начать в субботу, и у меня уже должно быть несколько идей.

Ричард встал.

— Ага, — небрежно сказал он и вздохнул.

Тереза наблюдала, как он лениво профланировал к дивану и застыл рядом с ним, рассматривая сценарий. Потом он наклонился над ним, изучая титульный лист и список персонажей. Он глянул на часы, затем на нее.

— Почему бы мне не почитать его прямо сейчас? — спросил он.

— Читай, — ответила она с резкостью, которую Ричард либо не услышал, либо проигнорировал, потому что он просто улегся на диван со сценарием в руке и принялся читать. Она взяла с полки коробок спичек. Нет, подумала она, он осознавал ее «задумчивое» настроение только когда чувствовал себя лишенным ее внимания. Внезапно она подумала о тех моментах, когда ложилась с ним в постель, о собственной отрешенности в эти моменты, хотя предполагалось, что она должна испытывать чувство близости, как все об этом говорили. Тогда это для Ричарда было не важно, предположила она, из-за того факта, что они физически были в постели вместе. А теперь, наблюдая за Ричардом, полностью погруженным в чтение, видя, как пухлые жесткие пальцы захватывают прядь волос из челки и вытягивают ее прямо к носу — она видела, как он это делает уже тысячи раз, — ей пришло на ум, просто озарило, что такое поведение Ричарда говорило о том, что его место в ее жизни было непоколебимым, а ее связь с ним стойкой и бесспорной, потому что он был первым мужчиной, с которым она когда-либо спала. Тереза швырнула коробок на полку, и оттуда упала какая-то бутылка. Ричард сел, удивленно улыбаясь:

— Ты чего, Терри?

— Ричард, я хочу побыть одна... до конца дня. Ты не против?

Он встал. С его лица не сходило удивление.

— Нет. Конечно, нет, — он бросил сценарий на диван. — Ладно, Терри. Это, наверное, даже лучше. Может, тебе следует прочитать это прямо сейчас... и прочитать одной, — сказал он убежденно, как если бы уговаривал сам себя. Он снова взглянул на часы. — Может, я пойду и скоротаю время с Сэмом и Джоан.

Она стояла, замерев, даже ни о чем не думая, кроме как о том, что должно пройти еще несколько секунд, прежде чем он уйдет. Ричард разок провел своей немного липкой от пота рукой по ее волосам и наклонился поцеловать ее. И тут она совершенно неожиданно вспомнила о книге с репродукциями Дега, купленной несколько дней назад — Ричард хотел ее приобрести, но нигде не мог отыскать. Она достала ее из нижнего ящика бюро.

— Я ее нашла. Книгу Дега.

— О, класс. Спасибо, — он взял ее обеими руками. Книга была еще в упаковке. — Где ты нашла ее?

— У Франкенберга. Кто бы мог подумать!

— У Франкенберга, — Ричард улыбнулся. — Шесть баксов, да?

— О, ерунда.

Ричард вытащил бумажник.

— Но это же я просил тебя купить мне эту книгу.

— В самом деле, не бери в голову.

Ричард запротестовал, но она не взяла денег. Минуту спустя он ушел с обещанием позвонить ей завтра в пять. Она могли бы чем-нибудь заняться завтра вечером, сказал он.

Кэрол позвонила в десять минут седьмого.

— У тебя есть настроение отправиться в Чайнатаун? — спросила она.

— Конечно, — ответила Тереза.

— Я кое с кем пью коктейль в Сейнт Реджис, — сказала Кэрол. — Заберешь меня отсюда? Мы в маленьком зале, не в большом. И, слушай, мы идем с тобой на театральное представление, и это ты меня пригласила. Поняла?

— Типа благотворительной рождественской коктейльной вечеринки?

Кэрол рассмеялась.

— Поторопись.

Тереза не шла, а летела. Друг Кэрол, Стенли МакВей, оказался высоким и очень привлекательным мужчиной лет сорока, с усами и с собакой-боксером на поводке. Когда она пришла, Кэрол была готова идти. Стенли проводил их, посадил в такси и через окошко протянул водителю деньги.

— Кто это? — спросила Тереза.

— Старый друг. Теперь из-за моего развода с Харджем мы видимся с ним чаще.

Тереза посмотрела на нее. Сегодня вечером в глазах Кэрол светилась замечательная улыбка.

— Он тебе нравится?

— Да так себе, — ответила Кэрол. — Водитель, не отвезете нас в Чайнатаун вместо прежнего адреса?

Пока они ужинали, закапал дождь. Кэрол сказала, что в Чайнатауне всегда идет дождь, всякий раз, когда она тут бывает. Но это было не так уж и важно, потому что они ныряли из одного магазина в другой, рассматривая всякие вещички и покупая их. Тереза увидела сандалии на платформе, которые показались ей красивыми, скорее больше похожими на персидские, чем на китайские. Она хотела купить их для Кэрол, но та сказала, что Ринди их не одобрит. У Ринди был консервативный подход ко всему, ей не нравилось, если Кэрол даже летом ходила без чулок, и Кэрол ей в этом уступала. В том же магазине продавался китайский костюм из черной блестящей ткани, с прямыми брюками и жакетом с высоким воротником-стойкой. Кэрол купила такой для Ринди. Все-таки Тереза купила сандалии для Кэрол, пока та оформляла отправку костюма Ринди. Она правильно угадала размер, просто посмотрев на сандалии, и Кэрол было приятно, что в итоге Тереза их купила. Затем они странно провели время в китайском театре, где люди в зале спали, несмотря на весь шум и звон. И под конец они прошли в верхнюю часть Манхэттена, чтобы устроить поздний ужин в ресторане, где музыканты играли на арфе. Это был восхитительный вечер, поистине великолепный вечер.

В ЧЕТВЕРГ, на пятый день работы, Тереза сидела на задворках театра «Черный Кот» в маленькой комнате с голыми стенами и без потолка и ждала мистера Донохью, нового режиссера, чтобы тот посмотрел ее новый картонный макет. Вчера утром Донохью заменил прежнего режиссера, Кортеса, выбросил ее первый макет декораций, и также выкинул из спектакля Фила МакЭлроя, который должен был играть в пьесе второго брата. Фил ушел вчера во гневе. Повезло, что ее не вышвырнули вместе с ее макетом, подумала Тереза, поэтому она строго вняла инструкциям мистера Донохью. В новом макете не было подвижной секции, которую она соорудила в первом варианте, позволявшей в последнем акте преобразить сцену в гостиную в сцену на террасе. Казалось, мистер Донохью был твердо настроен против всех необычных или даже простеньких сценических решений. Из-за переноса всего действия пьесы в гостиную, в последнем акте многие диалоги пришлось переписать, а несколько самых изящных реплик и вовсе пропали. На ее новом макете разместились камин, широкие распашные стеклянные окна от пола до потолка, выходящие на террасу, две двери, диван, пара кресел и книжный шкаф. Когда возведут эту декорацию, она будет выглядеть как комната в макете дома на мебельной выставке, реалистичная до последней пепельницы.

Тереза встала, потянулась и взяла вельветовый жакет, висевший на гвозде на двери. Тут было холодно, как в сарае. Мистер Донохью, вероятно, не заглянет сюда до второй половины дня или вообще сегодня не появится, если она опять ему не напомнит. С декорациями ее никто не подгонял. Они, вероятно, были наименее важной частью всей постановки, но Тереза просидела до позднего вечера, увлеченно работая над макетом.

Она вышла, чтобы снова постоять за кулисами. Весь актерский состав пребывал на сцене со сценариями в руках. Мистер Донохью прогонял и прогонял их через всю пьесу, чтобы актеры прониклись ее духом, как он выразился, однако сегодня, кажется, он только нагонял на них сон. Все выглядели вяло, кроме Тома Хардинга, высокого блондинистого молодого человека, кому досталась роль главного героя, и он был слишком уж оживлен. Джорджия Халлоран страдала от головной боли из-за заложенного носа, и каждый час ей приходилось прерываться, чтобы закапать себе нос и полежать несколько минут. Джеффри Эндрюс, мужчина средних лет, играющий отца главной героини, между своими репликами постоянно ворчал, потому что ему не нравился Донохью.

— Нет, нет, нет, нет, — сказал мистер Донохью в десятый раз за это утро, остановив чтение и вынудив всех опустить сценарии и повернуться к нему с недоуменной, раздраженной покорностью. — Давайте начнем снова со страницы двадцать восемь.

Тереза смотрела, как он машет руками, показывая на тех, чья очередь подавать реплику, поднимает руку, чтобы заставить их замолчать, не отрывая при этом глаз от сценария, словно дирижирует оркестром. Том Хардинг подмигнул ей и вытер нос рукой. Постояв еще немного, Тереза вернулась в свою рабочую комнату за перегородкой, и там почувствовала себя чуть менее бесполезной. Она знала эту пьесу почти наизусть. Сюжет напоминал комедию ошибок Шеридана — два брата, которые притворяются камердинером и господином, чтобы произвести впечатление на богатую наследницу, в которую один из них влюблен. Диалоги были веселыми и, в общем-то, неплохими, но скучные, лишённые фантазии декорации, которые заказал Донохью... Тереза надеялась, что можно будет что-то придумать, используя те цвета, с которыми они будут работать.

Мистер Донохью пришел только после двенадцати. Он посмотрел на ее макет, приподнял его, разглядывая снизу и с обеих сторон, и нервное, озабоченное выражение его лица при этом

ничуть не изменилось.

— Да, годится. Этот вариант мне очень нравится. Вы же сами видите, насколько он лучше, чем те голые стены, что были у вас раньше, правда?

Тереза глубоко и с облегчением вздохнула.

— Да, — ответила она.

— Декорации вырастают из потребностей актеров. Вы создаете их не для балета, мисс Беливет.

Она кивнула, тоже рассматривая макет и стараясь прикинуть, как, по возможности, его улучшить, сделать более функциональным.

— Плотники придут днем, к четырем. Мы соберемся все вместе и все обговорим.

Мистер Донохью вышел.

Тереза уставилась на картонный макет. По крайней мере, она увидит, воплощение своих идей. По крайней мере, она вместе с плотниками сделает их реальными. Она подошла к окну и взглянула на серое, но светлое зимнее небо, проглядывающее за тыльными сторонами пятиэтажных домов, обвешанных гирляндами пожарных лестниц. На переднем плане виднелся маленький не застроенный участок с росшим на нем низеньким, лишенным листьев деревцем. Его кривые ветки торчали в разные стороны так, словно это был взбесившийся дорожный указатель. Вот бы позвонить Кэрол и пригласить ее на обед. Но Кэрол находилась в полутора часах езды на машине отсюда.

— Ваша фамилия Беливет?

Тереза повернулась к девушке в дверном проеме.

— Беливет. Меня к телефону?

— Телефон у софитов.

— Спасибо, — Тереза поспешила, надеясь, что ей звонит Кэрол, хотя полагала, что скорее всего это был Ричард. Кэрол еще не звонила ей сюда.

— Привет. Это Эбби.

— Эбби? — Тереза улыбнулась. — Как ты узнала, что я здесь?

— Ты мне говорила, помнишь? Я бы хотела с тобой увидеться. Я тут неподалеку. Ты уже обедала?

Они договорились встретиться в ресторане Палермо, что располагался в квартале или двух от Черного Кота.

Тереза насвистывала мотивчик, пока шла туда, такая счастливая, как будто она встречалась с Кэрол. Пол ресторана был посыпан опилками, и пара черных котят резвилась под стойкой бара. Эбби сидела за столом в дальней части зала.

— Привет, — сказала Эбби, когда она подошла. — Ты выглядишь очень жизнерадостно. Я почти тебя не узнала. Хочешь выпить?

Тереза покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Хочешь сказать, ты и без выпивки вполне счастлива? — спросила Эбби и хихикнула со скрытой насмешкой, которая от Эбби почему-то не воспринималась, как обидная.

Тереза взяла предложенную Эбби сигарету. Эбби знает, подумала она. И, возможно, она тоже влюблена в Кэрол. Эта мысль заставила Терезу насторожиться. Это породило молчаливое соперничество, вызвавшее в ней забавное оживление и давшее ей чувство определенного превосходства над Эбби — чувства, которых Тереза никогда раньше не испытывала, о которых никогда не отваживалась мечтать, чувства, революционные сами по себе. Так что их совместный обед в ресторане оказался едва ли не таким же важным, как встреча с Кэрол.

— Как Кэрол? — спросила Тереза. Она не видела ее три дня.

— Просто прекрасно, — сказала Эбби, наблюдая за ней. Подошел официант, и Эбби спросила, порекомендует ли он заказать мидии и эскалоп.

— Отличный выбор, мадам! — расплылся в улыбке тот, словно она была особенным посетителем.

Это было в духе Эбби — сиять так, словно сегодняшний или вообще каждый день был для нее особенным праздником. Терезе это нравилось. Она с восхищением посмотрела на костюм Эбби с красно-голубым узором, на ее запонки в виде закручивавшихся букв «G», похожие на филигранной работы серебряные пуговицы. Эбби расспрашивала ее о работе в Черном Коте. Это утомило Терезу, но Эбби, казалось, впечатлилась. «Эбби впечатлилась, — подумала Тереза, — потому что сама она ничего не делала».

— Я кое-кого знаю из продюсерской театральной братии, — сказала Эбби. — Буду рада замолвить за тебя словечко.

— Спасибо, — Тереза вертела в руках крышку от пиалы с тертым сыром, что стояла перед ней. — Знаешь человека по имени Андроник? Думаю, он из Филадельфии.

— Нет, — ответила Эбби.

Мистер Донохью сказал ей пойти и познакомиться с Андроником на следующей неделе здесь, в Нью-Йорке. Тот продюсировал шоу, которое откроется этой весной в Филадельфии, а затем будет показано и на Бродвее.

— Попробуй мидии, — Эбби ела свои с истинным удовольствием. — Кэрол тоже их любит.

— Ты уже давно знакома с Кэрол?

— Угум, — кивнула Эбби, глядя на нее ясным взором, который ничего не раскрывал.

— И, конечно, ты знаешь и ее мужа тоже.

Эбби снова молча кивнула.

Тереза слегка улыбнулась. Как она чуяла, Эбби готова была расспрашивать ее, но ничем не собиравшись делиться с ней о себе или о Кэрол.

— Как насчет вина? Тебе нравится кьянти? — Щелчком пальцев Эбби подозвала официанта. — Принесите нам бутылку кьянти. Хорошего. Улучшает кровь, — добавила она для Терезы.

Потом принесли основное блюдо, и вокруг стола засуетились двое официантов, откупоривая кьянти, подливая воду и ставя на стол свежее масло. Радио в углу наигрывало танго — такое маленькое радио с сетчатой передней панелью, которая была сломана, а музыка, должно быть, исходила от струнного оркестра позади них, они играли по просьбе Эбби. «Не удивительно, что она нравится Кэрол», — подумала Тереза. Она дополняла торжественный образ Кэрол и могла напомнить ей, как смеяться.

— Ты всегда жила одна? — спросила Эбби.

— Да. С тех пор, как закончила школу, — Тереза глотнула вина. — А ты? Или ты живешь со своей семьей?

— С семьей. Но у меня своя половина дома.

— А ты работаешь? — рискнула поинтересоваться Тереза.

— Работала. На двух или трех работах. Тебе разве Кэрол не рассказывала, что в свое время у нас был мебельный магазин? Как раз при выезде из Элизабеттауна на автостраду? Мы покупали антиквариат или обычную подержанную мебель и реставрировали ее. Я в жизни своей никогда так много не работала, — Эбби весело улыбнулась ей, как будто все сказанное ею могло оказаться неправдой. — Потом еще одна работенка. Я — энтомолог. Не так чтобы очень хороший, но довольно квалифицированный, чтобы вытаскивать жучков из ящиков с итальянскими лимонами и всякого такого. В Багамских лилиях полно жучков.

— Я об этом слышала, — улыбнулась Тереза.

— Не думаю, что ты мне веришь.

— Верю. Ты все еще этим занимаешься?

— Я в резерве. Работаю только в экстренных случаях. На Пасху, например.

Тереза наблюдала, как Эбби вилкой разламывала эскалоп на маленькие кусочки, а потом их ела.

— Ты много путешествовала с Кэрол?

— Много? Нет, а что? — спросила Эбби.

— С тобой ей бы было хорошо. Потому что Кэрол такая серьезная, — Тереза хотела бы подвести разговор к самой сути, но не представляла, что же эта за суть. Вино медленно разносило тепло по ее телу, до самых кончиков пальцев.

— Не всегда, — поправила Эбби, и в ее голосе послышался подспудный смех, как в том самом первом слове, которое услышала от нее Тереза.

Вино кружило ей голову, сулило музыку и поэзию или обещало поведать истину, но Тереза замерла на полуслове. Она не могла придумать ни единого вопроса, который было бы прилично задать, потому что все вопросы были слишком глобальными.

— Как ты познакомилась с Кэрол? — спросила Эбби.

— Разве Кэрол тебе не рассказывала?

— Она лишь сказала, что встретила тебя у Франкенберга, когда ты там работала.

— Ну, так мы и познакомились, — подтвердила Тереза, чувствуя, как помимо ее воли, в ней поднимается неприязнь к Эбби.

— Вы просто начали разговаривать? — спросила Эбби с улыбкой, прикуривая сигарету.

— Я обслуживала ее, — сказала Тереза и замолчала.

«А ведь Эбби ждет подробного описания той встречи», — поняла Тереза. Но она не собиралась делиться этой историей ни с ней, ни с кем бы то ни было. Это переживание принадлежало только ей. «Конечно, Кэрол ничего не рассказала Эбби, — подумала она, — и не упомянула ту глупую историю с рождественской открыткой. Наверное, для Кэрол это не настолько важно, чтобы она стала об этом рассказывать».

— Ты не против рассказать мне, кто заговорил первым?

Тереза вдруг рассмеялась. Все еще улыбаясь, она потянулась за сигаретой и прикурила ее. Нет, Кэрол не рассказала ей о рождественской открытке, и вопрос Эбби прозвучал так ужасно забавно.

— Против, — сказал Тереза.

— Она тебе очень нравится, ведь так? — спросила Эбби.

Тереза попыталась отыскать в этом вопросе следы враждебности. Но это была не враждебность, а ревность.

— Да.

— Почему?

— Почему мне она нравится? А тебе почему?

Глаза Эбби все еще смеялись.

— Я знаю Кэрол с тех пор, как ей стукнуло четыре года.

Тереза ничего не ответила.

— Ты же совсем молоденькая, да? Тебе хоть двадцать один уже исполнилось?

— Нет. Не совсем.

— Ты ведь знаешь, что у Кэрол сейчас много забот?

— Да.

— И теперь она одна, — добавила Эбби, не сводя глаз с Терезы.

— Ты имеешь в виду, она поэтому со мной встречается? — спокойно спросила Тереза. —

Хочешь сказать, что я не должна с ней видаться?

Взгляд Эбби был пристальным и немигающим, но на этих словах она два раза быстро моргнула.

— Нет, ничего подобного. Но я не хочу, чтобы тебе было больно. А еще я не хочу, чтобы ты причинила боль Кэрол.

— Я никогда не обижу Кэрол, — сказала Тереза. — Или ты считаешь, что обижу? Эбби по-прежнему смотрела на нее настороженно, так и не отводя взгляд.

— Нет, я так не считаю, — ответила Эбби, словно только что это поняла. И заулыбалась, будто что-то ее очень обрадовало.

Но Терезе не понравились ни улыбка, ни сам вопрос, и, понимая, что все ее чувства у нее написаны на лице, она опустила взгляд на стол. Там обнаружился стакан горячего сабайона^[9], стоявший на тарелочке прямо перед ней.

— Хочешь пойти на коктейльную вечеринку сегодня вечером, Тереза? На Манхеттене, около шести? Я не знаю, будут ли там еще какие-то театральные художники, но одна из хозяек вечеринки — актриса.

Тереза отложила сигарету.

— А Кэрол там будет?

— Нет. Не будет. Но они все милые, и с ними легко поладить. Это маленькая вечеринка.

— Спасибо. Не думаю, что пойду. Возможно, мне и сегодня придется работать допоздна.

— О. Я в любом случае хотела дать тебе адрес, но если ты не собираешься...

— Нет, — сказала Тереза.

Когда они вышли из ресторана, Эбби пожелала прогуляться вокруг квартала. Тереза согласилась, хотя к этому времени Эбби ее уже утомила. Из-за ее самоуверенности, из-за прямолинейных, откровенных расспросов Тереза чувствовала, что Эбби взяла над ней верх. И Эбби не позволила ей заплатить по чеку.

— Кэрол высоко мнения о тебе, знаешь ли, — сказала Эбби. — Она говорит, ты очень талантлива.

— Неужели? — сказала Тереза, только наполовину в это веря. — Она никогда этого мне не говорила.

Она хотела пойти быстрее, но Эбби замедлила шаг.

— Ты должна знать, насколько она высокого о тебе мнения, раз уж она хочет поехать в путешествие с тобой.

Тереза бросила взгляд на Эбби и увидела, что та простодушно ей улыбается.

— Об этом она мне тоже ничего не говорила, — спокойно ответила Тереза, хотя ее сердце забилось быстрее.

— Уверена, что скажет. Ты поедешь с ней, ведь так?

И почему это Эбби должна была узнать об этом раньше нее самой, размышляла Тереза. Она почувствовала, как в ней вспыхнул гнев. И к чему это все? Эбби ее ненавидит? А если так, почему она этого не показывает? А затем, в следующее мгновение вспышка гнева погасла и оставила после себя слабость, оставила ее уязвимой и беззащитной. Ей подумалось, что если в этот самый момент Эбби прижмет ее к стене и скамандует: «Выкладывай! Чего тебе надо от Кэрол? Насколько большую ее часть ты хочешь забрать у меня?», она бы все тут же выложила. Она бы пролепетала: «Я хочу быть с ней. Мне нравится быть с ней, и какое тебе до этого дело?»

— Разве это не Кэрол должна со мной об этом говорить? Почему меня спрашиваешь ты? — Тереза прилагала все усилия, чтобы ее голос звучал безразлично. Безнадежное дело. Эбби остановилась.

— Прости, — сказала она, поворачиваясь к ней. — Думаю, теперь я понимаю все лучше.

— Понимаешь что?

— Только то... что ты выигрываешь.

— Выигрываю что?

— Что? — словно эхо повторила Эбби и запрокинула голову, глядя на угол здания, на небо, а Терезой внезапно овладело яростное беспокойство.

Ей захотелось, чтобы Эбби ушла, и тогда она могла бы позвонить Кэрол. Ничто не имело значения, кроме голоса Кэрол. Все было неважным, кроме Кэрол, и как она позабыла об этом хоть на мгновение?

— Неудивительно, что Кэрол так высоко тебя ценит, — сказала Эбби, но если это и было сказано по-доброму, то Тереза это так не восприняла. — Пока, Тереза. Еще увидимся, я в этом не сомневаюсь.

Эбби протянула ей руку.

Тереза пожала ее.

— Пока, — сказала она. Тереза смотрела, как Эбби с высоко поднятой курчавой головой и теперь уже более быстрым шагом направилась в сторону Вашингтон Сквер.

На следующем углу Тереза заскочила в аптеку и позвонила Кэрол. К телефону сначала подошла горничная, а потом и Кэрол.

— Что случилось? — спросила Кэрол. — Ты не в настроении.

— Ничего. Скукота на работе.

— Что ты делаешь сегодня вечером? Хочешь куда-нибудь сходить?

Тереза вышла из аптеки, улыбаясь. Кэрол заедет за ней в половине шестого. Она настояла на том, что сама заберет Терезу, потому что незачем было трястись на поезде.

На другой стороне улицы она заметила удаляющегося от нее Денни МакЭлроя. Тот шагал без пальто и нес в руке бутылку молока.

— Денни! — позвала она.

Денни повернулся и зашагал к ней.

— Заскочишь на минутку? — прокричал он.

Тереза начало было отнекиваться, а потом, когда он к ней подошел, взяла его за руку.

— Разве что на минутку. Я и так уже засиделась за обедом.

Денни улыбнулся ей.

— А который сейчас час? Я занимался, пока у меня ум за разум не зашел.

— Два с чем-то.

Она почувствовала, как рука Денни напряглась от холода. Под темными волосками на его предплечье кожа пошла мурашками.

— Ты с ума сошел — выскакивать без пальто! — сказала она.

— Это прочищает мозги, — он придержал для нее железную калитку, которая вела к его двери. — Фил где-то пропадает.

Комната пропахла табачным дымом, но запах скорее напоминал запах готовящегося горячего шоколада. Квартира была полуподвальной, полутемной, и лампа отбрасывала круг теплого света на вечно заваленный всяким барахлом стол. Тереза посмотрела на лежавшие на его столе раскрытые книги — страницы и страницы, испещренные символами, которых она не могла понять, но они ей нравились. Все, что изрекали эти знаки, было истинным и доказанным. Символы были сильнее и куда точнее слов. Она ощутила, как разум Денни охватывает их, один факт за другим, и связывает воедино крепкой цепью, звено за звеном. Она смотрела, как он стоит у кухонного стола и мастерит себе сэндвич. Под белой рубашкой его плечи выглядели широкими и рельефными, мышцы слегка перекачивались от движений, которыми он укладывал салями и ломтики сыра на большой ломоть ржаного хлеба.

— Я был бы рад, если бы ты заглядывала к нам почаще, Тереза. Среда — единственный день, когда я не дома во второй половине дня. И мы не помешаем Филу, если пообедаем вместе, даже если он будет спать.

— Непременно взгляну, — ответила Тереза. Она присела на стоявший вполоборота стул у его стола. Она уже раз приходила к ним на ланч и еще раз забегала после работы. Ей нравилось навещать Денни. С ним можно было не притворяться и не заводить светские беседы.

Диван Фила в углу комнаты стоял незастеленным, одеяла и простыни сбились в клубок. Оба раза, когда она приходила в гости, кровать так и была не убрана, либо же в ней был Фил. Длинный книжный шкаф был выдвинут под прямым углом к кровати и отгораживал угол Фила от остальной комнаты. В нем всегда царил бардак, раздражающий и бестолковый, совсем не такой, как рабочий беспорядок на столе Денни.

Денни открыл пиво, банка пшикнула. Он прислонился к стене, в руках — пиво и сэндвич, на лице — довольная улыбка. Ему нравилось, что Тереза здесь.

— Помнишь, как ты сказала, что законы физики к людям неприменимы?

— Хм. Смутно.

— Ну, так я не уверен, что ты права, — произнес он и откусил кусок сэндвича. — Возьмем, к примеру, дружбу. Я могу припомнить много случаев, когда двое людей не имеют ничего общего. И я думаю, у каждой дружбы есть своя причина — точно так же как существует причина, почему одни атомы образуют соединения, а другие нет — одним не хватает нужных частиц, а у других они есть в избытке. Как ты думаешь? Я считаю, что дружба — это результат определенной потребности, которая может быть полностью скрыта от обоих людей, а иногда даже так и не проявиться.

— Может быть. Я тоже могу припомнить несколько таких случаев.

Взять, например, ее и Ричарда. Тот ладил с людьми, локтями прокладывая себе дорогу в этом мире так, как она ни за что бы не смогла. Ее всегда притягивали люди, которые обладали такого же рода самоуверенностью, как и Ричард.

— А какая слабость есть у тебя, Денни?

— У меня? — спросил он, улыбаясь. — Хочешь со мной подружиться?

— Да. Но ты почти самый сильный человек, которого я знаю.

— Серьезно? Мне что, перечислить все свои недостатки?

Она улыбнулась и посмотрела на него. Молодой парень, который в свои двадцать пять четко знал, к чему он стремится, и шел по этому пути с тех пор, как ему стукнуло четырнадцать. Он направил всю свою энергию в одно русло — полная противоположность тому, как поступал Ричард.

— У меня есть тайная, глубоко скрытая потребность в кухарке, — сказал Денни. — И в учителе танцев, и в ком-то, кто напоминал бы мне, что пора заняться мелочами — забрать белье из прачечной или подстричься.

— Я тоже вечно забываю забрать свое белье из стирки.

— Ох, — грустно ответил он. — Тогда все пропало. А я так надеялся. У меня было легкое ощущение, что это судьба. Потому что, понимаешь ли, то что я называю взаимной склонностью, правдиво описывает как дружбу, так и случайный обмен взглядами с прохожим, и всему этому есть где-то определенная причина. Я думаю, даже поэты со мной согласились бы.

Она улыбнулась.

— Даже поэты?

Она подумала о Кэрол, потом об Эбби, об их разговоре за ланчем, который был и больше, и в то же время намного меньше, чем обмен взглядами, и о чередке эмоций, которые он в ней пробудил. Это подавляло ее.

— Но ты должен сделать поправку на человеческие слабости, на вещи, которые трудно рационально истолковать.

— Слабости? Это всего лишь отговорка. Слово, которое в ходу у поэтов.

— Я думала, оно используется психологами, — сказала Тереза.

— Я хотел сказать, что делать допущения — неблагодарное занятие. У жизни свои собственные законы, и дело только за тем, чтобы найти их и сформулировать. Тебе хоть что-то из моих слов понятно?

— Ничегошеньки. Я думала о том, что в любом случае не имеет значения.

Она вдруг снова разозлилась, как тогда, на улице после ланча.

— О чем? — упорствовал он, хмурясь.

— Например, о ланче, с которого я только что вернулась, — ответила она.

— С кем?

— Это не важно. Было бы важно, я бы рассказала. Просто пустая трата времени, похоже на то, словно что-то теряешь, мне так показалось. А может, этого чего-то и не существовало вовсе.

Ей хотелось, чтобы Эбби ей нравилась, потому что она нравилась Кэрол.

— Кроме как в твоём воображении? Это все равно может быть потерей.

— Это да, но ведь есть на свете люди или вещи, с которых тебе в итоге взять абсолютно нечего, потому что их ничто с тобой не объединяет.

А ведь она хотела поговорить с ним о чем-то другом, совсем не об этом. Не про Эбби, не про Кэрол, а о том, о чем они говорили раньше. О том, что образовывало идеальную связь и имело совершенный смысл. Она любила Кэрол. Тереза поднесла руку ко лбу.

Денни какое-то мгновение смотрел на нее, а потом оттолкнулся от стены. Он повернулся к плите, вытащил из кармана рубашки спичку, и Тереза поняла, что разговор теряет смысл, становится праздным, и они больше ни к чему не придут, что бы они еще ни собрались сказать. Но она чувствовала, что если бы она пересказала Денни каждое слово из их разговора с Эбби, то он смог бы одной фразой прояснить все скрытые смыслы, как разбрызганное в воздухе химическое вещество мгновенно разгоняет туман. Или это было то, что не подвластно никакой логике? Что-то странное, стоявшее за всей этой ревностью, подозрением и враждебностью в словах Эбби, что и было самой Эбби?

— Не все исчерпывается простым перебором комбинаций, — добавила Тереза.

— Некоторые вещи просто молчат. Но все вокруг живет и дышит, — он повернулся с широкой улыбкой, как будто его осенила совсем другая мысль. И поднял вверх еще дымящуюся спичку. — Вот как эта спичка. И я говорю не о физике, не о том, что материя превращается в дым. Вообще-то, у меня сегодня поэтическое настроение.

— А спичка?

— Я чувствую, что она как будто растет, как растение, а не исчезает. Я чувствую, будто все в мире должно для поэта иногда казаться живым и растущим. Даже этот стол подобен моей собственной плоти, — он коснулся края стола ладонью. — У меня было такое чувство, когда однажды я поднялся на холм верхом на лошади. Это было в Пенсильвании. Я тогда не очень умел ездить верхом, и я помню, как лошадь повернула голову, увидела холм, и вдруг решила на него взлететь — слегка присела на задних ногах и рванулась с места, и мы внезапно полетели, как ветер, и я ощутил полное слияние с лошадью, и с землей, словно мы все были одним деревом, чуть колеблемым ветром в его ветвях. Я помню свою абсолютную уверенность, что в тот момент со мной ничего плохого приключиться не может, хотя в любой другой — да, вполне. И это наполнило меня счастьем. Я думал обо всех людях, которые боятся растратить свои вещи, чувства, да и себя самих, и я подумал, что если бы все и каждый пришли к осознанию того, что ощутил я, когда скакал вверх по холму, то сколько жизненных сил мы смогли бы использовать с

толком, а не разбазаривать попусту, — Денни сжал кулак, но его глаза были ясными, словно он все еще посмеивался над собой. — Тебе доводилось заносить до дыр свой самый любимый свитер и в итоге все равно его выбросить?

Она подумала о зеленых шерстяных перчатках сестры Алисии, которые она не износила, но и не выбросила.

— Да, — ответила она.

— Ну, так я это и имею в виду. А вот ягнята даже не понимают, как много шерсти они теряют, когда их стригут, чтобы сделать свитер, потому что они могут отрастить себе новую шерсть.

Он повернулся к кофейнику, который ставил на плиту чтобы подогреть, и который тем временем уже закипел.

— Да.

Она понимала. Это как Ричард со змеем — потому что он мог сделать новый. Она подумала об Эбби с внезапным чувством опустошенности, словно их ланч стерся, исчез, растворился. На мгновение ей показалось, что ее разум переполнился до краев и медленно плывет в пустом пространстве. Она встала.

Денни шагнул к ней, положил руки ей на плечи, и хотя это был всего лишь жест, жест, а не слово, волшебство рассеялось. Ей стало неловко от его прикосновения, и неловкость эта была очень ощутимой.

— Мне пора возвращаться, — сказала она. — Я уже давно опаздываю.

Его руки скользнули вниз, крепко прижали ее локти к бокам, и он вдруг поцеловал ее, на мгновение жестко прижавшись своими губами к ее, и она ощутила его теплое дыхание на своей верхней губе, прежде чем он ее отпустил.

— Да, — сказал он, поглядывая на нее.

— Почему ты... — она остановилась, потому что поцелуй был и нежным, и грубым одновременно, и она не знала, как к этому относиться.

— Да ну, Терри, — сказал он, с улыбкой отворачиваясь от нее. — Ты что, была против?

— Нет, — ответила она.

— Ричард был бы против?

— Полагаю, да, — она застегнула пальто на пуговицы. — Я должна идти, — сказала она, направляясь к двери.

Денни распахнул для нее дверь, улыбаясь своей беспечной улыбкой, словно ничего не случилось.

— Придешь завтра? Приходи на обед.

— Завтра суббота. Я не работаю.

— Разве мы не можем пообедать?

Она покачала головой.

— Не думаю.

— Ладно, приходи в понедельник.

— Ладно, — она тоже улыбнулась и машинально протянула руку, а Денни вежливо ее потряс.

Два квартала до «Черного кота» она пробежала. «Немножечко похоже на ту лошадь, — подумала она. — Но недостаточно, недостаточно близко к совершенству и к тому, что называл совершенством Денни».

— ВОТ КАК проводят время праздные люди, — сказала Кэрол, устроившись на глайдере [\[10\]](#) и вытянув ноги перед собой. — Пора бы уже Эбби найти себе работу.

Тереза ничего не ответила. Она не пересказала Кэрол весь разговор, что произошел за обедом, но у нее не было больше желания говорить об Эбби.

— Разве тебе не хочется посидеть на более удобном стуле?

— Нет, — сказала Тереза. Она сидела на кожаном табурете рядом с глайдером. Они только что поужинали и перешли в эту комнату, которую Тереза раньше не видела, застекленная веранда, примыкающая к зеленой комнате.

— Что еще тебе сказала Эбби, что тебя так разволновало? — спросила Кэрол. Она неотрывно смотрела прямо перед собой и на свои длинные ноги в темно-синих брюках.

Кэрол казалась уставшей. «Она тревожится о чем-то другом, — подумала Тереза, — о чем-то более важном».

— Ничего. Тебе это не дает покоя, Кэрол?

— Не дает покоя?

— Ты сегодня какая-то другая.

Кэрол взглянула на нее.

— Ты придумываешь, — сказала она, и приятный звук ее голоса снова растворился в тишине.

Страница, что она исписала прошлым вечером, подумала Тереза, не имела никакого отношения к этой Кэрол, и не была адресована ей. *Я чувствую, что влюблена в тебя, — написала Тереза, — и это, должно быть, весна. Я хочу, чтобы солнце трепетало на моих волосах, выводя свои аккорды. Солнце — словно Бетховен, ветер — словно Дебюсси, пение птиц — будто Стравинский. Но ритм этой музыке задаю я.*

— Не думаю, что я нравлюсь Эбби, — заметила она. — Не думаю, что она хочет, чтобы я с тобой виделась.

— Это неправда. Ты опять придумываешь.

— Не то, чтобы она это сказала, — Тереза старалась говорить спокойно, как и Кэрол. — Она была очень милой. Пригласила меня на коктейльную вечеринку.

— На какую вечеринку?

— Не знаю. Она сказала, в городе. Сказала, что тебя там не будет, поэтому я не особо хотела туда идти.

— Где в городе?

— Она не уточнила. Только то, что одна из девушек, что ее устраивает, актриса.

Кэрол резко, со щелчком, опустила свою зажигалку на стеклянный столик, и Тереза почувствовала ее недовольство.

— Значит, пригласила, — пробормотала Кэрол почти сама себе. — Присядь здесь, Тереза.

Тереза встала и пересела к самому подножию глайдера.

— Тебе не следует думать, что Эбби так к тебе относится. Я знаю ее достаточно хорошо и знаю, что это не так.

— Ладно, — сказала Тереза.

— Но иногда Эбби невероятно неуклюже выражает свои мысли.

Тереза хотела забыть всю эту историю с Эбби. Кэрол была все еще отстраненной, даже когда говорила, даже когда смотрела на нее. Полоска света, падающая из зеленой комнаты, пересекала макушку Кэрол, но все равно Тереза не видела ее лица.

Кэрол подтолкнула ее пальцем ноги. «Подъем!» Но Тереза не успела пошевелиться, и Кэрол перебросила ноги над ее головой и села. Потом Тереза услышала шаги в соседней комнате, и пухленькая, с ирландской внешностью горничная в серо-белой униформе вошла к ним, неся поднос с кофе. Пол веранды подрагивал под ее быстрыми, оживленными, полными стремления угодить шажками.

— Сливки вот здесь, мэм, — сказала она, указывая на кувшин, что не подходил к кофейному набору. Флоренс взглянула на Терезу круглыми невыразительными глазами и с дружеской улыбкой на лице. Ей было около пятидесяти, волосы собраны в пучок на затылке под белой накрахмаленной наколкой. Тереза никак не могла ее раскусить, не могла понять, на чьей она стороне. Тереза слышала, как она пару раз с придыханием упоминала мистера Эйрда, но было это обусловлено профессией или искренне, Тереза не знала.

— Что-нибудь еще, мэм? — спросила Флоренс. — Мне выключить свет?

— Нет, мне нравится, когда светло. Больше нам будет ничего не нужно, спасибо. Миссис Риордан звонила?

— Нет еще, мэм.

— Скажете ей, что меня нет, когда она позвонит?

— Да, мэм, — Флоренс замешкалась. — Я бы хотела знать, закончили ли вы читать ту новую книгу, мэм. Об Альпах.

— Сходите в мою комнату и возьмите ее, если вам она нравится, Флоренс. Не думаю, что стану ее дочитывать.

— Спасибо, мэм. Спокойной ночи, мэм. Спокойной ночи, мисс.

— Спокойной ночи, — сказала Кэрол.

Пока Кэрол наливала кофе, Тереза спросила:

— Ты решила, когда уезжаешь?

— Может, через неделю, — Кэрол протянула ей чашечку чёрного кофе со сливками. — А что?

— То, что я буду скучать по тебе, конечно.

Кэрол на секунду замерла, а затем потянулась за сигаретой, последней сигаретой и смяла пачку.

— Вообще-то, я тут подумала, что ты могла бы поехать со мной. На три недели или около того. Что думаешь?

Вот оно, подумала Тереза, сказано так, между прочим, как если бы она предложила вместе прогуляться.

— Ты упоминала об этом Эбби, да?

— Да, — сказала Кэрол, — а что?

А что? Тереза не могла сформулировать словами, почему ее так обидело, что Кэрол говорила об этом с Эбби.

— Просто кажется странным, что ты сказала об этом ей, до того как сказала мне.

— Я ей не говорила. Я всего лишь сказала, что может быть, приглашу тебя, — Кэрол подошла к Терезе и положила руки ей на плечи. — Послушай, тебе незачем испытывать такие чувства в отношении Эбби... если только Эбби не наговорила тебе за обедом еще чего-то, о чем ты мне так и не рассказала.

— Нет, — сказала Тереза. Нет, но было столько подспудного, и это было хуже всего. Она почувствовала, как Кэрол убрала руки с ее плеч.

— Эбби — моя давняя подруга, — сказала Кэрол. — Я говорю с ней обо всем.

— Ага, — сказала Тереза.

— Ну, так как, хотела бы ты поехать?

Кэрол отвернулась от нее, и внезапно все утратило смысл, из-за того, как Кэрол попросила ее, как будто ей на самом деле было все равно, поедет Тереза или нет.

— Спасибо... не думаю, что сейчас смогу это себе позволить.

— Тебе не понадобится много денег. Мы поедем на машине. Но если тебе уже предложили работу, это все меняет.

Как будто она не бросила бы работу над балетными декорациями ради того, чтобы поехать с Кэрол — поехать с ней через всю страну, которую до сих пор не видела, через реки и горы, не зная, в каком месте они окажутся, когда опустится ночь. Кэрол понимала это, и понимала, что ей придется отказаться, если Кэрол попросит ее таким образом. Внезапно Тереза уверилась в том, что Кэрол дразнила ее, и она возмутилась, почувствовав горькую обиду от предательства. И эта обида вылилась в решение никогда больше не видеться с Кэрол. Она взглянула на Кэрол, которая ждала ее ответа с тем пренебрежением, которое только наполовину было замаскировано под налет равнодушия, и это выражение, поняла Тереза, вовсе не изменится, если она даст отрицательный ответ. Тереза встала и подошла к коробке, что стояла на краю приставного столика к дивану, чтобы взять сигарету. В коробке ничего не было, только несколько иголок к фонографу и фотография.

— Что это? — спросила Кэрол, наблюдая за ней.

Тереза чувствовала, что Кэрол читает все ее мысли.

— Это фотография Ринди, — ответила Тереза.

— Ринди? Давай посмотрим.

Тереза наблюдала за лицом Кэрол, пока та смотрела на фотографию маленькой девочки с очень светлыми волосами, серьезным лицом и с белой повязкой на коленке. На фото Хардж стоял в лодке, а Ринди шагала с пристани прямо в его руки.

— Это не очень хорошая фотография, — сказала Кэрол, но выражение ее лица смягчилось. — Тут ей примерно три года. Хочешь сигарету? Вон, они там. Следующие три месяца Ринди проведет у Харджа.

Тереза так и предположила из их разговора с Эбби тем утром на кухне.

— Тоже в Нью Джерси?

— Да, семья Харджа живет в Нью Джерси. У них большой дом, — Кэрол помолчала. — Думаю, развод войдет в силу примерно через месяц, и после марта до конца года Ринди будет со мной.

— О. Но ты же увидишь ее до марта, да?

— Несколько раз. Вероятно, не больше.

Тереза смотрела, как пальцы Кэрол держат фотографию, как небрежно ее рука покоится рядом с ней на кресле.

— Она не будет по тебе скучать?

— Да, но она обожает и своего отца.

— Она обожает его сильнее, чем тебя?

— Нет. Не совсем. Но он купил ей козленка, чтобы она с ним играла. Он завозит ее в школу по дороге на работу и забирает ее домой в четыре. Забросил ради нее все свои дела — а чего большего можно просить у мужчины?

— Ты ведь не виделась в ней на Рождество? — спросила Тереза.

— Нет. Потому что кое-что произошло в адвокатской конторе. Это случилось в тот день, когда адвокат Харджа захотел увидеться с нами обоими, а Хардж привел с собой Ринди. Ринди сказала, что хочет остаться на Рождество в доме Харджа. Ринди не знала, что в этом году меня там не будет. У них там большая елка, растет прямо на лужайке, и они всегда ее украшают, так что Ринди на это настроилась. В любом случае, это произвело большое впечатление на адвоката

— представляешь, ребенок просит провести Рождество с папой. И, естественно, я не хотела говорить Ринди, что я не приду, иначе она бы расстроилась. В любом случае, я не могла бы этого сказать в присутствии адвоката. Уловок Харджа и так хватило с лихвой.

Тереза стояла, сминая в пальцах незажженную сигарету. Голос Кэрол был спокойным, как это могло бы быть, если бы она говорила с Эбби, подумала Тереза. Кэрол никогда раньше не рассказывала ей так много.

— Но адвокат, он понял?

Кэрол пожала плечами.

— Это адвокат Харджа, не мой. Поэтому сейчас я согласилась на трехмесячную договоренность, потому что не хочу, чтобы ее таскали туда-сюда. Если я буду с ней девять месяцев, а Хардж три — это может начаться и прямо сейчас.

— Ты даже не будешь ее навещать?

Кэрол так долго не отвечала, что Тереза подумала, что она и не ответит.

— Не очень часто. Эта семья не слишком радушная. Я разговариваю с Ринди по телефону каждый день. Иногда она звонит мне.

— Почему эта семья не радушная?

— Им всегда было на меня наплевать. Они выражают мне свое недовольство с тех пор, как Хардж познакомился со мной на балу дебютанток. Они поднаторели в критике всего и вся. Иногда я задаюсь вопросом, кто же сможет с ними поладить.

— За что они тебя критикуют?

— Например, за то, что у меня был мебельный магазин. Но это и года не продлилось. Потом за то, что я не играю в бридж, или за то, что он мне не нравится. Они выбирают самые смешные, самые незначащие поводы.

— Они отвратительны.

— Они не отвратительны. Просто предполагается, что к ним нужно подстроиться. Я знаю, чего бы им хотелось — они бы хотели чистый лист, который они могли бы заполнить. А уже наполненный человек раздражает их невероятно. А не послушать ли нам музыку? Ты вообще любишь радио?

— Иногда.

Кэрол облокотилась о подоконник.

— А Ринди теперь каждый день смотрит телевизор. Про Хопалонга Кэссиди^[11]. До чего ей хотелось отправиться на Запад! Это последняя кукла, которую я для нее купила, Тереза. Я купила ее только потому, что она сказала, что хочет куклу, но на самом деле она их уже переросла.

За спиной Кэрол сигнальный огонь аэропорта бледно мигнул в ночи и погас. Казалось, что голос Кэрол плывет в темноте. И в его более выразительном и глубоком тоне Тереза услышала, насколько сильно Кэрол любит Ринди — наверное, сильнее всех на свете.

— Хардж не очень охотно дает тебе видеться с ней, так ведь?

— Ты правильно поняла, — ответила Кэрол.

— Не понимаю, как он мог быть в тебя так сильно влюблен.

— Это не любовь. Это необъяснимое влечение. Думаю, он хочет контролировать меня. Полагаю, если бы я была намного более сумасбродной, но при этом не имела бы собственного мнения, а еще лучше — жила бы его умом... улавливаешь мысль?

— Да.

— Я никогда ничего не сделала, чтобы поставить его в неловкое положение в обществе, и это все, что его по-настоящему заботит. Есть в клубе одна женщина — я прямо хотела бы, чтоб он на ней женился. Ее жизнь целиком состоит из того, что она либо дает изысканные небольшие

обеденные приемы, либо ее выносят из лучших баров вперед ногами. Но она принесла рекламному бизнесу мужа огромный успех, поэтому он только смеется над ее маленькими промашками. Хардж бы не смеялся, он всегда найдет, на что пожаловаться. Думаю, он выбрал меня так же, как выбирал бы ковер для своей гостиной, и этим совершил большую ошибку. Сомневаюсь, что он взаправду способен любить хоть кого-нибудь. Что в нем есть, так это своего рода страсть к обладанию, и она идет рука об руку с его амбициями. Неспособность любить превращается в болезнь, правда? — она посмотрела не Терезу. — А может, это времена такие. Если захотеть, из этого может выйти отличный способ сократить рождаемость и уничтожить нацию. Мужчины пытаются не отставать от собственных разрушительных механизмов.

Тереза ничего не ответила. Этот разговор напомнил ей о тысячах разговоров с Ричардом, о том, как тот смешивал вместе войну, большой бизнес, затеянную Конгрессом охоту на ведьм и, наконец, конкретных людей в одного гигантского врага, которого коллективно ненавидели все. Теперь и Кэрол ударилась туда же. Это потрясло Терезу до глубины души, до тех глубин, где слов просто не существовало, особенно таких тревожащих, как «смерть», «гибель» или «убийство». Эти слова почему-то относились к будущему, а здесь — здесь было настоящее. Не находящее выражения в словах беспокойство, жажда знать, знать хоть что-то наверняка, стиснула ее горло так, что какое-то мгновение она едва могла дышать. «Так ты думаешь, ты думаешь..» — вот так это начиналось. «Ты думаешь, мы когда-нибудь обе трагически умрем, кто-то внезапно выключит нас, словно свет?» Но даже такой вопрос не был достаточно конкретным. Возможно, это утверждение в итоге сводилось вот к чему: «Я не хочу умереть, даже не узнав тебя. Ты чувствуешь то же самое, Кэрол?» Она могла бы озвучить последний вопрос, но объяснить все, что к нему привело, не могла.

— Ты — молодое поколение, — сказал Кэрол. — У тебя есть что сказать? — Она присела на глайдер.

— Полагаю, главное, это не бояться, — Тереза повернулась и увидела, что Кэрол улыбается. — Ты улыбаешься, потому что думаешь, я боюсь, так?

— Ты почти такая же хрупкая, как эта спичка, — Кэрол прикурила сигарету и секунду подержала спичку горящей. — Но дай тебе волю — и ты сможешь спалить дом дотла, не так ли?

— Или даже город.

— Но ты боишься поехать со мной в маленькое путешествие. Ты боишься, потому что думаешь, что у тебя недостаточно денег.

— Не в этом дело.

— У тебя странные принципы, Тереза. Я попросила тебя поехать со мной, потому что мне приятно твое общество. Я подумала, что поездка пойдет на пользу и тебе, и твоей работе. Но тебе надо было все испортить своей глупой гордостью насчет денег. Как и с той сумкой, что ты мне подарила. Уму непостижимо! Почему тебе не взять ее назад, если тебе нужны деньги? Мне сумочка вообще-то не нужна. Но я понимаю, что тебе было приятно мне ее подарить. Понимаешь, это то же самое. Только в моем предложении есть смысл, а в твоём решении — нет, — Кэрол прошла мимо и снова повернулась к Терезе — нога была выставлена вперед, голова поднята вверх, короткие светлые волосы лежали спокойной волной, словно волосы античной статуи. — Сама подумай, разве это не смешно?

Тереза улыбалась.

— Мне наплевать на деньги, — сказала она спокойно.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказала, — ответила Тереза. — У меня есть деньги для поездки. Так что я поеду.

Кэрол уставилась на нее. Тереза увидела, как угрюмое выражение сходит с ее лица, а затем Кэрол тоже начала улыбаться, удивленно и немного недоверчиво.

— Что ж, хорошо, — сказала Кэрол. — Я очень рада.

— И я очень рада.

— И что привело к такому счастливому повороту?

«А то она не знает», — подумала Тереза.

— Тебе, кажется, не все равно, поеду я или нет, — просто ответила Тереза.

— Конечно, не все равно. Я же сама тебя пригласила, разве нет? — ответила Кэрол, все еще улыбаясь, а потом балетным движением развернулась на носочках, повернулась к Терезе спиной и пошла к зеленой комнате.

Тереза посмотрела ей вслед. Руки Кэрол были засунуты в карманы, ее мокасины слегка постукивали по полу при каждом шаге. Тереза взглянула на пустой дверной проем. «Вот точно в такой же манере Кэрол вышла бы из комнаты, — подумала она, — если бы я сказала, что не поеду». Она подняла свою наполовину пустую кофейную чашечку, а затем снова опустила ее на место.

Она тоже вышла и пошла по коридору к двери комнаты Кэрол.

— Что ты делаешь?

Кэрол склонилась над туалетным столиком и что-то писала.

— Что я делаю? — она встала и сунула листок в карман. Сейчас она улыбалась, и в ее глазах светилась такая же улыбка, как тогда на кухне с Эбби. — Так, кое-что, — сказала Кэрол. — А давай включим музыку.

— Хорошо, — лицо Терезы расплылось в улыбке.

— Почему бы тебе сначала не подготовиться ко сну? Знаешь, что уже поздно?

— С тобой всегда время летит незаметно.

— Это комплимент?

— Мне сегодня совсем не хочется спать.

Кэрол пошла по коридору в зеленую комнату.

— Захочется. У тебя уже круги под глазами.

Тереза быстро разделась в комнате с двумя кроватями. В другой комнате фонограф играл песню «Ты создана для объятий»^[12]. И тут зазвонил телефон. Тереза открыла верхний ящик бюро. Там ничего не было, за исключением пары мужских носовых платков, старой щетки для одежды и ключа. В уголке лежали какие-то бумаги. Тереза взяла в руки заламинированную карточку. Это были старые права Харджа. Харджесс Фостер Эйрд. Возраст: 37. Рост: 5' 81/2". Вес: 168. Волосы: светлые. Глаза: голубые. Она уже все это знала. Олдсмобиль 1950 года. Цвет: темно-синий. Тереза положила карточку назад и закрыла ящик. Она подошла к двери и прислушалась.

— Мне жаль, Тесси, но в итоге я тут застряла, — Кэрол говорила с сожалением, но ее голос был счастливым. — Это хорошая вечеринка?.. Ну, я не одета и я устала.

Тереза подошла к тумбочке и взяла из коробки сигарету. Филип Моррис. Их туда положила Кэрол, не горничная, поняла Тереза, потому что Кэрол помнила, что она их любит. Тереза стояла обнаженная и слушала музыку. Этой песни она не знала.

Что там Кэрол, снова говорит по телефону?

— Ну, а мне это не нравится, — услышала она слова Кэрол, сердитые и шутливые одновременно, — ни капельки.

...так легко жить... когда ты влюблена...

— Откуда я знаю, что это за люди?.. О-о! Вот как?

«Эбби», — поняла Тереза. Она выдохнула дым и снова вдохнула его сладковато пахнущее облачко, вспоминая свою первую сигарету, Филип Моррис, выкуренную на крыше спального корпуса приюта, и как они вчетвером с девчонками курили ее по очереди, передавая друг другу.

— Да, мы едем, — с нажимом сказала Кэрол. — Ну, я, да. Я что, неясно говорю?

... для тебя... может быть, я глупая, но это так весело ... Говорят, ты можешь поманить меня пальцем, и я все для тебя сделаю... дорогой, это же грандиозно ... они ничего не понимают...

Это была хорошая песня. Тереза закрыла глаза и прислонилась к приоткрытой двери, слушая. Там, за голосом, неспешной россыпью клавиш звучало пианино. Ему лениво и небрежно подыгрывала труба.

Кэрол сказала:

— Это никого не касается, кроме меня, ведь так? ... Ерунда!

Тереза улыбнулась ее горячности. Она закрыла дверь. Фонограф начал проигрывать другую песню.

— Почему бы тебе не поздороваться с Эбби? — предложила Кэрол.

Тереза нырнула за дверь ванной комнаты, потому что была раздета.

— Зачем?

— Иди сюда, — позвала Кэрол, и Тереза накинула халат и подошла.

— Привет, — сказала Эбби. — Слышала, ты поедешь.

— Это для тебя новость?

Эбби начала нести какую-то чушь, словно намеревалась проболтать всю ночь. Она пожелала Терезе приятного путешествия и рассказала ей о состоянии дорог в Кукурузном поясе^[13], о том, какими ужасными они могут быть зимой.

— И ты ведь простишь меня за то, что я была так груба с тобой сегодня? — спросила Эбби уже во второй раз. — Я к тебе нормально отношусь, Тереза.

— Заканчивай, заканчивай! — прокричала Кэрол.

— Она снова хочет с тобой поговорить, — сказала Тереза.

— Скажи Эббигайл, что я в ванной.

Тереза передала ее слова и повесила трубку.

Кэрол принесла в комнату бутылку и два бокала.

— А что такое с Эбби? — спросила Тереза.

— В каком смысле «что такое с ней»? — Кэрол налила коричневого цвета ликер в два бокала. — Думаю, вечером она немного перебрала.

— Это я поняла. Но почему ей захотелось сегодня со мной пообедать?

— Ну... думаю, по многим причинам. Попробуй вот это.

— Все кажется таким непонятным, — сказала Тереза.

— Что?

— Да весь обед.

Кэрол передала ей бокал.

— Некоторые вещи всегда кажутся непонятными, дорогая.

Первый раз Кэрол назвала ее «дорогая».

— Какие? — спросила Тереза. Она хотела услышать ответ, вполне определенный ответ.

Кэрол вздохнула.

— Многие вещи. Самые важные вещи. Попробуй напиток.

Тереза пригубила его — сладкий и темно-коричневый, как кофе, с ноткой алкоголя.

— Вкусно.

— Скажешь тоже.

— Зачем ты это пьешь, если тебе не нравится?

— Потому что он другой. Это за нашу поездку, поэтому пить нужно что-то другое, — Кэрол поморщилась и выпила то, что оставалось в ее бокале.

В свете лампы Тереза могла видеть все веснушки на освещенной половине лица Кэрол. Светлая бровь Кэрол, как крыло, огибала изгиб ее лба. Тереза сразу же почувствовала себя абсолютно счастливой.

— Что это за песня играла раньше, та, где звучали только пианино и голос?

— Напой ее.

Тереза просвистела часть мелодии, и Кэрол улыбнулась.

— «Жизнь легка»^[14], — сказала Кэрол. — Старая песня.

— Мне бы хотелось послушать ее снова.

— Мне бы хотелось, чтобы ты пошла спать. Я поставлю ее снова.

Кэрол пошла в зеленую комнату и оставалась там, пока играла музыка. Тереза стояла у двери своей комнаты и слушала, улыбаясь.

... я никогда не буду сожалеть ... о потраченных годах ... Их легко раздаривать, когда ты влюблена... И всякий раз я счастлива, когда что-то делаю для тебя..

Эта песня была о ней. Обо всем, что она чувствовала к Кэрол. Она пошла в ванную комнату, до того как песня закончилась, пустила воду в ванну и забралась в нее, а зеленоватая вода закружилась вокруг ее ног.

— Эй, — окликнула ее Кэрол. — Ты когда-нибудь была в Вайоминге?

— Нет.

— Пора тебе увидеть Америку.

Тереза подняла мочалку, с которой капала вода, и прижала ее к колену. Воды набралось уже столько, что ее груди казались какими-то невесомыми, мягкими, кольшущимися на поверхности. Она пристально их рассматривала, пытаясь сообразить, на что они еще похожи.

— Не засни там, — крикнула Кэрол обеспокоенным голосом, и Тереза поняла, что та сидит на кровати и разглядывает карту.

— Не засну.

— Ну, некоторые засыпают.

— Расскажи мне еще о Хардже, — попросила она, пока вытиралась. — Чем он занимается?

— Много чем.

— В смысле, где работает?

— Он инвестирует в недвижимость.

— Что он любит? Ему нравится ходить в театр? Ему нравятся люди?

— Он любит небольшой круг людей, которые играют в гольф, — сказала Кэрол категорично. А затем продолжила более громким голосом. — А что еще? Он очень, очень педантичен во всем. Но он забыл свою лучшую бритву. Она в аптечке, и ты можешь глянуть на нее, если захочешь, и, вероятно, ты так и сделаешь. Наверное, мне придется отправить ее ему почтой.

Тереза открыла аптечку и увидела бритву. Аптечка все еще была забита мужскими вещами, лосьонами после бритья и помазками.

— Это его комната? — спросила она, выходя из ванной. — На какой кровати он спал?

Кэрол улыбнулась.

— Не на твоей.

— Можно мне еще этого? — спросила Тереза, глядя на бутылку с ликером.

— Конечно.

— Можно мне поцеловать тебя на ночь?

Кэрол складывала карту, поджав губы так, словно хотела присвистнуть, но передумала.

— Нет, — ответила она.

— Почему нет? — в это вечер все казалось возможным.

— Вместо этого я дам тебе вот что, — Кэрол вытащила руку из кармана.

Это был чек. Тереза пробежалась глазами по цифрам, двести долларов, выписанных на ее имя.

— Это зачем?

— На поездку. Не хочу, чтобы ты тратила деньги, которые тебе нужны для членства в профсоюзе, — Кэрол взяла сигарету. — Тебе не понадобятся они все. Просто я хочу, чтобы они у тебя были.

— Но мне они не нужны, — сказала Тереза. — Спасибо. Меня не волнует, даже если я потрачу все свои профсоюзные деньги.

— Не спорь со мной, — прервала ее Кэрол. — Мне это в удовольствие, разве не помнишь?

— Да не возьму я их! — это прозвучало резковато, так что она слегка улыбнулась, опуская чек на столешницу рядом с бутылкой ликера. Но не сдержалась и буквально впечатала его в стол. И как объяснить это Кэрол? Это вообще было неважно, все эти деньги, но раз уж это было Кэрол в удовольствие, Терезе было неприятно отказываться от чека.

— Мне не нравится сама идея, — сказала Тереза. — Придумай что-то другое.

Она глянула на Кэрол. Та смотрела на нее и явно не собиралась с ней спорить, чему Тереза очень обрадовалась.

— Что доставит мне удовольствие? — спросила Кэрол.

Тереза расплылась в улыбке.

— Да, — сказала она и подняла маленький бокал.

— Ладно, — согласилась Кэрол. — Я подумаю. Спокойной ночи.

Она остановилась у двери.

«Забавный способ пожелать спокойной ночи, — подумала Тереза, — в такую важную ночь».

— Спокойной ночи, — ответила Тереза.

Она повернулась к столу и снова увидела чек. Нет, это Кэрол должна его порвать. Она засунула его под край темно-синей льняной скатерти, с глаз долой.

ЯНВАРЬ. Он состоял из множества вещей. И в то же время сам был чем-то монолитным, похожим на массивную дверь. Его стужа запечатала город в серый кокон. Январь распадался на секунды, и он же вбирал в себя целый год. Январь пролился на нее потоком мгновений и запечатлел их в ее памяти: она видела женщину, нервно вглядывающуюся в список жильцов при свете спички в полутемном подъезде; мужчину на тротуаре, который что-то царапает на листке бумаги, вручает его своему приятелю и они расходятся в разные стороны; а вот еще один мужчина пробегает целый квартал и все-таки успевает заскочить в автобус. Казалось, что каждое человеческое действие несет в себе волшебство. Январь был двуликим, звенящим, как бубенчики на шутовском колпаке, хрустящим, словно корочка льда под ногами, чистым, как всякое начало, мрачным, словно старик, таинственно знакомым, но все же непознанным, как слово, которое ты вот-вот должен вспомнить, но никак не можешь ухватить.

Над декорациями к «Мелкому дождю» вместе с ней работали молодой человек по имени Рэд Мэйлон и плотник с лысой головой. Мистер Донохью был очень доволен тем, что у них получилось. Он сказал, что пригласил прийти мистера Белтина и взглянуть на ее работу. Мистер Белтин закончил русскую академию и подготовил несколько декораций для нью-йоркских театров. Тереза никогда о нем не слышала. Она попыталась напроситься, чтобы мистер Донохью договорился о встрече с Майроном Бланчардом или Айвором Харкви, но мистер Донохью ничего ей не пообещал. «Наверное, это не в его силах», — предположила Тереза.

Мистер Белтин появился однажды утром — высокий, сутулый мужчина в черной шляпе и потрепанном пальто — и внимательно осмотрел ее работы. Она принесла в театр всего три или четыре модели, ее самые лучшие. Мистер Белтин рассказал ей о пьесе, работа над которой должна была начаться через шесть недель. Он был бы рад порекомендовать ее в качестве помощника, и Тереза ответила, что это было бы здорово, потому как ее до тех пор все равно не будет в городе. В эти последние дни все вообще очень здорово складывалось. Мистер Андроник пообещал ей двухнедельную работу в Филадельфии в середине февраля — как раз к тому времени, когда она должна будет вернуться из их с Кэрл путешествие. Тереза записала имя и адрес, которые дал ей мистер Белтин.

— Он подыскивает кого-то уже сейчас, так что позвоните ему первым делом на будущей неделе, — сказал мистер Белтин. — Это, конечно, всего лишь должность помощника, но его помощник, мой ученик, сейчас работает с Харкви.

— О-о, а как вы думаете, вы — или он — не могли бы договориться для меня о встрече с Харкви?

— Легче легкого. Все, что вам нужно сделать, это позвонить в студию Харкви и пригласить к телефону Чарльза, Чарльза Вайнанта. Скажете ему, что вы от меня. Так, что у нас сегодня? — позвоните ему в пятницу. В пятницу днем около трех.

— Хорошо. Благодарю вас.

До пятницы была еще целая неделя. К Харви было можно пробиться, как Тереза слыхала, но он славился тем, что никогда не назначал встреч, а если и назначал, то не приходил на них, потому что был очень занят. Но может, мистеру Белтину лучше знать?

— И не забудьте позвонить Кэттерингу, — уходя, сказал мистер Белтин.

Тереза снова взглянула на имя, которое он ей дал: Адольф Кеттеринг, Theatrical Investments, Inc и домашний адрес.

— Я позвоню ему утром в понедельник. Большое вам спасибо.

Настала суббота, тот день, когда она договорилась встретиться с Ричардом после работы в «Палермо». Это было седьмое января, а через одиннадцать дней они с Кэрол собирались уехать. Она нашла Фила с Ричардом у стойки бара.

— Ну и как там старый, добрый «Кот»? — спросил Фил, подтаскивая к ней стул. — Тоже работаете по субботам?

— Труппа выходная. Работает только моя команда, — ответила она.

— Когда премьеры?

— Двадцать первого.

— Смотри-ка, — сказал Ричард. Он указал на пятнышко темно-зеленой краски на ее юбке.

— Знаю. Я заляпалась несколько дней назад.

— Чего хочешь выпить? — спросил ее Фил.

— Не знаю. Может, пива. Спасибо.

Ричард повернулся спиной к Филу, который теперь оказался за ним, и она почувствовала, что между ними есть какая-то натянутость.

— Ты что-нибудь сегодня уже писал? — спросила она Ричарда.

У Ричарда поползли вниз уголки рта.

— Пришлось подменять заболевшего водителя. И у меня закончился бензин прямо посреди Лонг Айленда.

— Ох, как паршиво. Тогда, может, тебе лучше завтра никуда не ходить, а заняться рисованием?

Они говорили о том, чтобы завтра выбраться в Хобокен, просто чтобы погулять и пообедать в Клэм Хаус. Но завтра Кэрол будет в городе, и она обещала ей позвонить.

— Я буду рисовать, если ты мне будешь позировать, — сказал Ричард.

Тереза неловко промолчала.

— Нынче у меня нет настроения позировать.

— Ладно. Неважно, — он улыбнулся. — Но как я могу тебя нарисовать, если ты никогда мне не позируешь?

— А почему бы тебе не нарисовать меня по памяти?

Ричард протянул руку и перехватил ее стакан.

— Не пей этого. Закажи что-нибудь получше. А это выпью я.

— Ладно. Тогда я попробую виски с водой.

Фил теперь стоял по другую сторону от нее. Он выглядел бодро, но под глазами у него залегли небольшие темные круги. Всю прошлую неделю он пребывал в дурном настроении и писал пьесу. Он прочел несколько сцен из нее на новогодней вечеринке. Фил сказал, что это более глубокая версия «Метаморфозы» Кафки. Тереза сделала приблизительный набросок декораций новогодним утром и показала его Филу, когда заглянула к ним повидаться. И вдруг до нее внезапно дошло — так вот почему Ричард такой мрачный!

— Терри, я хочу, чтобы ты сделала модель по тому наброску, что ты мне показывала. Мы ее сфотографируем. Я хочу, чтобы декорации шли вместе со сценарием, — Фил подтолкнул к ней виски и воду и облокотился на стул рядом с ней.

— Могу, — ответила Тереза. — Ты всерьез намерен ее поставить?

— Почему нет? — темные глаза Фила подзадоривали ее, он улыбался. Он прищелкнул пальцами, подзывая бармена. — Чек?

— Я заплачу, — сказал Ричард.

— Нет, не заплатишь. Это за мой счет, — у Фила в руке появился старый черный бумажник.

«Его пьеса не то что не увидит сцены, — подумала Тереза, — он ее даже вряд ли допишет,

потому что у него семь пятниц на неделе».

— Я пойду потихоньку, — сказал Фил. — Скоро загляну, Терри. Будь здоров, Рич.

Она смотрела, как он отходит и поднимается по небольшой парадной лестнице, еще более потрепанный, чем она его когда-либо видела, в летних плетеных туфлях и потертом пальто, но при этом беспечно щеголяющий своим оборванством.

«Он словно хозяин, расхаживающий по дому в любимом старом халате», — подумала Тереза. И помахала ему сквозь витрину.

— Я слышал, ты приносила Филу сэндвичи и пиво утром первого января, — сказал Ричард.

— Да. Он позвонил и сказал, что у него похмелье.

— Почему ты об этом не рассказывала?

— Забыла, наверное. Не посчитала важным.

— Не посчитала важным. Если ты... — Ричард медленно и безнадежно повел напряженной рукой. — Если ты провела полдня в квартире у парня и принесла ему сэндвичи и пиво? А тебе не приходило в голову, что я могу тоже захотеть сэндвичей?

— Если ты их захочешь, у тебя вокруг куча народу, чтобы тебе их принести. Мы же все съели и выпили у Филадельфии в доме. Помнишь?

Ричард кивнул своей продолговатой головой, все еще улыбаясь подавленной, недовольной улыбкой.

— И ты была с ним наедине. Вас было только двое.

— Ох, Ричард... — она вспомнила, и все это было таким незначительным. Денни в тот день еще не вернулся из Коннектикута. Он провел новогодние праздники в гостях у одного из своих профессоров.

Она надеялась, что Денни вернется домой к вечеру, но Ричарду это наверняка даже в голову не пришло, он и представления не имел, что Денни нравится ей куда больше, чем Фил.

— Если бы так поступила любая другая девушка, я бы заподозрил неладное, и оказался бы прав, — гнул свое Ричард.

— Я думаю, что ты говоришь глупости.

— А я думаю, что ты — наивная.

Ричард смотрел на нее с обидой, его лицо застыло, и Тереза подумала, что наверняка он обижается на нее не только за это. Его обижает тот факт, что она не была и никогда не сможет стать такой, какой он хотел бы ее видеть — девушкой, которая его страстно любила и любит настолько, чтобы отправиться с ним в Европу. Девушкой, в точности похожей на нее, с ее чертами лица, с ее устремленностью, но при этом смотрящую на него с обожанием.

— Знаешь, ты совсем не во вкусе Филадельфии, — сказал он.

— А кто сказал, что я в его вкусе? Фил?

— Это ничтожество, дилетант недоделанный, — пробормотал Ричард. — И у него хватило наглости сегодня тут распинаться и говорить, что тебе на меня наплевать.

— У него нет никакого права так говорить. Я тебя с ним не обсуждала.

— Ох, до чего замечательный ответ! Хочешь сказать, что если бы обсуждала, он бы точно знал, что тебе наплевать, да? — Ричард проговорил это негромко, но его голос дрожал от злости.

— С чего это Фил к тебе прицепился? — спросила она.

— Не в этом дело!

— А в чем? — нетерпеливо спросила она.

— Ой, Терри, давай прекратим.

— Ты сам не понимаешь, в чем, — заключила она, но видя, как Ричард отвернулся от нее и распластал локти по стойке бара, словно почти физически корчился под тяжестью ее слов, Тереза ощутила внезапное к нему сочувствие. Его раздражало не то, что произошло сейчас или

на прошлой неделе, его раздражало все, что случилось в прошлом, и будущая тщетность его собственных чувств к ней.

Ричард ткнул сигарету в пепельницу на стойке бара.

— Чем бы ты хотела заняться? — спросил он.

«Скажи ему о поездке с Кэрл», — напомнила она себе. Уже дважды она пыталась ему об этом рассказать и каждый раз отступала.

— Ты хочешь заняться хоть чем-нибудь? — она подчеркнула последнее слово.

— Конечно, — ответил он подавленно. — Как смотришь на то, что мы поужинаем, а затем позвоним Сэму и Джоан? Может, мы прогуляемся и навестим их вечером?

— Давай.

Она терпеть их не могла. Двое самых скучных людей из всех, кого она знала, продавец из обувного магазина и секретарь, живущие в счастливом браке на Двадцатой Вест-стрит. И она понимала, что Ричард намерен показать ей их идеальную жизнь, напомнить ей, что однажды точно так же будут жить и они. Это было невыносимо, и в любой другой вечер она бы запротестовала, но сочувствие к Ричарду еще теплилось в ней, ведя за собой бесформенное чувство вины и необходимость все сгладить. Внезапно ей припомнился пикник, который они устраивали прошлым летом, в полях у Территауна, и она отчетливо вспомнила, Ричарда растянувшегося на траве и медленно-медленно обстригивающего перочинным ножом винную пробку, пока они болтали о... о чем? Но она помнила этот миг умиротворения, эту убежденность, что они делят друг с другом что-то удивительно настоящее и редко встречающееся в наши дни, и задумалась — а куда же все подевалось теперь, и на чем оно основывалось. Сейчас казалось, что даже его долговязая подтянутая фигура угнетает ее своим весом, когда он стоит рядом с ней. Она подавила чувство обиды, но оно только росло и увеличивалось у нее внутри, словно живое. Она поглядела на приземистые фигуры двух итальянских рабочих, стоявших у бара, и на двоих девушек у края барной стойки, которых заприметила раньше. Они как раз собрались уходить, и Тереза увидела, что обе они носили брюки. У одной волосы были подстрижены под мальчика. Тереза отвела взгляд, понимая что избегает их, не хочет, чтобы кто-то увидел, что она на них смотрит.

— Хочешь, поедим здесь? Ты уже проголодалась? — спросил Ричард.

— Нет. Пойдем куда-нибудь еще.

Так что они вышли из бара и зашагали вверх по улице, в ту сторону, где жили Сэм и Джоан. Тереза повторяла про себя первую фразу до тех пор, пока слова совершенно не потеряли смысл.

— Помнишь миссис Эйрд, женщину, с которой ты однажды встретился в моей квартире?

— Конечно.

— Она пригласила меня поехать с ней в путешествие на запад, на машине, на пару недель или около того. Я бы хотела поехать.

— На запад? В Калифорнию? — удивленно произнес Ричард. — Почему?

— Почему?

— Ну... ты что, ее настолько хорошо знаешь?

— Я виделась с ней несколько раз.

— А. Ты об этом не рассказывала, — Ричард шагал чуть в стороне, размахивал руками и смотрел на нее. — Вы будете только вдвоем?

— Да.

— И когда вы собираетесь отправиться?

— Примерно восемнадцатого числа.

— Этого месяца?... Тогда ты не увидишь свой спектакль.

Она покачала головой.

— Не думаю, что я много потеряю.

— Это уже точно?

— Да.

Секунду он молчал.

— Но что она за человек? Она не пьет, нет? Ничего такого?

— Нет. — Тереза улыбнулась. — Разве похоже, что она пьет?

— Нет. На самом деле, я думаю, что она очень красивая. Это просто чертовски удивительно, вот и все.

— Почему?

— Ты так редко что-то решаешь окончательно. Вполне возможно, ты снова передумаешь.

— Я так не думаю.

— Может, я смогу с ней еще раз повидаться вместе с тобой. Почему бы тебе не устроить это?

— Она сказала, что завтра будет в городе. Я не знаю, сколько у нее будет времени — да и вообще не знаю, позвонит она или нет.

Ричард умолк, и она тоже. Больше в этот вечер они Кэрол не упоминали.

Ричард провел воскресное утро за рисованием и пришел в квартиру Терезы около двух. Кэрол позвонила чуть позже. Тереза сказала ей, что Ричард с ней, и Кэрол ответила: «Приводи его с собой». Кэрол сказала, что она неподалеку от «Плазы», и они могут там и встретиться. В зале с пальмами.

Через полчаса Тереза увидела, как сидящая за столиком в центре зала Кэрол поднимает голову и смотрит прямо на них. И почти так же, как и в первый раз, Тереза снова была потрясена. Как будто ее догнало эхо от сокрушительной силы удара. Кэрол была все в том же черном костюме, с зелено-золотым шарфом, который был на ней, когда они впервые обедали вместе. Но в этот раз Кэрол уделяла больше внимания Ричарду, чем ей.

Все трое болтали ни о чем, и Тереза, видя спокойствие в серых глазах Кэрол, всего лишь раз глянувших на нее, видя совершенно обычное выражение лица Ричарда, почувствовала что-то вроде разочарования. Ричард просто из кожи вон лез, чтобы встретиться с Кэрол, но Тереза думала, что это даже не столько из любопытства, сколько потому, что ему было больше нечем заняться. Она видела, как Ричард смотрит на руки Кэрол, на ее ногти с ярко-красным маникюром, видела, что он заметил кольцо с прозрачным зеленым сапфиром и обручальное кольцо на другой руке. Ричард не мог бы сказать, что это руки бездельницы и лентяйки, несмотря на длину ногтей. Руки Кэрол были сильными, движения — экономными и сдержанными. Ее голос выделялся на фоне монотонного гула окружавших их голосов. Она болтала с Ричардом о какой-то чепухе и один раз чему-то рассмеялась.

Кэрол посмотрела на нее.

— Ты говорила Ричарду, что мы собираемся в путешествие? — спросила она.

— Да. Вчера вечером.

— На запад? — спросил Ричард.

— Я бы хотела проехать в северо-западном направлении. Но это если позволят дороги.

Терезу внезапно охватило нетерпение. Ну почему они устроили из этого какое-то совещание? Теперь они сидят и разговаривают о погодных условиях и штате Вашингтон.

— Вашингтон — мой родной штат, — сказала Кэрол. — Практически.

Потом, через несколько минут, Кэрол спросила, не хочет ли кто-нибудь прогуляться с ней в парке. Ричард расплатился за пиво и кофе, выудив купюру из комка купюр, оттопыривавшего карман его брюк. Сдачу он тоже засунул в карман. «До чего же он все-таки безразличен к

Кэрол», — подумала Тереза. Она чувствовала, что он ее не видит, точно так же, как иногда он не мог увидеть очертания фигур в камне или облаке, хоть она ему и пыталась их показать. Теперь он сидел и смотрел на стол, а потом тонкая, небрежная линия его рта скривилась в полуусмешке, он выпрямился и быстро провел рукой по волосам.

Они неспешно прошли от входа в парк с Пятьдесят пятой стрит до зоопарка, а потом и через зоопарк. Теперь они шли под первым мостиком, перекинутым поверх дорожки, там, где она заворачивала, и начинался настоящий парк. Воздух был холодным и неподвижным, и Тереза ощущала эту неподвижность, это безжизненное спокойствие во всем, даже в их медленно движущихся фигурах.

— Мне отправиться на поиски арахиса? — спросил Ричард.

Кэрол склонилась у края тропинки и протягивала руку белке.

— У меня кое-что есть, — мягко сказала она, и белка, хоть и перепуганная звуком ее голоса, все же двинулась вперед, нервно сжала ее пальцы, схватила что-то зубами и метнулась прочь. Кэрол с улыбкой выпрямилась. — У меня что-то еще оставалось в кармане с утра.

— Вы подкармливаете белок у своего дома? — спросил Ричард.

— Белок и бурундуков, — ответила Кэрол.

«О какой же ерунде они говорят», — подумала Тереза.

Потом они сидели на скамейке, курили, и Тереза, наблюдая как заходящее солнце наконец-то опускает свой оранжевый огонь в чахлые черные ветки дерева, пожелала, чтобы ночь уже наступила, и чтобы она осталась наедине с Кэрол. Они пошли назад. «Если Кэрол сейчас придется уехать домой, — подумала Тереза, — я сделаю что-то ужасное. Например, прыгну с моста на Пятьдесят пятой улице. Или выпью три таблетки бензедрина, которые принес на прошлой неделе Ричард».

— Народ, вы не хотите зайти куда-нибудь, выпить чаю? — спросила Кэрол, когда они снова шли мимо зоопарка. — Может, в тот русский ресторанчик возле Карнеги Холл?

— Кафе Румпельмайера совсем рядом, — сказал Ричард. — Вам нравится у Румпельмайера?

Тереза вздохнула. А Кэрол, казалось, не знала, что ответить. Но все-таки они туда пошли. Тереза вспомнила, что была здесь один раз, с Анджело. Ей там не понравилось. Яркие огни ресторанчика заставляли ее чувствовать себя обнаженной, а еще очень раздражало то, что было непонятно, смотришь ты на настоящего человека или на его отражение в зеркале.

— Нет, ничего не нужно, спасибо, — покачала головой Кэрол при виде официантки, державшей поднос с выпечкой.

Но Ричард что-то выбрал, взял два печенья, хоть Тереза и отказалась.

— Это на тот случай, если я передумаю? — спросила она у него, и Ричард ей подмигнул. Она снова заметила, что у него грязные ногти.

Ричард спросил у Кэрол, какая у нее машина, и они принялись обсуждать достоинства различных марок автомобилей. Тереза заметила, как Кэрол обвела взглядом столики перед ними. «Ей тоже здесь не нравится», — подумала она. А потом Тереза увидела в зеркале отражение мужчины, который сидел позади и чуть наискосок от Кэрол. Он сидел спиной к Терезе, склонившись вперед, и оживленно разговаривал с женщиной, подчеркивая свои слова резкими движениями левой руки. Она посмотрела на худенькую женщину средних лет, с которой он разговаривал, и снова на него, пытаясь понять, действительно ли она его где-то видела или это кажется из-за отражения в зеркале, и тут слабое воспоминание пузырьком всплыло в ее сознании и пробилось на поверхность. Это был Хардж.

Тереза глянула на Кэрол, но если та его и заметила, то не могла знать, что он отражается в зеркале у нее за спиной. Чуть позже Тереза повернула голову и увидела Харджа в профиль, в

точности таким же, каким он ей запомнился после встречи в доме — тяжелая нижняя часть лица, светлый завиток, закручивающийся книзу над линией роста волос. Кэрол должна была увидеть его, он сидел всего за третьим столиком слева.

Кэрол перевела взгляд с Ричарда на Терезу. «Да», — проговорила она, немного улыбнулась, снова повернулась к Ричарду и продолжила разговор. «Она ведет себя так же, как и раньше, — подумала Тереза. — Вообще никакой разницы». Тереза посмотрела на собеседницу Харджа. Ее нельзя было назвать ни молодой, ни особо привлекательной. Наверное, это была одна из его родственниц.

Потом Тереза увидела, как Кэрол затушила недокуренную сигарету. Ричард умолк. Им пора было идти. Тереза смотрела на Харджа в тот момент, когда он заметил Кэрол. После первого быстрого взгляда его глаза прикрылись почти полностью, словно ему нужно было зажмуриться, чтобы поверить, что это она. А потом он что-то сказал женщине, сидевшей рядом с ним, встал и подошел к ним.

— Кэрол, — произнес Хардж.

— Привет, Хардж, — она повернулась к Терезе и Ричарду. — Вы извините меня на минутку?

Стоя с Ричардом у выхода, Тереза пыталась рассмотреть происходящее, увидеть, что скрывается за гордостью и агрессией в тревожно склонившейся вперед фигуре Харджа, который все-таки чуть не дотягивал ростом до верха шляпки Кэрол; увидеть, что скрывалось за тем, как Кэрол уступчиво кивает в ответ на его слова; понять не то, о чем они говорят сейчас, а то, что они сказали друг другу пять лет назад, три года назад, и в тот день на фотографии с лодкой. Кэрол когда-то любила его, и об этом было больно вспоминать.

— Может, мы уже пойдем, Терри? — спросил Ричард.

Тереза увидела, как Кэрол кивком распрощалась с женщиной за столиком Харджа, а потом повернулась к Харджу спиной. Он проводил ее взглядом, увидел их с Ричардом, но явно не узнал Терезу и вернулся за свой столик.

— Прошу прощения, — сказала Кэрол, когда присоединилась к ним.

На улице Тереза отвела Ричарда в сторонку и сказала: «Я с тобой попрощаюсь, Ричард. Кэрол хочет, чтобы мы с ней сегодня навестили ее знакомую».

— Ой. — Ричард нахмурился. — Но у меня же билеты на концерт на сегодня, помнишь?

И Тереза вдруг вспомнила.

— От Алекса... Я и забыла. Прости.

— Ну, это же неважно, — мрачно ответил он.

Важным это точно не было. Приятель Ричарда, Алекс, аккомпанировал кому-то в скрипичном концерте и дал Ричарду билеты, как она припомнила, несколько недель назад.

— Тебе с ней интересней, чем со мной, да? — спросил он.

Тереза увидела, что Кэрол ищет такси. Кэрол сейчас уедет одна!

— Ты мог бы сказать о концерте сегодня утром, Ричард, по крайней мере, напомнил бы мне.

— Это был ее муж? — глаза Ричарда прищурились под хмурым лбом. — Что происходит, Терри?

— А что такое? — ответила она. — Я не знакома с ее мужем.

Ричард немного подождал, а потом напряжение исчезло из его глаз. Он улыбнулся, словно признавая, что погорячился.

— Прости. Я просто принял, как должное, что проведу с тобой вечер, — он подошел к Кэрол. — Доброй ночи.

Он выглядел так, словно сейчас уйдет один, и Кэрол спросила:

— Вам нужно в город? Я могла бы вас подвезти.

— Я пройду, спасибо.

— Я думала, у вас двоих свидание, — сказала Кэрол Терезе.

Тереза увидела, что Ричард замешкался, и подошла вплотную к Кэрол, чтобы ее не было слышно.

— Свидание, но не важное. Я бы лучше осталась с тобой.

Подъехавшее такси остановилось рядом с Кэрол. Она взялась за ручку дверцы.

— Ну, наше с тобой свидание ничуть не важнее, поэтому почему бы тебе сегодня не остаться с Ричардом?

Тереза глянула на Ричарда и поняла, что он это услышал.

— Пока-пока, Тереза, — произнесла Кэрол.

— Спокойной ночи, — крикнул Ричард.

— Спокойной ночи, — отозвалась Тереза и смотрела, как Кэрол захлопнула за собой дверцу такси.

— Ну что? — сказал Ричард.

Тереза повернулась к нему. Она не пойдет на концерт, но она и не сделает ничего ужасного, она понимала это. Ничего такого ужасного — разве что побыстрее пойдет домой и возьмется за работу над декорациями, которые она хотела закончить для Харви ко вторнику. За те несколько секунд, которые понадобились Ричарду, чтобы подойти к ней, она с наполовину мрачной, а наполовину вызывающей обреченностью увидела, чем обернется предстоящий вечер.

— Я все равно не хочу идти на концерт, — сказала она.

К ее удивлению Ричард отступил на шаг и сердито сказал:

— Ну и ладно, не ходи! — и повернулся к ней спиной.

Он зашагал по направлению к Пятьдесят девятой стрит — широко, размашисто, чуть выставив правое плечо вперед, вразнобой помахивая руками, и по его походке она поняла, что он злится. Он исчез из вида мгновенно. Ей тут же вспомнилось, как в прошлый понедельник она получила отказ от Кеттеринга. Она стояла и смотрела в темноту, в которой скрылся Ричард. Она не чувствовала себя сегодня виноватой. Чувство было другим. Она завидовала ему. Завидовала его вере в то, что у него всегда будет какое-то место, дом, работа, и что кто-то всегда о нем позаботится. Она завидовала его отношению к жизни. И почти злилась на него за то, что он относится к жизни именно так.

РИЧАРД сам начал этот разговор.

— Почему она тебе так нравится?

Это было в тот вечер, когда Тереза отменила свидание с ним в призрачной надежде, что Кэрол может к ней заглянуть. Кэрол так и не появилась, зато вместо нее заявился Ричард. Теперь, в пять минут двенадцатого, в большущем кафетерии с розовыми стенами на Лексингтон-авеню, она сама хотела завести этот разговор, но Ричард ее опередил.

— Мне нравится быть с ней, разговаривать с ней. Мне вообще нравятся все, с кем я могу поговорить.

Строчки из письма, которое она написала для Кэрол, но так никогда и не отправила, всплыли в ее голове, словно ответ Ричарду. *«Я чувствую, что стою посреди пустыни с раскинутыми в стороны руками, и ты проливаешься на меня дождем».*

— Да ты в нее по уши втюрилась, — обиженно провозгласил Ричард так, словно что-то разъяснял.

Тереза глубоко вздохнула. Ну и что, ей просто ответить «да» или попытаться объяснить? И что он поймет из ее объяснения, даже если она потратит на него миллион слов?

— А она знает? Да конечно же знает, — Ричард помрачнел и вытащил сигарету. — Ты не думаешь, что это чертовски глупо? Влюбилась, как школьница.

— Ты не понимаешь, — ответила она. Она чувствовала себя так уверенно.

«Я проведу по твоим волосам и стану мелодией, заплутавшей в верхушках лесных деревьев...»

— А что тут понимать? Это она пусть понимает! Она не должна тебе потакать. Не должна играть с тобой в такие игры. Это нечестно по отношению к тебе.

— Нечестно? Ко мне?

— А что она творит? Забавляется с тобой! А потом в один прекрасный день ты ей надоешь, и она вышвырнет тебя прочь.

«Вышвырнет меня прочь...» — подумала она. Что такое прочь или не прочь? Как можно вышвырнуть чувство? Она рассердилась, но не хотела спорить. И поэтому промолчала.

— Да ты будто во сне!

— У меня сна ни в одном глазу. Никогда не чувствовала себя такой живой.

Она подобрала столовый нож и провела большим пальцем туда-сюда по выступу у основания лезвия.

— Почему бы тебе не оставить меня в покое?

Он нахмурился.

— Оставить тебя в покое?

— Да.

— Ты хочешь сказать, и насчет Европы тоже?

— Да, — ответила она.

— Послушай, Терри, — Ричард поерзал на стуле и наклонился вперед, замешкался, потом вытащил еще одну сигарету, зажег ее, поморщился и бросил спичку на пол. — Ты словно не в себе! Это еще хуже...

— Только потому, что я не хочу с тобой спорить?

— Это еще хуже, чем любовная горячка, потому что это абсолютно неразумно. Разве ты сама не понимаешь?

Нет, она ни словечка не поняла.

— Но у тебя это через неделю пройдет. Я надеюсь. Бог ты мой! — он снова завозился на стуле. — Кому сказать — не поверят, что ты, на минуточку, чуть не распрощалась со мной из-за какой-то глупой влюбленности!

— Я не говорила этого. Так сказал ты, — она снова посмотрела на него, на его застывшее лицо, которое принялось краснеть с середины впалых щек. — А почему я должна хотеть быть с тобой, если все, что ты делаешь, так это споришь об этом?

Он откинулся назад.

— В среду, в следующую субботу ты уже не будешь так чувствовать. Ты не знаешь ее и трех недель.

Она посмотрела в сторону, на стойки с подогревом, мимо которых медленно двигались люди, выбирая то или другое блюдо, потихоньку смещаясь к закругленному краю стойки, где очередь рассеивалась.

— На этом мы можем распрощаться, — сказала она. — Потому что ни ты, ни я никогда не изменимся.

— Тереза, ты похожа на человека, который уже настолько обезумел, что считает себя здоровым, как никогда!

— О, да прекрати же!

Веснушчатая рука Ричарда с побелевшими костяшками была неподвижно сжата на столе, словно нарисованная. Как будто он только что с треском прихлопнул какое-то беспомощное, слабенькое возражение.

— Я тебе одно скажу — я думаю, что твоя подруга отлично знает, что она делает. Я считаю, что она совершает преступление против тебя. Я даже подумал, а не сообщить ли о ее поведении куда-нибудь, но проблема в том, что ты уже не ребенок. Хотя ведешь себя, как дитя.

— Зачем ты поднимаешь такой шум? — спросила она. — Ты практически впал в бешенство.

— Зато для тебя это так важно, что ты готова со мной расстаться! Да что ты о ней вообще знаешь?

— А что ты о ней знаешь?

— А она к тебе никогда не приставала?

— Господи! — воскликнула Тереза. Она чувствовала себя так, словно говорила это уже десяток раз. Это подытоживало все, всю ее несвободу — тогда, здесь и сейчас. — Ты не понимаешь.

Но он понимал, и именно поэтому злился. А вот понимал ли он, что она испытывала бы те же чувства, если бы Кэрол к ней даже пальцем не притронулась? Да, даже если бы Кэрол больше не сказала ей ни слова, кроме того короткого разговора об игрушечном чемоданчике в магазине. Если бы Кэрол на самом деле вообще с ней не заговорила, все повторилось бы точно так же, в тот самый момент, когда она увидела, что Кэрол стоит посреди отдела и смотрит на нее. А потом осознание того, что после той встречи произошло так много всяких событий, вдруг заставило ее почувствовать себя невероятно счастливой. Для мужчины и женщины было так легко отыскать друг друга, отыскать кого-то, кто им бы подошел, но для нее отыскать Кэрол...

— Я думаю, что понимаю тебя лучше, чем ты меня. Ты на самом деле тоже не хочешь видиться со мной, потому что ты сам сказал — я стала другим человеком. Если мы продолжим встречаться, ты только сильнее и сильнее будешь это ощущать.

— Терри, забудь на минуту, что я когда-то говорил, что хочу, чтобы ты любила меня или что я тебя люблю. Я говорю о тебе, как о личности. Ты мне нравишься. Я бы хотел...

— Понять иногда не могу, почему ты думаешь, что я тебе нравлюсь или нравилась. Потому что ты меня даже не понимаешь.

— Да ты сама себя не понимаешь.

— Но я понимаю... и тебя я понимаю. В один прекрасный день ты бросишь рисовать, а вместе с этим бросишь и меня. Так же как ты бросал все, за что когда-либо брался, насколько я могу судить. Химчистку или торговлю подержанными автомобилями.

— Это неправда, — угрюмо запротестовал Ричард.

— А почему, как ты думаешь, я тебе нравлюсь? Потому что я тоже немного рисую, и мы можем поговорить об этом? Я так же не гожусь тебе в девушки, как живопись не годится для тебя в качестве занятия, — она помолчала минуту, а затем договорила остальное. — Как бы то ни было, ты уже достаточно знаешь об искусстве, чтобы понимать, что ты никогда не станешь хорошим художником. Ты как маленький мальчик, который отлынивает от дел, пока у него есть такая возможность, но при этом ты все время знаешь, чем тебе следует заниматься и чем в итоге ты и займешься, работая на своего отца.

Голубые глаза Ричарда внезапно стали очень холодными. Линия губ сначала сделалась прямой и очень короткой, а потом верхняя губа слабо изогнулась.

— Но дело ведь совсем не в этом, правда?

— Ну... да. Это касается того, что ты цепляешься за отношения, даже если знаешь, что все безнадежно, и что в итоге ты сдашься.

— Я не сдамся.

— Ричард, нет никакого смысла..!

— Ты передумаешь, вот увидишь.

И она поняла. Это была его старая песня, и он продолжал ее исполнять.

Через неделю Ричард стоял в ее комнате с тем же самым выражением угрюмой злости на лице и говорил тем же самым тоном. Он неожиданно позвонил ей в три часа дня и настоял на том, что зайдет повидаться на минутку. Она как раз паковала чемодан, чтобы уехать к Кэрол на уикенд. Если бы она собиралась не к Кэрол, Ричард был бы совсем в другом настроении, подумалось ей, потому что за последнюю неделю она видела его три раза, и он был любезен и внимателен к ней, как никогда.

— Ты не можешь вот так просто взять и приказать мне уйти из твоей жизни, — заявил он, размахивая своими длинными руками, но звучала в его тоне нотка потерянности, как будто он уже начал от нее отдаляться. — Что меня действительно задевает, так это то, что ты ведешь себя так, будто я ничего не стою, будто я совсем бездарный. Это нечестно по отношению ко мне, Терри. Я не могу с этим справиться!

«Нет, — подумала она, — конечно, он не может».

— Я совсем не хочу с тобой ссориться, — сказала она. — Ты сам решил поссориться — из-за Кэрол. Она у тебя ничего не отняла, потому что у тебя этого никогда и не было. Но если ты не можешь продолжать встречаться со мной... — она осеклась, понимая, что он может и наверняка продолжит встречаться с ней.

— Прекрасная логика! — сказал он и потер глаз нижней частью ладони.

Тереза смотрела на него, захваченная мыслью, которая только что пришла ей в голову, и которую она внезапно осознала, как факт. Почему это не дошло до нее еще тогда, вечером, в театре? За прошедшую неделю она могла бы распознать это в сотне жестов, слов и взглядов. Но ей особенно запомнился вечер в театре — Ричард тогда удивил ее, раздобыв билеты на спектакль, который она особенно хотела посмотреть, и тем, как он держал ее за руку в тот вечер, как звучал его голос по телефону, когда он не просто сообщил, что они встречаются там-то, а любезно спросил, может ли она пойти. Ей это не понравилось. Это был не способ показать свою привязанность, а скорее, попытка угодить, каким-то образом проложить дорожку для неожиданных вопросов, которые он в тот вечер задавал таким обыденным тоном: «Что ты

имеешь в виду — она тебе очень нравится? Ты хочешь с ней переспать?» Тереза ответила: «Даже если бы и хотела, думаешь, я бы тебе сказала?» — а внутри у нее быстро сменяли друг друга чувства униженности, обиды, отвращения к нему — лишив ее дара речи, так что для нее стало почти невозможно продолжать идти рядом с ним. А взглянув на него, она увидела, что он смотрит на нее с мягкой, глуповатой улыбкой, которая теперь, в ее памяти, вставала как жестокая и болезненная. И она могла бы не заметить эту болезненность, подумалось ей, если бы Ричард не пытался столь искренне убедить ее в том, что нездорова она сама.

Тереза повернулась и засунула в сумку зубную щетку и расческу, а потом вспомнила, что в доме Кэрол у нее есть своя зубная щетка.

— Так чего ты от нее хочешь, Тереза? Куда это все движется?

— Да тебе-то какой интерес?

Он уставился на нее, и на мгновение за его злостью она различила застывшее любопытство, которое замечала и раньше, как будто он наблюдал за представлением сквозь замочную скважину. Но она хорошо понимала, что он не был настолько безучастным. Наоборот, она чувствовала, что никогда он не был так сильно привязан к ней, как сейчас, никогда так не настроен не отказываться от нее. И это ее пугало. Она могла представить себе, как эта целеустремленность превращается в ненависть и насилие.

Ричард вздохнул и смял газету в руках.

— Ты мне небезразлична. Ты не можешь просто сказать мне: «Найди себе другую». Я никогда не обращался с тобой так, как с другими, никогда так о тебе не думал.

Она не ответила.

— Черт! — Ричард швырнул газету на книжную полку и повернулся к ней спиной.

Газета зацепила фигурку мадонны, и та отшатнулась назад, к стене, словно от удивления, а потом упала и покатилась к краю. Ричард рванулся вперед и поймал ее обеими руками. Он посмотрел на Терезу и от души улыбнулся.

— Спасибо, — Тереза забрала у него фигурку. Она подняла ее, чтобы поставить на место, но вдруг резко опустила руки и швырнула фигурку об пол.

— Терри!

Мадонна разлетелась на три или четыре части.

— Не обращай внимания, — сказала Тереза. Ее сердце колотилось, словно от злости, словно после драки.

— Но...

— К чертовой матери все! — рявкнула она и ногой оттолкнула куски в сторону.

Через мгновение Ричард выскочил из квартиры, с шумом захлопнув дверь.

«И что это было? — размышляла Тереза, — дело в Андронике или в Ричарде?» Примерно час назад ей позвонила секретарь мистера Андроника и сказала, что вместо нее мистер Андроник решил нанять себе ассистента из Филадельфии. Поэтому теперь у нее не было работы, к которой бы она вернулась после поездки с Кэрол. Тереза посмотрела вниз, на разбитую мадонну. Внутри дерево было довольно красивым, и оно чисто раскололось прямо по волокну.

В тот вечер Кэрол подробно расспросила ее о разговоре с Ричардом. Терезу задело, что Кэрол так беспокоилась о том, обиделся Ричард или нет.

— Ты не привыкла думать о чувствах других, — без обвиняков высказала ей Кэрол. Они были на кухне и готовили поздний ужин, потому что Кэрол отпустила горничную на этот вечер.

— Ну и в чем настоящая причина, по которой ты думаешь, что он тебя не любит? — спросила Кэрол.

— Может быть, я не понимаю, как он это выражает. Но мне это не кажется любовью.

А затем посреди ужина, посреди беседы о поездке, Кэрол внезапно заметила:

— Тебе и вовсе не следовало говорить с Ричардом.

Это был первый раз, когда Тереза рассказала Кэрол хоть что-то вообще, что-то о первом разговоре с Ричардом в кафетерии.

— Почему нет? Мне что, нужно было ему соврать?

Кэрол уже закончила есть. А теперь она отодвинула стул и встала.

— Ты слишком молода, чтобы твердо понимать, чего ты сама хочешь. Или о чем говоришь. Да, в этом случае нужно врать.

Тереза положила вилку на стол. И стала смотреть, как Кэрол достает сигарету и прикуривает ее.

— Я должна была с ним распрощаться. Должна. И больше я с ним не увижусь.

Кэрол отодвинула нижнюю панель стеллажа и достала оттуда бутылку. Она налила немного в бокал и задвинула со стуком панель обратно.

— Почему ты сделала это сейчас? Почему не два или три месяца назад? И зачем было упоминать меня?

— Я понимаю ... Думаю, это не дает ему покоя.

— Вероятно, так и есть.

— Но если я просто не буду с ним видеться снова... — она не могла закончить фразу о том, что он не склонен преследовать ее или шпионить за ней. Она не хотела говорить такое Кэрол. И, кроме того, она помнила выражение глаз Ричарда.

— Я думаю, что он смирится. Он сказал, что не может с этим справиться.

Кэрол хлопнула себя ладонью по лбу.

— Не может справиться, — повторила она. Она вернулась к столу и добавила в виски воды из своего стакана. — И то правда. Доедай свой ужин. Может, я напрасно беспокоюсь, я не знаю.

Но Тереза не пошевелилась. Она поступила неправильно. При самом лучшем раскладе, даже поступая правильно, она не могла сделать Кэрол счастливой настолько, насколько Кэрол делала счастливой ее — в тысячный раз подумала она. Кэрол была счастлива урывками, в те или иные мгновения, мгновения, которые Тереза отмечала и берегла. Одно из них произошло в тот вечер, когда они убрали рождественские украшения, и Кэрол свернула гирлянду ангелов и положила ее между страницами книги. «Я хочу сохранить их, — сказала она. — Под защитой двадцати двух ангелов я не смогу проиграть». Сейчас Тереза смотрела на Кэрол, и хотя Кэрол тоже смотрела на нее, но смотрела сквозь завесу озабоченности, которую Тереза видела в ее глазах так часто, и которая разделяла их, как пропасть.

— Слова, — сказала Кэрол. — «Я не могу справиться». Люди говорят классическими штампами. Эти слова — штампы. Сотни разных людей произносят одни и те же фразы. Есть слова для роли матери, для роли дочери, мужа и любовника. «Лучше бы я увидел тебя мертвой у своих ног». Это одна и та же пьеса, только повторяется разными исполнителями. А что, как говорится, делает пьесу классикой, Тереза?

— Классика... — тут ее голос зазвучал напряженно и сдавленно, — классика — это то, что связано с основными человеческими проблемами.

* * *

Когда Тереза проснулась, в ее комнату заглядывало солнце. Она полежала еще минутку, глядя как дрожащие солнечные блики играют на бледно-зеленом потолке, прислушиваясь к звукам в доме. Она посмотрела на свою блузку, свисавшую с края бюро. И почему она

устраивает беспорядок в доме Кэрол? Кэрол это не нравилось. Пес, живший где-то за гаражами, время от времени принимался вяло погавкивать.

Вчера вечером было одно приятное событие — телефонный звонок от Ринди. Ринди вернулась домой с чьего-то дня рождения в девять тридцать. А можно она устроит вечеринку, когда у нее в апреле будет день рождения? Кэрол ответила, что конечно, можно. После звонка Кэрол вела себя по-другому. Она рассказывала о Европе и летнем отдыхе в Рапалло.

Тереза встала и подошла к окну, приподняла раму повыше и облокотилась о подоконник, пожившись от холода. Никакое другое утро не могло сравниться с утром у этого окна. На круглом травяном газоне за подъездной дорожкой золотыми иголками рассыпались солнечные лучи. Искорки солнца играли на листве живой изгороди, а небо было свежим и густо-синим. Она посмотрела на то место на дорожке, где однажды утром Эбби стояла в машине, и на часть белого забора за изгородью, который отграничивал конец газона. Земля казалась юной и дышащей, хотя зима и окрасила траву в коричневый цвет. В монастырской школе в Монклер были деревья и живые изгороди, но зелень всегда упиралась в часть красной кирпичной стены или одного из школьных зданий из серого камня — лазарета, дровяного сарая, кладовой для инвентаря — и даже весной листва выглядела уже старой, бывшей в употреблении, как будто она была частью школьных принадлежностей и ее, вместе с учебниками и школьной формой, передавали из рук в руки от старших классов младшим.

Она надела клетчатые брюки, которые прихватила из дома и блузку, которую оставила здесь в один из прошлых приездов. За это время блузка побывала в стирке. Было двадцать минут девятого. Кэрол любила вставать около восьми тридцати, любила, чтобы кто-то будил ее с чашечкой кофе, хотя Тереза заметила, что она никогда не просила об этом Флоренс.

Флоренс была в кухне, когда Тереза спустилась вниз, но она только начала готовить кофе.

— Доброе утро, — сказала Тереза. — Вы не возражаете, если я приготовлю завтрак?

Флоренс не возражала и в те два раза, когда она заставляла Терезу за приготовлением завтрака.

— Милости прошу, мисс, — ответила Флоренс. — Я только себе яишенку поджарю. Вы любите делать что-то для миссис Эйрд, правда? — закончила она утвердительно.

Тереза как раз доставала из холодильника два яйца.

— Да, — с улыбкой ответила она. И опустила одно из яиц в воду, которая только начинала согреваться. Ее ответ прозвучал очень сухо и коротко, но как еще можно было ответить?

Она положила приборы на поднос и, когда обернулась, то увидела, что Флоренс опускает в воду еще одно яйцо. Тереза пальцами вынула его оттуда.

— Она будет только одно яйцо, — сказала Тереза. — Это для моего омлета.

— Да? Она всегда привыкла есть два.

— Ну... теперь уже нет, — ответила Тереза.

— Может, хоть время засечете, мисс? — Флоренс улыбнулась ей приятной профессиональной улыбкой. — Там, на плите, сверху, таймер для яиц.

Тереза покачала головой.

— Лучше выходит, когда я варю на глазок, — она еще никогда не ошибалась с приготовлением яйца для Кэрол. Та любила, когда оно варилось чуть дольше, чем это получалось с таймером. Тереза посмотрела на Флоренс, которая сосредоточенно жарила два яйца на сковороде. Кофе уже почти весь профильтровался. Тереза приготовила чашку, чтобы отнести ее наверх, Кэрол.

Позже утром Тереза помогла Кэрол перенести белые металлические стулья и глайдер с газона в заднюю часть дома. Кэрол сказала, что если бы Флоренс была на месте, им было бы легче, но Кэрол отправила ее на рынок за покупками, а на саму нее нашла внезапная блажь

занести мебель в дом. Как она сказала, это была идея Харджа — оставить стулья снаружи на зиму, но она подумала, что они стали выцветать. Наконец, рядом с круглым фонтаном остался стоять только один стул, строгих очертаний маленький стул из белого металла с выпуклым сиденьем и четырьмя кружевными ножками. Тереза посмотрела на него и задалась вопросом, кто на нем там сидел.

— Хотела бы я, чтобы больше пьес ставилось на открытом пространстве, — заметила Тереза.

— О чем ты первым делом думаешь, когда принимаешься за подготовку декораций? — спросила Кэрол. — С чего ты начинаешь?

— С настроения пьесы, полагаю. Что ты имеешь в виду?

— Ты думаешь о том, какого рода это пьеса, или о чем-то, что хочешь увидеть?

Одно из замечаний мистера Донохью промелькнуло в памяти Терезы, вызвав смутное недовольство. Сегодня утром Кэрол была в настроении поспорить.

— Я думаю, ты определенно решила считать меня любителем, — сказала Тереза.

— Думаю, ты достаточно субъективна. Это ведь и есть любительство?

— Не всегда, — но она понимала, что имела в виду Кэрол.

— Нужно очень много знать, чтобы быть абсолютно субъективным, разве нет? Те работы, которые ты мне показывала — я думаю, что ты в них слишком перегибаешь со своей точкой зрения, хотя многого не знаешь.

Тереза сжала руки в карманах в кулаки. Она так надеялась, что Кэрол безоговорочно понравится ее работа. И ее ужасно задело то, что Кэрол ни капельки не понравились те несколько макетов, которые она ей показала. Кэрол ничего не знала о технической стороне, но все равно могла уничтожить макет одной фразой.

— Я думаю, поездка на Запад пойдет тебе на пользу. Когда ты говорила, тебе нужно вернуться? В середине февраля?

— Ну, теперь уже нет... я узнала об этом вчера.

— О чем ты? Сорвалось? Работа в Филадельфии?

— Они мне позвонили. Они хотят кого-то из Филадельфии.

— О, детка. Мне так жаль.

— О, это просто бизнес, — отозвалась Тереза. Рука Кэрол лежала на ее затылке, и большой палец Кэрол поглаживал за ее ухом, так Кэрол могла ласкать своего пса.

— Ты не собиралась мне рассказывать об этом.

— Собиралась.

— Когда?

— Где-нибудь в поездке.

— Ты расстроена?

— Нет, — решительно сказала Тереза.

Они подогрели последнюю чашку кофе, вынесли ее на лужайку к белому стулу и выпили на двоих.

— Хочешь, пообедаем где-нибудь? — спросила Кэрол. — Давай поедem в клуб. А потом мне нужно будет кое-что прикупить в Ньюарке. Как насчет жакета? Ты бы хотела твидовый жакет?

Тереза сидела на краю фонтана и одной рукой прикрывала ухо, потому что его саднило от холода.

— Да он мне не особенно нужен.

— А мне особенно хочется увидеть тебя в таком.

Тереза была наверху и переодевалась, когда услышала, что звонит телефон. Услышав, как

Флоренс произносит: «О, доброе утро, мистер Эйрд, я сейчас же ее позову», Тереза пересекла комнату и закрыла дверь. Встревоженная, она начала наводить в комнате порядок, повесила одежду в шкаф и поправила только что застеленную кровать. А потом Кэрол постучала в дверь и просунула голову в комнату.

— Хардж заедет через несколько минут. Я не думаю, что он надолго задержится.

Тереза не хотела его видеть.

— Хочешь, чтобы я пошла погулять?

Кэрол улыбнулась.

— Нет. Оставайся здесь и почитай книжку, если хочешь.

Тереза взяла книгу, которую купила вчера, «Оксфордскую книгу английского стиха» [\[15\]](#), и попыталась читать, но слова воспринимались как отдельные и лишённые смысла. Ее беспокоило ощущение, что она прячется, так что она подошла к двери и открыла ее.

Кэрол как раз выходила из своей комнаты, и на мгновение Тереза увидела то же выражение нерешительности на ее лице, которое запомнила в самый первый момент, когда входила в этот дом. А потом Кэрол сказала: «Спускайся».

Машина Харджа подъехала, когда они вошли в гостиную. Кэрол подошла к двери и Тереза услышала как они здороваются — Кэрол всего лишь сердечно, а Хардж очень радостно, и Кэрол вернулась с упакованным в длинную коробку букетом цветов в руках.

— Хардж, это мисс Беливет. Я думаю, ты ее уже видел однажды, — сказала Кэрол.

Глаза Харджа немного прищурились, а потом распахнулись.

— О, да. Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Вошла Флоренс, и Кэрол отдала ей коробку с цветами.

— Поставьте их куда-нибудь, пожалуйста, — сказала Кэрол.

— Ах, вот где эта трубка. Я так и думал, — Хардж потянулся за ветку плюща на каминной полке и извлек оттуда трубку.

— Дома все в порядке? — спросила Кэрол и присела на краешек дивана.

— Да. В полном.

Хардж улыбался натянуто, сжатыми губами, но его лицо и быстрые повороты головы излучали радушие и самодовольство. Он с удовольствием, по-собственнически посмотрел, как Флоренс принесла цветы, красные розы в вазе и поставила их на журнальный столик у края дивана.

Терезе вдруг захотелось, чтобы это она принесла Кэрол цветы, принесла их в любой из полудюжины прошлых удобных случаев, и она вспомнила, как однажды Денни принес ей цветы, когда просто заскочил повидаться по дороге в театр. Она посмотрела на Харджа, а он отвел взгляд в сторону и еще выше вздернул и без того поднятую бровь. Его глаза метались повсюду, словно в поисках малейших изменений в комнате. «А может, это все притворство? — подумала Тереза. — Все это его видимое добродушие. И если он дал себе труд притвориться, то ему, наверное, в каком-то смысле, небезразлична и Кэрол».

— Можно, я возьму один для Ринди? — спросил Хардж.

— Конечно. — Кэрол встала и собралась, было, отломать цветок, но Хардж шагнул вперед, прижал к стеблю лезвие маленького ножичка, и легко отделил цветок.

— Они очень красивые. Спасибо тебе, Хардж.

Хардж поднес цветок к носу. Обращаясь наполовину к Кэрол, а наполовину к Терезе, он произнес:

— Денек сегодня прекрасный. Вы не собирались проехаться?

— Да, собирались, — ответила Кэрол. — Кстати, я хотела бы заехать к вам в один из дней

на следующей неделе. Может быть, во вторник.

Хардж на минутку задумался.

— Хорошо. Я ей скажу.

— Я сама ей скажу. По телефону. А ты предупреди свою семью.

Хардж коротко кивнул, неохотно соглашаясь, а потом посмотрел на Терезу.

— Да, я вас помню. Конечно. Вы были здесь около трех недель назад. Перед Рождеством.

— Да. В воскресенье. — Тереза встала. Она хотела оставить их вдвоем. — Я поднимусь наверх, — сказала она Кэрол. — До свидания, мистер Эйрд.

Хардж слегка ей поклонился.

— До свидания.

Поднимаясь по лестнице, она услышала, как Хардж говорит:

— Ну что ж, поздравляю тебя, Кэрол. Мне приятно это говорить. Ты не против?

«У Кэрол день рождения», — подумала Тереза. Ну, конечно, Кэрол ей ничего не сказала.

Она закрыла дверь и осмотрела комнату, понимая, что ищет хоть какое-то свидетельство того, что она провела здесь ночь. И не нашла ни одного. Она остановилась у зеркала и некоторое время исподлобья рассматривала себя. Она была не такой бледной, как три недели назад, когда Хардж видел ее, да она и не чувствовала себя тем замученным, перепуганным созданием, с которым познакомился Хардж. Из верхнего ящика комода она достала свою сумочку и вытащила из нее помаду, но потом услышала, что в дверь постучал Хардж, и закрыла ящик.

— Войдите.

— Прошу прощения. Мне нужно кое-что взять, — он быстро прошел по комнате, зашел в ванную и вернулся с бритвой в руке и улыбкой на лице. — Это ведь вы были в воскресенье с Кэрол в ресторане, верно?

— Да, — ответила Тереза.

— Кэрол сказала, что вы — театральный художник.

— Да.

Он перевел взгляд с ее лица на ее руки, потом на пол, потом снова посмотрел вверх.

— Я надеюсь, что вы проследите, чтобы Кэрол достаточно гуляла, — сказал он. — Вы выглядите молодой и подвижной. Заставляйте ее выходить на прогулки.

Потом он резко вышел из комнаты, оставив за собой слабый запах пены для бритья. Тереза бросила помаду на кровать и вытерла ладони о юбку. Ей было непонятно, зачем Хардж озаботился тем, чтобы дать ей понять — он как само собой разумеющееся воспринимает то, что она провела много времени с Кэрол.

— Тереза! — неожиданно позвала Кэрол. — Спускайся!

Кэрол сидела на диване и курила сигарету. Хардж ушел. Она посмотрела на Терезу и слегка улыбнулась. Тут вошла Флоренс, и Кэрол сказала: — Флоренс, вы можете перенести это в другое место. Поставьте их в столовой.

— Да, мэм.

Кэрол подмигнула Терезе.

Столовой никто не пользовался, и Тереза это знала. Кэрол предпочитала есть, где угодно, только не там.

— Почему ты не сказала мне о своем дне рождения? — спросила у нее Тереза.

— Ох, — рассмеялась Кэрол. — Нет. Это годовщина моей свадьбы. Надевай пальто и поехали.

Сдавая задним ходом до выезда на дорогу, Кэрол произнесла:

— Если и есть что-то, чего я не могу вынести, так это лицемерие.

— Что он сказал?

— Ничего такого важного. — Кэрол все еще улыбалась.

— Но ты назвала его лицемером.

— Образцовым.

— Делаешь вид, что это веселая шутка?

— О, только отчасти.

— Он что-нибудь говорил обо мне?

— Он сказал, что ты, похоже, симпатичная девушка. Разве это новость? — Кэрол погнала машину по узкой дороге к деревне. — Он сказал, что развод займет на шесть недель дольше, чем мы думали, из-за бюрократических формальностей. А вот и новости. Ему пришло в голову, что тем временем я еще могу передумать. Вот оно, лицемерие. Я думаю, ему нравится дурачить самого себя.

«Да неужели жизнь, неужели отношения между людьми всегда такие?» — задумалась Тереза. Никакой твердой почвы под ногами. Всегда — как щебень, чуть податливый, с шумом разъезжающийся в стороны, так, что слышно будет всем, и сам человек тоже всегда прислушивается к громким, резким шагам того, кто вторгается в его жизнь.

— Кэрол, я ни за что не возьму тот чек, ты же знаешь, — внезапно сказала Тереза. — Я засунула его под скатерть на столике у кровати.

— Почему ты об этом подумала?

— Я не знаю. Ты хочешь, чтобы я сама его разорвала? Я почти сделала это в ту ночь.

— Хочешь — рви, — ответила Кэрол.

ТЕРЕЗА ПОСМОТРЕЛА ВНИЗ, на большую картонную коробку.

— Я это брать не хочу, — у нее в руках была целая охапка вещей. — Пусть еду забирает миссис Осборн, а остальное может и здесь полежать.

— Возьми, — сказала Кэрол, выходя в дверь. Она снесла вниз оставшуюся порцию вещей, книги и жакеты, которые Тереза в последнюю минуту решила взять с собой.

Тереза вернулась наверх за коробкой. Ее около часа назад принес посыльный — куча сэндвичей в воценой бумаге, бутылка ежевичного вина, пирог, а в отдельной коробке — обещанное миссис Семко белое платье. Ричард к коробке не имел никакого отношения, она знала это, потому что иначе там была бы книга или записка.

Нежеланное платье все еще лежало на диване, угол ковра был загнут, но Терезе не терпелось поскорее отправиться. Она захлопнула дверь и поспешила вниз по лестнице с коробкой в руках, мимо дверей Келли, и он, и она были на работе, мимо двери миссис Осборн. Она попрощалась с миссис Осборн час назад, когда вносила арендную плату за будущий месяц.

Тереза как раз закрывала дверцу автомобиля, когда миссис Осборн окликнула ее со ступенек у входа.

— К телефону! — прокричала миссис Осборн, и Тереза неохотно выбралась из машины, думая, что это Ричард.

Это оказался Фил МакЭлрой, звонивший спросить о вчерашнем собеседовании с Харкви. Она уже рассказала об этом Денни вчера вечером, когда они ужинали вместе. Харкви не пообещал ей работы, но велел оставаться на связи, и Тереза чувствовала, что это не пустые слова. Он позволил ей прийти повидаться с ним за кулисы театра, где он курировал изготовление декораций для «Зимнего города». Он выбрал три ее картонных макета и внимательно рассмотрел их, отбросив один, как слегка скучный, и указав на некоторые трудно осуществимые детали во втором. А больше всего ему понравился макет, сделанный в виде большого зала, который Тереза начала в тот вечер, когда впервые побывала у Кэрол в гостях. Он стал первым человеком, всерьез рассмотревшим ее не совсем традиционные декорации. Она тут же позвонила Кэрол и рассказала ей о встрече. И Филу она рассказала о собеседовании с Харкви, но не стала упоминать, что работу у Андроника она не получила. Она понимала, что поступила так, потому что не хотела, чтобы об этом узнал Ричард. Тереза попросила Фила сообщить ей, для какой следующей пьесы Харкви будет делать декорации, потому что сам он сказал, что еще не решил, на какой из двух ему остановиться. У Терезы было больше шансов, что он возьмет ее в помощницы, если выберет английскую пьесу, о которой говорил вчера.

— Я еще не знаю, какой адрес тебе дать, — сказала Тереза. — Знаю только, что мы едем в Чикаго.

Фил сказал, что может написать ей туда до востребования.

— Это был Ричард? — поинтересовалась Кэрол, когда Тереза вернулась.

— Нет. Фил МакЭлрой.

— Так значит, ты ничего не слышала о Ричарде?

— Нет, последние несколько дней — нет. Он прислал мне телеграмму сегодня утром, — Тереза замялась, а потом вытащила ее из кармана и прочла. **Я НЕ ПЕРЕДУМАЛ, И ТЫ ТОЖЕ. ПИШИ МНЕ. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. РИЧАРД.**

— Думаю, ты должна ему позвонить, — сказала Кэрол. — Позвони ему из моего дома.

Они собирались заночевать в доме Кэрол и уехать рано утром.

— Наденешь это платье сегодня вечером? — спросила Кэрол.

— Я его примерю. Оно выглядит, как свадебное.

Тереза надела платье перед ужином. Оно было ей чуть ниже щиколоток, а сзади, на талии, завязывалось длинными белыми лентами. Вышитыми лентами был расшит и весь перед платья. Она спустилась вниз, чтобы показаться Кэрол. Та сидела в гостиной и писала письмо.

— Смотри, — позвала Тереза, улыбаясь.

Кэрол долго, долго смотрела на нее, а потом подошла и рассмотрела вышивку на поясе.

— Это просто музейный экспонат. Ты выглядишь восхитительно. Наденешь его сегодня вечером, пожалуйста?

— Оно такое вычурное.

Ей не хотелось носить его, потому что оно напоминало о Ричарде.

— Что это, черт возьми, за стиль такой? Русский?

Тереза хихикнула. Ей нравилось, как Кэрол чертыхается — всегда небрежно, но только тогда, когда рядом нет посторонних.

— Ну и? — повторила Кэрол.

Тереза уже поднималась по лестнице.

— Что ну и?

— Откуда у тебя такая привычка не отвечать, когда тебя спрашивают? — резко спросила Кэрол, и ее голос внезапно зазвучал жестко и гневно.

В глазах у Кэрол полыхал злой белый огонь, который она уже видела в тот раз, когда отказалась играть на пианино. А сейчас ее рассердил совершенный пустяк.

— Прости, Кэрол. Наверное, я тебя просто не расслышала.

— Ступай, — сказала Кэрол и отвернулась. — Ступай наверх и сними его.

«Это все еще из-за Харджа», — подумала Тереза. Она минутку помедлила, а потом пошла наверх. Развязала пояс, расстегнула рукава, глянула на себя в зеркало, а потом завязала и застегнула все снова. Если Кэрол хочет, чтобы она была в платье, она в нем будет.

Они вместе приготовили ужин, потому что у Флоренс уже начался ее трехнедельный отпуск. Открыли несколько баночек с деликатесами — Кэрол сказала, что она их специально приберегла, и как раз перед обедом приготовила в шейкере коктейль из виски и мятного ликера.

Тереза думала, что дурное настроение Кэрол прошло, но когда она начала наливать себе вторую порцию коктейля, Кэрол сухо сказала:

— Я не думаю, что тебе стоит пить еще.

И Тереза с улыбкой уступила. Но настроение Кэрол не улучшилось. Что бы Тереза ни делала, что бы ни говорила, его ничто не могло изменить, и Тереза ополчилась на платье, потому что оно ее угнетало, и поэтому она не могла придумать, что бы такого хорошего сказать. После ужина они прихватили с собой на крыльцо пирожные — засахаренные каштаны с коньяком — и кофе, но в полутьме разговаривали друг с другом еще меньше, и Тереза только почувствовала себя сонной и весьма подавленной.

На следующее утро Тереза обнаружила на заднем крыльце бумажный пакет. Внутри лежала игрушечная обезьянка с серо-белым мехом. Тереза показала ее Кэрол.

— Боже мой, — нежно проговорила Кэрол и улыбнулась. — Джакопо, — она взяла обезьянку и провела указательным пальцем по слегка грязной белой щеке игрушки. — Мы с Эбби всегда вешали его в задней части автомобиля.

— Эбби его принесла? Прошлой ночью?

— Наверное, — Кэрол пошла к машине с обезьянкой и чемоданом в руках.

Тереза вспомнила, как прошлой ночью дремала на глайдере, очнулась в абсолютной тишине и увидела, что Кэрол сидит и смотрит прямо перед собой — Кэрол, должно быть, услышала в ночи машину Эбби. Тереза помогла Кэрол расположить чемоданы и плед в

багажнике автомобиля.

— Почему она не зашла? — спросила Тереза.

— Ох, ну это же Эбби, — ответила Кэрол с улыбкой и с той мимолетной застенчивостью, которая всегда удивляла Терезу. — Почему бы тебе не пойти и не позвонить Ричарду?

Тереза вздохнула.

— Вообще-то, я не могу. К этому времени его уже нет дома.

Было восемь сорок, а его занятия в школе начинались в девять.

— Тогда позвони его семье. Разве ты не собираешься поблагодарить их за коробку, что они тебе прислали?

— Я напишу им письмо.

— Позвони им сейчас, и тебе не придется писать им письмо. В любом случае, намного вежливее позвонить.

К телефону подошла миссис Семко. Тереза рассыпалась в похвалах платью и рукоделию миссис Семко и поблагодарила ее за угощение и вино.

— Ричард только что ушел, — сказала миссис Семко. — Ему будет тебя ужасно не хватать. Он уже не знает, куда себя деть, — она рассмеялась своим энергичным, пронзительным смехом, который заполнял кухню, где, как Тереза знала, она стояла; смехом, который разнесется по всему дому и долетит даже до опустевшей комнаты Ричарда на втором этаже. — У вас с Ричардом все в порядке? — спросила миссис Семко, и в голосе ее прозвучало едва заметное подозрение, хотя Тереза могла сказать, что она все еще улыбается.

Тереза сказала, что да. И пообещала писать. И в итоге почувствовала себя лучше, потому что позвонила.

Кэрол спросила ее, закрыла ли она окно в комнате наверху, и Тереза снова поднялась по лестнице, потому что не могла вспомнить. Она не закрыла окно, и кровать тоже не убрала, но на это уже не было времени. Флоренс может застелить постель, когда придет в понедельник, чтобы запереть дом.

Кэрол разговаривала по телефону, когда Тереза спустилась вниз. Она посмотрела на Терезу с улыбкой и протянула ей трубку. Тереза с первого слова поняла, что это была Ринди.

— ... на... у... мистера Байрона. На ферме. Ты там была когда-нибудь, мама?

— А где это, солнышко? — спросила Кэрол.

— У мистера Байрона. У него есть лошади. Но не такие, какие тебе нравятся.

— Ой. А почему?

— Ну, они такие... рабочие.

Тереза попыталась расслышать в пронзительном, самом обычном голосе хоть что-то, напоминавшее голос Кэрол, и не смогла.

— Алло, — сказала Ринди. — Мама?

— Я слушаю тебя.

— Мне пора говорить «до свидания». Папа уже уезжает, — она закашлялась.

— У тебя кашель? — спросила Кэрол.

— Нет.

— Тогда не кашляй в трубку.

— Я хочу, чтобы ты взяла меня с собой в путешествие.

— Но я же не могу, потому что ты в школе. Но мы поедем путешествовать этим летом.

— А ты мне сможешь звонить?

— В поездке? Конечно, я буду звонить. Каждый день, — Кэрол взяла телефон и села, но все еще смотрела на Терезу — минуту или чуть дольше, пока продолжала разговаривать.

— Она такая серьезная, — заметила Тереза.

— Она рассказала мне, что вчера у нее был знаменательный день. Хардж разрешил ей прогулять школу.

Кэрол виделась с Ринди позавчера, как Тереза помнила. Это явно был приятный визит, судя по тому, что Кэрол рассказала Терезе по телефону, но она не упомянула ни одной детали, а Тереза ее ни о чем и не спрашивала.

Они уже были готовы отправиться, но Кэрол решила напоследок позвонить Эбби. Тереза побрела назад в кухню, потому что сидеть в машине было слишком холодно.

— Я не знаю никаких маленьких городков в Иллинойсе, — говорила Кэрол. — Почему Иллинойс? ... Ладно, Рокфорд... Я запомню, я буду думать о рокфоре... Конечно, я о нем позабочусь. Надо было тебе зайти, глупая... Ну, так ты ошибаешься, очень ошибаешься.

Тереза отхлебнула глоток из недопитой Кэрол чашки кофе, стоявшей на кухонном столе, коснувшись губами того места, где на чашке остался отпечаток помады.

— Ни слова, — сказала Кэрол, растягивая слова. — Ни один человек, насколько мне известно, даже Флоренс... Ну что ты, дорогая... А теперь — пока.

Пятью минутами позже они уже выезжали из городка Кэрол на шоссе, которое на карте было обозначено красным цветом, и по которому они будут ехать до самого Чикаго. Небо было пасмурным. Тереза смотрела по сторонам на уже ставший знакомым ей деревенский пейзаж, на лес, глыбой нависавший слева — мимо него шла дорога в Нью-Йорк, и на высокий флагшток вдалеке, установленный в клубе, который посещала Кэрол.

Тереза чуть приоткрыла окошко. Было очень холодно, и горячий воздух от автомобильной печки приятно касался ее щиколоток. Часы на приборной панели показывали без четверти девять, и она вдруг подумала о людях, работающих во «Франкенберге», загнанных туда, как скот в загон, с четверти девятого утра, этого утра, и завтрашнего, и о том, как стрелки часов управляют каждым их движением. Но стрелки часов на приборной панели не значили ровным счетом ничего для них с Кэрол. Они могли спать или не спать, ехать или остановиться в любой момент, когда им это было удобно. Она подумала о миссис Робичек, в эту самую минуту торгующую свитерами на третьем этаже, начинающую там еще один свой год — пятый.

— Почему ты притихла? — спросила Кэрол. — Что случилось?

— Ничего, — она не хотела говорить. Хотя чувствовала, как ее горло сжимается от тысячи невысказанных слов, но, наверное, только расстояние, тысячи миль, могли расставить их по местам. Может быть, это сама свобода теснила ей грудь.

Где-то в Пенсильвании они проехали часть пути при рассеянном свете солнца, лившемся сквозь просвет в небе, но около полудня начался дождь. Кэрол чертыхнулась, но шум дождя был приятным, неравномерно барабанившим в лобовое стекло и по крыше.

— Знаешь, что я забыла? — сказала Кэрол. — Дождевик. Придется где-нибудь его купить.

И вдруг Тереза вспомнила, что забыла книгу, которую она читала. А в ней было ее письмо к Кэрол, на листе, который целиком не поместился в книгу и выглядывал с обеих сторон. Черт. Книга лежала отдельно от остальных, поэтому она ее и забыла — на столике у кровати. Она надеялась, что Флоренс не станет туда заглядывать. Попыталась вспомнить, упоминала ли она в письме имя Кэрол — и не смогла. А еще она забыла разорвать чек.

— Кэрол, ты забрала тот чек?

— Который я тебе выписала?.. Ты же сказала, что порвешь его.

— Я его не порвала. Он все еще под скатертью.

— Ну, не важно, — отозвалась Кэрол. Когда они остановились заправиться, в продуктовом магазинчике рядом с заправкой, Тереза попыталась купить стаут, который иногда нравился Кэрол, но у них было только обычное пиво. Она купила одну бутылку, потому что Кэрол к пиву была равнодушна. Потом с главной автострады они свернули на маленькую дорогу,

остановились и открыли коробку с приготовленными матерью Ричарда сэндвичами. Там еще нашлись маринованный огурец, сыр моцарелла и пара сваренных вкрутую яиц. Тереза забыла попросить открывашку, поэтому не смогла открыть пиво, но в термосе оставался кофе. Она поставила бутылку пива на пол, рядом с задним сиденьем.

— Икра. Очень, очень мило с их стороны, — сказала Кэрол, заглядывая внутрь сэндвича. — Тебе нравится икра?

— Нет. А хорошо бы.

— Почему?

Тереза смотрела, как Кэрол откусывает маленький кусочек сэндвича, с которого сняла тонкий верхний ломтик хлеба — кусочек, где было больше всего икры.

— Потому что если уж любишь икру, то любишь до смерти, — сказала Тереза.

Кэрол улыбнулась и продолжила медленно лакомиться икрой.

— К этому вкусу нужно привыкнуть. Приобретенные вкусы всегда приятнее... и от них труднее избавиться.

Терезе налила еще кофе в чашку, из которой они его пили по очереди. Она привыкала к вкусу черного кофе.

— Как же я нервничала в тот первый раз, держа в руках эту чашку. В тот день ты принесла мне кофе. Помнишь?

— Помню.

— Как так случилось, что ты тогда добавила в него сливки?

— Я подумала, что тебе бы понравилось. И почему ты так нервничала?

Тереза взглянула на нее.

— Ты меня очень взволновала, — сказала она, приподнимая кружку. Затем она снова посмотрела на Кэрол и увидела, как лицо Кэрол внезапно застыло, словно от шока. Тереза уже видела такое и раньше, два или три раза — когда она говорила Кэрол что-то подобное о своих чувствах или отпускала ей слишком изысканный комплимент. И она не могла сказать, была Кэрол польщена или недовольна.

Она увидела, как Кэрол заворачивает половинку сэндвича в вощеную бумагу. Был еще пирог, но Кэрол его не захотела. Это был коричневого цвета кекс с пряностями, которым Терезу часто угощали в доме у Ричарда. Они сложили все припасы назад, в чемоданчик, в котором лежали упаковки сигарет и бутылка виски, сложили с кропотливой тщательностью, которая непременно разозлила бы Терезу, если бы это не была Кэрол.

— Ты сказала, что Вашингтон — твой родной штат? — спросила Тереза.

— Я там родилась, и сейчас там живет мой отец. Я написала ему, что, возможно, навещу его, если мы заедем так далеко.

— Он похож на тебя?

— Похожа ли я на него? Да, больше чем на мою мать.

— Так странно представлять тебя в кругу твоей семьи, — произнесла Тереза.

— Почему?

— Просто я думаю, что ты — это ты. Единственная в своем роде.

Кэрол улыбнулась, приподняла голову и повела машину дальше.

— Ладно, продолжай.

— Братья и сестры? — спросила Тереза.

— Одна сестра. Я так понимаю, ты и о ней хочешь все знать? Ее зовут Элейн, у нее трое детей и она живет в Вирджинии. Она старше меня, и я не знаю, понравилась бы она тебе или нет. Думаю, ты бы нашла ее скучной.

Да. Тереза могла себе ее представить — как тень Кэрол, со всеми присущими ей чертами,

но более блеклыми и смазанными.

Позже днем они остановились у придорожного ресторанчика, в витрине которого была расположена миниатюрная голландская деревушка. Тереза облокотилась на оградку и стала ее рассматривать. Там была маленькая речка, бравшая начало из водопроводного крана, растекавшаяся овальной заводью и вращавшая колесо водяной мельницы. Крохотные фигурки в голландских костюмах, стоявшие на лужайках из живой травы, были разбросаны по деревушке. Она подумала о паровозике из отдела игрушек в «Франкенберге» и о той ярости, с которой он мотался по замкнутым в овал рельсам — весь его путь был примерно такого же размера, как здешняя речушка.

— Я никогда не рассказывала тебе о поезде в «Франкенберге»? — спросила Тереза, обращаясь к Кэрол. — Ты не замечала его, когда выходила...

— Паровозик у лифта? — перебила ее Кэрол.

Тереза улыбалась, но отчего-то ее сердце внезапно сжалось. Все представлялось слишком сложным, чтобы в это углубляться, и разговор угас.

Кэрол заказала им обеим суп. В машине было холодно, и они окоченели.

— Интересно, насладишься ли ты по-настоящему этой поездкой, — сказала Кэрол. — Ты больше предпочитаешь иметь дело с отражениями, ведь так? У тебя есть свое личное представление обо всем на свете. Как о той ветряной мельнице. Для тебя она практически также прекрасна, как если бы ты побывала в Голландии. Мне интересно, понравится ли тебе видеть настоящие горы и живых людей.

Тереза почувствовала себя раздавленной, словно Кэрол обвинила ее во лжи. Она чувствовала, что еще Кэрол подразумевает, что у Терезы и о ней есть личное представление, и это раздражает Кэрол. Живые люди? Она вдруг вспомнила миссис Робичек. И о том, как сбежала от нее, потому что та была отвратительна.

— Как ты можешь надеяться создать хоть что-то, если ты весь свой опыт подменяешь чужим? — спросила Кэрол, и ее голос звучал мягко и ровно, но в то же время безжалостно.

Кэрол заставила ее почувствовать, что она не сделала ничего, что она сама была никем, словно какая-то струйка дыма. А вот Кэрол жила как все люди, она была замужем, и у нее был ребенок.

Пожилой мужчина вышел из-за барной стойки и направился к ним. Он хромал. Он встал у стола рядом с ними и скрестил руки на груди.

— Когда-нибудь бывали в Голландии? — вежливо спросил он.

Кэрол ответила:

— Нет, никогда. Полагаю, что вы там были. Это вы смастерили ту деревню, что стоит в витрине?

Он кивнул.

— У меня ушло на это пять лет жизни.

Тереза посмотрела на костлявые пальцы мужчины, на его тощие руки с фиолетовыми венами, змеившимися прямо под кожей. Она лучше Кэрол понимала, сколько труда он вложил в макет деревушки, но не могла вымолвить ни слова.

Мужчина обратился к Кэрол:

— Можете купить отличных сосисок и ветчины в соседнем магазинчике, если вам нравится, как их делают в Пенсильвании. Мы сами выращиваем свиней, сами забиваем и готовим прямо здесь.

Они вошли в побеленный известью магазин рядом с рестораном. Внутри их встретил вкусный запах копченой ветчины, смешанный с ароматом древесного дыма и специй.

— Давай выберем что-то, что не придется готовить, — сказала Кэрол, заглядывая в

морозильную витрину. — Дайте нам вот этого, — проговорила она, обращаясь к молодому человеку в шапке-ушанке.

Тереза вспомнила, как они стояли в кулинарии с миссис Робичек, и как та покупала тоненькие ломтики салями и ливерной колбасы. Объявление на стене гласило, что доставка осуществляется в любую точку, и она подумала, а не послать ли миссис Робичек одну из больших колбас в оболочке, и представила удовольствие на лице миссис Робичек, когда та дрожащими руками откроет посылку и обнаружит там колбасу. Но стоит ли это в итоге делать, задумалась Тереза, совершать жест, который, возможно, вызван чистой жалостью или чувством вины или каким-то присущим ей извращенным чувством? Тереза нахмурилась, словно барахтаясь в море, без направления, без чувства тяжести, и единственное, что она знала — то, что она не может доверять собственным побуждениям.

— Тереза...

Тереза обернулась, и красота Кэрол ошеломила, поразила ее, как мимолетный образ крылатой богини победы, Ники Самофракийской. Кэрол спрашивала ее мнения — стоит ли им купить целый окорок.

Молодой человек двинул свертки по прилавку и взял у Кэрол двадцатидолларовую купюру. А Тереза подумала о том, как миссис Робичек в тот вечер робко подтолкнула через прилавок свой одинокий доллар и четвертак.

— Тебе еще что-то приглянулось? — спросила Кэрол.

— Я подумала, что должна послать что-нибудь одному человеку. Женщине, которая работает в магазине. Она бедная, и однажды она меня пригласила на ужин.

Кэрол взяла сдачу.

— Что за женщина?

— На самом деле я не хочу ей ничего посылать, — Терезе вдруг захотелось поскорее уйти.

Кэрол нахмурилась сквозь сигаретный дым.

— Сделай это.

— Не хочу. Пойдем, Кэрол.

Словно снова вернулся тот самый кошмар, в котором она не могла вырваться от нее.

— Нет, отправь, — сказала Кэрол. — Закрой дверь и отправь ей что-то.

Тереза закрыла дверь, выбрала одну из шестидолларовых колбас и написала на карточке: «С приветом из Пенсильвании. Надеюсь, этого хватит на несколько воскресных завтраков. С любовью — Тереза Беливет».

Позже, в машине, Кэрол спросила ее о миссис Робичек, и Тереза ответила, как и всегда, лаконично и с невольной и абсолютной честностью, о которой она потом всегда жалела. Миссис Робичек и мир, в котором она жила, так отличался от мира Кэрол, что Тереза с таким же успехом могла описывать другой животный вид, какую-то уродливую тварь, обитающую на другой планете. Кэрол никак не комментировала рассказ, только задавала и задавала ей вопросы, пока они ехали. Она ничего не сказала и тогда, когда уже не о чем было спрашивать, но напряженное, задумчивое выражение не сходило с ее лица, даже когда они завели разговор о другом. Тереза прижала большие пальцы к ладоням и сжала кулаки. Ну почему миссис Робичек преследовала ее? А теперь она вывалила это на Кэрол и не может забрать свои слова назад.

— Пожалуйста, не упоминай ее снова, хорошо, Кэрол? Обещай мне.

КЭРОЛ, ВОРЧА ОТ ХОЛОДА, босиком засемила в душ, что располагался в углу. Ногти на ее ногах были покрашены красным лаком, а голубая пижама была ей слишком велика.

— Это ты виновата в том, что так широко открыла окно, — отметила Тереза.

Кэрол задернула шторы душа, и Тереза услышала, как резким потоком зашумела вода.

— Ах, как божественно горячо! — воскликнула Кэрол. — Лучше, чем вчера.

Это был роскошный домик для туристов — с толстым ковром и полным набором удобств — от запечатанных в целлофан тапочек до телевидения.

Тереза сидела на своей кровати, в халате, и разглядывала атлас дорог, измеряя расстояние растопыренными пальцами. Полторы пяди примерно равнялись дню пути, но только теоретически, потому что на самом деле они столько не проезжали.

— Мы сегодня уже должны были проехать весь Огайо, — сказала Тереза.

— Огайо. Известен своими реками, резиной и надежными железными дорогами. Слева от нас знаменитый подъемный мост Чилликоте, где двадцать восемь гуронов однажды перебили сто ... идиотов.

Тереза рассмеялась.

— И где однажды останавливались на привал Льюис и Кларк^[16], — добавила Кэрол. — Думаю, сегодня я надену слаксы. Можешь посмотреть, они в том чемодане или нет? Если нет, придется плестись к машине. Не те, которые светлые, а темно-синие габардиновые.

Тереза подошла к большому чемодану Кэрол, стоявшему в ногах кровати. В нем было полно свитеров, белья и туфель, и не было никаких слаксов. Она увидела, что из сложенного свитера торчит какая-то никелированная трубка и вытащила свитер из чемодана. Он был тяжелым. Она развернула его и вздрогнула так, что чуть его не выронила. Там был пистолет с белой рукояткой.

— Что, нету? — спросила Кэрол.

— Нет, — Тереза снова завернула пистолет и положила все назад так, как оно лежало раньше.

— Дорогая, я забыла захватить полотенце. Думаю, оно на стуле.

Тереза взяла его и отнесла ей. Она нервничала, когда вложила полотенце в протянутую руку Кэрол, и от неловкости перевела взгляд с лица Кэрол на ее обнаженную грудь и ниже, и, уже отворачиваясь, увидела быстро промелькнувшее в глазах Кэрол удивление. Тереза крепко зажмурилась и медленно пошла к кровати, видя на фоне прикрытых век отображение обнаженного тела Кэрол.

Тереза приняла душ и, когда она оттуда вышла, Кэрол стояла у зеркала, почти полностью одетая.

— Что с тобой? — спросила Кэрол.

— Ничего.

Кэрол повернулась к ней, причесывая чуть потемневшие, влажные после душа волосы. Ее губы были яркими от свежего слоя помады, и между ними была зажата сигарета.

— Ты понимаешь, сколько раз в день ты вынуждаешь меня задавать этот вопрос? — спросила она. — Тебе не кажется, что это немного неделикатно?

За завтраком Тереза спросила:

— Зачем ты взяла с собой пистолет, Кэрол?

— О. Так вот что тебя беспокоит. Это пистолет Харджа, и его он тоже забыл, — тон Кэрол был небрежным. — Я подумала, что будет лучше взять его с собой, нежели оставить.

— Он заряжен?

— Да, заряжен. Хардж получил разрешение на него, потому что однажды к нам забрался грабитель.

— Ты умеешь им пользоваться?

Кэрол ей улыбнулась.

— Я не Энни Оукли^[17], но выстрелить из него смогу. Полагаю, это тебя и беспокоит, да? Не думаю, что придется им воспользоваться.

Тереза больше ничего об этом не сказала. Но стоило ей об этом вспомнить, и она начинала тревожиться. Она задумалась о пистолете следующим вечером, когда носильщик тяжело бухнул чемодан на тротуар. Она забеспокоилась, а не может ли пистолет когда-нибудь выстрелить сам от подобного толчка.

Они отдали распечатать несколько фотографий, которые сделали в Огайо, и поскольку их могли доставить только на следующее утро, они провели долгий вечер и ночь в городке под названием Дифайенс^[18]. Весь вечер они бродили по улицам, разглядывали витрины магазинов, проходили по тихим жилым кварталам, где в гостиных домов виднелся свет, а сами дома выглядели уютно и безопасно, как птичьи гнездышки. Тереза переживала, что Кэрол заскучает от бесцельных прогулок, но именно Кэрол предложила пройтись еще на квартал дальше и подняться на вершину холма, чтобы посмотреть, что там с той стороны. Кэрол рассказывала о себе и Хардже. Тереза попыталась одним словом подытожить, что же разделило Кэрол и Харджа, но почти сразу же отбросила такие слова как скука, обида, безразличие. Кэрол рассказала ей, как однажды Хардж взял с собой Ринди на рыбалку и не выходил на связь несколько дней. Это было сделано в отместку за то, что Кэрол отказалась провести отпуск с Харджем и его семьей в их летнем доме в Массачусетсе. Их упрямство было обоюдным. И это был не первый случай.

Два снимка Кэрол положила к себе в бумажник — Ринди в сапогах и шляпке для верховой езды, с кадра в первой части пленки, и Терезу с сигаретой в зубах и развевающимися на ветру волосами. Там был один неудачный снимок, на котором Кэрол стояла, съжившись в своем пальто, и Кэрол сказала, что собирается послать его Эбби, потому что это очень плохая фотография.

Они добрались до Чикаго ближе к вечеру, въехали в его серую, раскидистую неразбериху, пристроившись за большим грузовиком какой-то мясной компании. Тереза наклонилась к лобовому стеклу. Она ничегошеньки не помнила о городе из путешествия вместе с отцом. А Кэрол, казалось, знает Чикаго так же, как и Манхеттен. Кэрол показала ей знаменитую «Петлю», и они остановились поглядеть на поезда и толпы людей, спешивших поскорее попасть к поездам в пять тридцать вечера. Но это не выдерживало никакого сравнения с тем сумасшедшим домом, в который в пять тридцать вечера превращался Нью-Йорк.

На главном почтамте Терезу ожидала открытка от Денни, ничего от Фила и письмо от Ричарда. Тереза просмотрела письмо и увидела, что оно начинается и заканчивается очень ласково. Так она и думала — Ричард узнает у Фила адрес до востребования и напишет ей любовное письмо. Она засунула его в карман и вернулась к Кэрол.

— Ничего? — спросила Кэрол.

— Просто открытка. От Денни. Он сдал экзамены.

Кэрол привезла их в отель Дрейк. Черно-белый, словно шахматная доска, пол, фонтан в вестибюле — Тереза подумала, что здесь великолепно. В их номере Кэрол сняла пальто и бросилась на одну из кроватей.

— Я знакома здесь с несколькими людьми, — сонно проговорила она. — Мы хотим с кем-нибудь повидаться?

Но Кэрол уснула прежде, чем они что-то решили.

Тереза посмотрела из окна на округлое озеро и рваную, непривычную панораму остроконечных небоскребов на фоне все еще чуть сероватого неба. Пейзаж выглядел размытым и однообразным, как на картинах Пикассо. Сравнение, которое Кэрол бы не одобрила, подумалось ей. Она оперлась на подоконник, глядя на город, на далекие огоньки машин, превращающиеся в череду точек и тире, когда они проезжали за деревьями. Она была счастлива.

— Позвонишь, закажешь нам коктейли? — произнес голос Кэрол у нее за спиной.

— Чего бы ты хотела?

— А ты?

— Мартини.

Кэрол присвистнула.

— Двойной «Гибсон» — вмешалась в ее звонок Кэрол. — И тарелку канапе. Они неплохо подойдут и к мартини.

Тереза прочла письмо Ричарда, пока Кэрол была в душе. Все письмо было пронизано любовью. «Ты не такая, как другие девушки», — писал он. Он ждал, и он будет ждать, потому что он был абсолютно уверен, что они могут быть счастливы вместе. Он хотел, чтобы она писала ему каждый день, по крайней мере, посылала открытки. Он описал, как однажды вечером сел и перечитал три письма, которые она прислала ему, когда он был в Кингстоне прошлым летом. Письмо было полно такой сентиментальности, которая Ричарду вообще не была свойственна, и сначала Тереза подумала, что он притворяется. Возможно, чтобы нанести удар позже. Потом ее охватило отвращение. Она укрепилась в своем прежнем решении — не писать ему, больше ничего даже не говорить — это был самый короткий путь покончить со всем этим.

Принесли коктейли, и Тереза заплатила за них сразу, вместо того чтобы записать на счет. Кэрол ни за что не дала бы ей оплатить его, разве что Тереза сделала бы это тайком.

— Ты наденешь свой черный костюм? — спросила Тереза Кэрол, когда та вышла из душа.

Кэрол кинула на нее взгляд.

— И что, перевернуть вверх дном чемодан? — спросила она, подойдя к нему. — Вытащить, почистить, пропарить, чтобы убрать складки, и все ради того, чтобы надеть его на полчаса?

— Да мы только полчаса будем допивать коктейли.

— Мне не устоять перед твоей силой убеждения, — Кэрол взяла костюм, отнесла его в душ и включила воду.

Это был тот самый костюм, в котором она была в их первый совместный обед.

— Ты понимаешь, что это единственный напиток, который я выпила с тех пор, как мы покинули Нью-Йорк? — произнесла Кэрол. — Конечно, ты не понимаешь. И знаешь, почему? Я счастлива.

— Ты красивая, — сказала Тереза.

Кэрол улыбнулась ей снисходительной улыбкой, которую Тереза так любила, и пошла к туалетному столику. Она обернула вокруг шеи желтый шелковый шарф, завязала его свободным узлом и начала расчесывать волосы. Свет лампы обрамлял ее фигуру, как на картинке, и у Терезы возникло ощущение, что она уже видела это прежде. Она вдруг вспомнила — вот женщина на фоне окна расчесывает свои длинные волосы, вспомнила даже кирпичи в стене и мгlistый, моросивший в то утро дождь.

— Как насчет духов? — спросила Кэрол, двигаясь к ней с бутылочкой. Она коснулась лба Терезы пальцами, у линии роста волос, куда она поцеловала ее в тот день.

— Ты напомнила мне женщину, которую я видела когда-то, — сказала Тереза. — Где-то в Лексингтоне. Не ты, вернее, а свет. Она расчесывала волосы, — Тереза умолкла, но Кэрол

ждала, что она продолжит. Кэрол всегда ждала, и никогда нельзя было угадать, что она хочет сказать. — Однажды рано утром, по дороге на работу... я помню, что как раз начался дождь, — Тереза запнулась, — я увидела ее в окне.

Вообще-то она могла не продолжать, не рассказывать, как она простояла там, наверное, минуты три или четыре, желая жадно, с таким напряжением, что это высосало из нее все силы, чтобы она была знакома с этой женщиной, чтобы она могла войти в дом, постучаться — и ее радушно встретили бы там; желая, чтобы она могла сделать это вместо того, чтобы идти на работу в Пеликан Пресс.

— Моя ты сиротка, — сказала Кэрол.

Тереза улыбнулась. Не было ничего неприятного, ничего ранящего в словах Кэрол, когда она произнесла их.

— Как выглядела твоя мать?

— У нее были черные волосы, — быстро проговорила Тереза. — Она ни капельки не была похожа на меня.

Тереза всегда замечала, что говорит о матери в прошедшем времени, хотя та в эту минуту была жива-здоровая где-то там, в Коннектикуте.

— Ты действительно считаешь, что она больше никогда не захочет тебя увидеть? — Кэрол стояла у зеркала.

— Не думаю.

— А что насчет семьи твоего отца? Разве ты не говорила, что у него есть брат?

— Я никогда с ним не встречалась. Он был кем-то вроде геолога, работал на одну из нефтяных компаний. Я не знаю, где он сейчас, — было намного легче говорить о дяде, которого она никогда не видела.

— А какая теперь фамилия у твоей матери?

— Эстер... миссис Николас Стралли.

Это имя значило для нее не больше, чем любое увиденное в телефонной книге. Она посмотрела на Кэрол и внезапно пожалела, что произнесла это имя. В один из дней Кэрол могла бы... Боль от утраты, от беспомощности охватила ее. Она ведь так мало знала о Кэрол.

Кэрол посмотрела на нее.

— Я больше никогда не спрошу, — сказала она, — никогда не спрошу больше. Если второй бокал вгонит тебя в тоску, не пей его. Я не хочу, чтобы ты грустила сегодня вечером.

Ресторан, где они ужинали, тоже выходил на озеро. Ужин превратился в банкет — с шампанским в начале и бренди в конце. Впервые в жизни Тереза чуть-чуть опьянела, на самом деле даже сильнее, чем она хотела бы показать Кэрол. Теперь Лейкшор драйв для нее всегда будет широким проспектом, усеянным особняками, которые, все как один, напоминали Белый Дом в Вашингтоне. А в памяти будет звучать голос Кэрол, рассказывающий то об одном доме, то о другом, где она бывала; и беспокойное осознание того, что какое-то время это был мир Кэрол, так же, как и Рапалло, Париж и другие места, о которых Тереза не знала, но которые были фоном, рамкой для всего, что делала Кэрол.

Этим вечером Кэрол сидела на краешке своей кровати и курила сигарету, пока они еще не выключили свет. Тереза лежала в своей постели, сонно смотрела на нее и пыталась понять, что это за беспокойное, озадаченное выражение мелькает в ее глазах, когда она пристально смотрит на что-то в комнате, а потом переводит взгляд дальше. Может, она думала о Хардже или о Ринди? Кэрол заказала звонок в номер завтра в семь, чтобы она могла позвонить Ринди, пока та не ушла в школу. Тереза помнила их телефонный разговор в Дифайенсе. Ринди немного подралась с другой маленькой девочкой, и Кэрол провела пятнадцать минут разбирая эту ситуацию и пытаясь убедить Ринди, что она должна сделать первый шаг и извиниться. Тереза

все еще ощущала последствия от выпитого, легкое покалывание шампанского, которое мучительно влекло ее поближе к Кэрол. А если просто спросить, подумала она, разрешит ли ей Кэрол сегодня спать с ней в одной кровати? Она хотела гораздо большего — целовать ее, чувствовать, как соприкасаются их тела. Тереза подумала о тех двух девушках, которых видела в баре «Палермо». Она знала — они это делали. Это, и даже больше. А вдруг Кэрол внезапно с отвращением оттолкнет ее, если она просто захочет обнять ее? И что, если та привязанность, которую сейчас питает к ней Кэрол, мгновенно исчезнет? Тереза представила холодный отказ Кэрол, и ее решимость словно ветром сдуло. Остатков решимости хватило только на скромный вопрос, не может ли она просто спать с ней в одной кровати?

— Кэрол, ты не возражаешь...

— Завтра мы едем на скотный рынок, — сказала Кэрол одновременно с ней, и Тереза расхохоталась.

— Что здесь, черт возьми, такого смешного? — спросила Кэрол, гася сигарету, но она и сама при этом улыбалась.

— Просто смешно. Ужасно смешно, — ответила Тереза, все еще смеясь, заглушая смехом тоску и жажду этой ночи.

— Это в тебе шампанское хихикает, — сказала Кэрол и погасила свет.

На следующий день после обеда они покинули Чикаго и направились к Рокфорду. Кэрол сказала, что, возможно, она получит там письмо от Эбби, но, скорее всего, нет, потому что Эбби не любила возиться с письмами. Тереза зашла в обувную мастерскую, чтобы ей зашили мокасины, а когда вернулась, Кэрол читала письмо в машине.

— По какой дороге мы поедем? — Кэрол выглядела веселее.

— По двадцатой, той, что идет на запад.

Кэрол включила радио и крутила ручку до тех пор, пока не нашла музыку.

— Какой есть приличный город по пути в Миннеаполис, в котором мы можем переночевать?

— Дубьюк, — отозвалась Тереза, разглядывая карту. — Или вот Ватерлоо кажется довольно большим, но до него отсюда примерно двести миль.

— Мы справимся.

Они поехали по 20 автостраде в сторону Фрипорт и Галены, который на карте был обозначен как родной город Улисса С. Гранта^[19].

— Что написала Эбби?

— Ничего такого. Это просто милое письмо.

Кэрол мало с ней говорила в машине, и даже в кафе, где они остановились позже, чтобы выпить кофе. Кэрол подошла к музыкальному автомату и встала перед ним, медленно опуская монетки в прорезь.

— Ты хотела бы, чтобы Эбби поехала в эту поездку, да? — спросила Тереза.

— Нет, — ответила Кэрол.

— Ты какая-то другая с тех пор, как получила от нее письмо.

Кэрол посмотрела на нее через стол.

— Дорогая, это просто глупое письмо. Ты даже можешь его прочитать, если хочешь, — Кэрол потянулась к своей сумочке, но письмо оттуда не достала.

В тот вечер Тереза время от времени задремывала в машине и проснулась, ощущая на лице огни города. Кэрол устало оперлась обеими руками на руль. Они притормозили на красный свет.

— И вот тут мы остановимся на ночь, — сказала Кэрол.

Тереза все еще не могла сбросить с себя сонное оцепенение, пока они шли через вестибюль

гостиницы. Она поднималась на лифте и остро ощущала присутствие Кэрол рядом с собой, словно ей снился сон, в котором Кэрол была главной и единственной героиней. В номере она переставила свой чемодан с пола на стул, расстегнула замки, да так и оставила, замерев у письменного стола и глядя на Кэрол. Словно все эти последние часы или даже дни ее эмоции томились запертыми, а теперь разом нахлынули на нее, пока она смотрела, как Кэрол открывает чемодан и, как она всегда это и делала, сначала вынимает оттуда кожаный несессер с туалетными принадлежностями, а затем бросает его на кровать.

— Чего ты там стоишь? — спросила Кэрол. — Пора баиньки, соня.

— Кэрол, я люблю тебя.

Кэрол выпрямилась. Тереза смотрела на нее блестящими, сонными глазами. Затем Кэрол вытащила пижаму из чемодана и закрыла крышку. Она подошла к Терезе и положила руки ей на плечи. Она сильно сжала ее плечи, словно беря с нее обещание, а может, пытаясь разглядеть, были ли сказанные ею слова истинными. А потом она поцеловала Терезу в губы, как если бы они целовались уже тысячу раз.

— Разве ты не знаешь, что я люблю тебя? — спросила Кэрол.

Кэрол отнесла пижаму в спальню и секунду стояла, глядя на раковину.

— Я выйду, — сказала Кэрол. — Но тут же вернусь.

Тереза осталась ждать у стола, пока Кэрол не было, и время тянулось бесконечно, а может, и не шло вовсе, пока не открылась дверь и Кэрол не вошла снова. Она поставила на стол бумажный пакет, и Тереза поняла, что та всего лишь выходила за молоком — как она или сама Тереза очень часто делали по вечерам.

— Можно мне спать с тобой? — спросила Тереза.

— А ты кровать видела?

Кровать была двуспальной. Они сидели в пижамах, пили молоко и ели один на двоих апельсин, который Кэрол не смогла доест, потому что была слишком сонной. Потом Тереза поставила пакет молока на пол и взглянула на Кэрол, которая уже спала — на животе, с закинутой наверх рукой — она всегда так засыпала. Тереза выключила свет. А потом Кэрол скользнула рукой ей на затылок, и их тела соприкоснулись во весь рост, идеально сливаясь друг с другом, как будто так и должно было быть. Счастье было словно зеленая виноградная лоза, поднимающаяся сквозь нее, тянущая вперед свои тонкие усики, прорастающая цветами сквозь ее плоть. Ей привиделся бледно-белый цветок, мерцающий, как будто во тьме или сквозь толщу воды. «И почему люди говорят о небесах?» — удивилась она.

— Засыпай, — сказала Кэрол.

Тереза надеялась, что она не сомкнет глаз. Но когда она почувствовала, как рука Кэрол провела по ее плечу, она поняла, что уснула. Сейчас уже занималась заря. Пальцы Кэрол напряглись в ее волосах, Кэрол поцеловала ее в губы, и удовольствие снова захлестнуло Терезу, как если бы оно было продолжением того момента, когда прошлой ночью Кэрол положила руку ей на затылок. «Я люблю тебя», — хотела сказать Тереза еще раз, а затем слова были стерты дрожью, трепетом и пугающим удовольствием, которое накатывало волнами от прикосновения губ Кэрол, что скользили по ее шее, по плечам, и которое внезапно промчалось по всему ее телу. Ее руки крепко обнимали Кэрол, и она осознавала саму Кэрол и ничего больше, руку Кэрол, которая скользила по ее животу, волосы Кэрол, что задели ее обнаженную грудь, а затем, казалось, ее тело исчезло в расширяющихся кругах, которые расходились все дальше и дальше, туда, куда может следовать только мысль. И при этом тысячи воспоминаний и моментов, слов, впервые сказанное ей «дорогая», тот второй раз, когда Кэрол встретила ее в магазине, тысячи воспоминаний о лице Кэрол, ее голосе, моментах гнева и смеха вспышкой промелькнули в ее голове, словно хвост кометы. А сейчас вокруг была бледно-голубая даль и пространство,

расходящееся в стороны пространство, сквозь которое она вдруг устремилась, как длинная стрела. Стрела, казалось, с легкостью пересекала невероятно широкую бездну, казалось, дугой пронизывала пространство все дальше и дальше, и совсем не собиралась останавливаться. Затем она осознала, что все еще цепляется за Кэрол, что сильно дрожит, и что стрела — это она сама. Она увидела бледные волосы Кэрол, ниспадавшие ей на глаза, и ее голову, сейчас склоняющуюся к ней. И ей не нужно было спрашивать, было ли это правильным, все было понятно без объяснений, потому что это не могло быть более правильным или совершенным. Она крепче обняла Кэрол, и почувствовала ее губы на своих улыбающихся губах. Тереза лежала неподвижно, глядя на нее, на лицо Кэрол в нескольких дюймах от своего, в серые глаза — такие спокойные, какими она никогда их не видела, будто они запечатлели часть того пространства, из которого она только что возникла. И казалось странным, что это было прежнее лицо Кэрол, с веснушками, знакомой изогнутой светлой бровью, губами, сейчас такими же спокойными, как и ее глаза — лицо, которое Тереза много раз видела прежде.

— Ангел мой, — произнесла Кэрол. — Не с этой планеты.

Тереза обвела взглядом все уголки номера, в котором теперь было намного светлее, посмотрела на пузатое бюро с овальными ручками ящичков, на зеркало без рамы со скошенной кромкой, на зеленые с рисунком шторы, прямо свисавшие по углам окон и на серые верхушки двух зданий, видневшиеся над подоконником. Она запомнит каждую деталь этой комнаты навсегда.

— Что это за город? — спросила она.

Кэрол засмеялась.

— Это? Это Ватерлоо, — она потянулась за сигаретой. — Ужасно, правда?

Улыбаясь, Тереза приподнялась на локте. Кэрол поднесла сигарету к губам.

— В каждом штате есть парочка своих Ватерлоо, — сказала Тереза.

Тереза вышла из номера, чтобы купить несколько газет, пока Кэрол одевалась. Она шагнула в лифт, встала в самый центр и развернулась. Она чувствовала себя немного странно, как будто все сместилось, и расстояния теперь были не совсем такими, как раньше. Она пересекла вестибюль и подошла к стойке с газетами в углу.

— «Курьер» и «Трибьюн», — сказала она продавцу, беря газеты, и даже произносить эти слова было непривычно, не говоря уж о том, что названия купленных газет были странными сами по себе.

— Восемь центов, — сказал мужчина, и Тереза посмотрела на сдачу, которую он ей дал. И увидела, что между восемью центами и четвертаком все еще сохранилась прежняя разница.

Она прошла по вестибюлю, заглянула сквозь витрину в парикмахерскую, там как раз брились двое мужчин. Темнокожий парнишка начищал ботинки. Мимо нее прошел высокий мужчина с сигарой, в шляпе с широкими полями и ковбойских сапогах. Этот вестибюль она тоже запомнит навсегда — людей, старомодную резьбу по дереву на нижней части стойки регистрации и мужчину в темном пальто, который глянул на нее поверх своей газеты, устроился поудобнее на стуле, стоявшем рядом с черно-кремовой мраморной колонной, и продолжил читать.

Когда Тереза открыла дверь номера и увидела Кэрол, ее словно копьем пронзило. На мгновение она замерла, сжав рукой дверную ручку. Кэрол посмотрела на нее из ванной, застыв с поднятой над головой расческой. Она обвела ее взглядом с головы до ног.

— Не делай так на людях, — сказала Кэрол.

Тереза швырнула газеты на постель и пошла к ней. Кэрол внезапно крепко сжала ее в объятиях. Они стояли, обнимая друг друга так, словно никогда не разомкнут рук. Тереза вздрогнула, и на глазах у нее показались слезы. Было очень трудно отыскать слова, находясь в кольце рук Кэрол, ближе, чем если бы они целовались.

— Почему ты ждала так долго? — спросила Тереза.

— Потому что... Я думала, что это на один раз, что я не захочу повторения. Но это оказалось не так.

Тереза подумала об Эбби, и едва заметная вспышка горечи промелькнула между ними. Кэрол отпустила ее.

— И еще кое-что... Ты все время была у меня на глазах, я узнавала тебя и понимала, что это было бы слишком легко. Прости. Это было нечестно по отношению к тебе.

Тереза крепко сжала зубы. Она смотрела, как Кэрол медленно идет по комнате, смотрела, как растет расстояние между ними и вспомнила тот первый раз, когда она увидела медленно удаляющуюся Кэрол, тогда, в отделе игрушек, когда Тереза подумала, что она уходит навсегда. Кэрол любила и Эбби тоже, и теперь корила себя за это.

«Кто знает, придет ли тот день, когда Кэрол так же будет корить себя за то, что любит меня?» — задумалась Тереза. Теперь она поняла, почему декабрьские и январские недели были полны гнева, нерешительности и резкостей, чередующихся с милостями. Но теперь она поняла еще одно — что бы Кэрол ни говорила, сейчас не осталось никаких преград и никакой нерешительности. И Эбби тоже больше не было, что бы там раньше ни происходило между ними.

— Ведь так и было? — спросила Кэрол.

— Ты сделала меня очень счастливой с тех самых пор, как я тебя знаю, — ответила Тереза.

— Не думаю, что ты можешь об этом судить.

— Сегодня утром — могу.

Кэрол не ответила. Ответом стал щелчок дверного замка. Кэрол заперла дверь, и они остались вдвоем. Тереза пошла к ней, прямо в ее распахнутые объятия.

— Я люблю тебя, — проговорила Тереза, просто для того, чтобы услышать эти слова. — Я люблю тебя. Я тебя люблю.

Но Кэрол, казалось, намеренно не обращала на нее почти никакого внимания в этот день. И было еще больше высокомерия в наклоне сигареты в ее губах и в том, как она сдала назад от края тротуара, не совсем в шутку чертыхаясь.

— Черт бы меня побрал, если я засуну хоть десять центов в паркомат, когда вокруг нас сплошная прерия! — ругнулась Кэрол. Но когда Тереза перехватила ее взгляд, глаза Кэрол смеялись. Кэрол открыто поддразнивала ее, прислоняясь к ее плечу, когда они стояли у сигаретного автомата, касалась ее ноги под столом. И от этого Тереза чувствовала себя бессильной и напряженной одновременно. Она подумала о том, что видела, как люди в кинотеатре держатся за руки, почему им с Кэрол так было нельзя? Но когда она просто взяла Кэрол под руку, когда они выбирали коробку леденцов в магазине, Кэрол пробормотала: «Не надо».

Из магазина сладостей в Миннеаполисе Тереза послала коробку конфет миссис Робичек и еще одну — семье Келли. Она отправила вызывающе большую коробку матери Ричарда, двухъярусную коробку с деревянными отделениями, которую, как она знала, миссис Семко позже приспособит под швейные принадлежности.

— Ты когда-нибудь делала такое с Эбби? — резко спросила Тереза тем же вечером в машине.

В глазах Кэрол внезапно промелькнуло понимание, и она моргнула.

— Что за вопросы ты задаешь, — ответила она. — Конечно.

Конечно. *Она так и знала.*

— А сейчас..?

— Тереза...

Она сдавленно спросила:

— С ней было точно так же, как и со мной?

Кэрол улыбнулась.

— Нет, дорогая.

— Разве ты не думаешь, что это приятнее, чем спать с мужчинами?

Ответом ей стала удивленная улыбка.

— Не обязательно. Может быть по-разному. Ты кого-нибудь когда-нибудь знала, кроме Ричарда?

— Никого.

— Ну, а ты не думаешь, что тебе бы лучше попробовать с кем-то еще?

На секунду Тереза онемела, но постаралась вести себя непринужденно, барабаня пальцами по книге, что лежала у нее на коленях.

— Я имею в виду, когда-нибудь, дорогая. У тебя столько лет впереди.

Тереза ничего не ответила. Она не могла себе представить, что когда-то покинет Кэрол. И это был еще один ужасный вопрос, который вертелся в ее голове с самого начала, а теперь стучался в ее мозг с болезненной настойчивостью, требуя ответа. А Кэрол когда-нибудь захочет покинуть ее?

— Я имею в виду, то с кем ты спишь — это во многом вопрос привычки, — продолжила Кэрол. — А ты слишком молода, чтобы принимать глобальные решения. Или заводить привычки.

— Так ты — это просто привычка? — спросила Тереза с улыбкой, и услышала обиду в собственном голосе. — Ты хочешь сказать, ничего кроме привычки?

— Тереза... ты в любое время найдешь повод впасть в уныние.

— Я не впала в уныние, — запротестовала она, но снова под ее ногами был тонкий лед, неопределенность. Или это потому, что она всегда хотела чуть больше, чем у нее было, без разницы, чем бы она ни обладала?

— Эбби тоже любит тебя, правда? — с горячностью спросила она.

Кэрол чуть нажала на газ, а потом убрала ногу с педали.

— Эбби любит меня практически всю свою жизнь... и не меньше чем ты.

Тереза уставилась на нее.

— Я когда-нибудь расскажу тебе. Обо всем, что приключилось в прошлом. Месяцы и месяцы назад, — проговорила она так тихо, что Тереза ее едва расслышала.

— Всего лишь месяцы?

— Да.

— Расскажи мне сейчас.

— Сейчас не время и не место.

— Для этого никогда не будет времени, — сказала Тереза. — Разве ты не говорила мне, что правильное время никогда не наступит?

— Я так сказала? О чем?

Но никто из них больше ничего не произнес, потому что свежий порыв ветра стал швырять пригоршнями дождя, словно миллионом пуль, по крыше и лобовому стеклу, и какое-то время они не могли расслышать ничего другого. Грома не было, как будто гром, где-то там, вверху, скромно решил не тягаться со стихией дождя. Они переждали непогоду на обочине дороги, под ненадежным укрытием холма.

— Я могла бы рассказать тебе, начиная с середины, — сказала Кэрол. — потому что это смешно... и иронично. Это приключилось прошлой зимой, когда у нас с ней был мебельный магазин. Но я не могу начать, не рассказав тебе первую часть — а это тянется из нашего детства. Наши семьи жили по соседству в Нью Джерси, так что мы виделись на каникулах. Я так думаю, Эбби всегда была в меня чуточку влюблена, даже когда мне было лет шесть, а ей — восемь. Потом она написала мне пару писем, когда ей было четырнадцать, ее тогда как раз отправили из дома на учебу. К этому времени я уже слышала о девочках, которым нравятся девочки. Но в книжках было написано и то, что с возрастом это проходит. — Кэрол делала паузы между предложениями, словно выпускала целые куски.

— Ты в школе училась с ней вместе? — спросила Тереза.

— Никогда. Мой отец отдал меня в другую школу, не в нашем городе. А потом Эбби отправилась в Европу, когда ей исполнилось шестнадцать, а когда она вернулась — меня не было дома. Я как-то раз увидела ее на какой-то вечеринке примерно в то время, когда я вышла замуж. Эбби тогда очень изменилась и больше не была похожа на мальчишку. Потом мы с Харджем жили в другом городе, и я с ней снова не виделась — честно говоря, годами, до тех пор, пока не родилась Ринди. Она иногда приезжала на конюшню, где мы с Харджем катались на лошадях. Несколько раз мы катались вместе. Потом мы с Эбби начали играть в теннис по субботам после обеда, когда Хардж обычно играл в гольф. Нам с ней всегда было здорово вместе. Я никогда не вспоминала о ее прежней влюбленности — мы ведь обе так повзрослели, и так много всего произошло. Мне пришла в голову идея открыть магазин, потому что мне хотелось поменьше видеться с Харджем. Я думала, что мы поднадоели друг другу, и это может помочь. Так что я спросила Эбби, не хочет ли она стать моим компаньоном, и мы открыли мебельный магазин. И после нескольких недель я, к удивлению своему, почувствовала, что меня

к ней тянет, — тем же спокойным голосом продолжила рассказывать Кэрол. — Я не могла этого понять, и я немного этого боялась — вспоминая прошлую Эбби и осознавая, что она могла чувствовать то же самое, или что мы обе могли так чувствовать. Поэтому я постаралась, чтобы Эбби этого не увидела, и, думаю, мне это успешно удалось. Но в итоге — и наконец, на этом месте мы добрались до забавной части истории — прошлой зимой случилась та ночь в доме Эбби. Дороги тогда замело, и мать Эбби настояла, чтобы мы заночевали вместе в комнате Эбби, просто потому что в комнате, в которой я останавливалась раньше, на кровати не было простыней, и было очень поздно. Эбби сказала, что она постелит простыни, мы обе отнекивались, но мать Эбби настояла на своем, — Кэрол чуть улыбнулась и взглянула на нее, но Тереза чувствовала, что Кэрол даже не видит ее. — Ну вот, и я осталась с Эбби. Ничего бы не случилось, если бы не та ночь. Я уверена в этом. Если бы не мать Эбби, в этом и состоит ирония, потому что она ничего об этом не знает. Но все произошло, я чувствовала себя совсем как ты, наверное, такой же счастливой, как и ты, — последние слова Кэрол выпалила, хотя ее голос по-прежнему звучал ровно и без каких-либо эмоций.

Тереза уставилась на нее, не зная, то ли это была ревность, то ли шок, то ли гнев, который внезапно спутал все.

— А после этого? — спросила она.

— После этого, я поняла, что влюблена в Эбби. Не знаю, почему эти чувства не назвать любовью, все признаки были налицо. Но все длилось лишь два месяца, словно болезнь, которая пришла и ушла, — тут Кэрол заговорила другим тоном. — Дорогая, это не имеет к тебе никакого отношения, теперь все уже закончилось. Я понимала, что ты хотела знать, но я не увидела никакой причины рассказывать об этом раньше. Это все неважно.

— Но если ты чувствовала к ней то же самое...

— В течение двух месяцев? — перебила Кэрол. — Когда у тебя муж и ребенок, знаешь ли, это немного по-другому.

По-другому, чем у нее, имела в виду Кэрол, потому что у нее не было никаких обязательств.

— Да? Ты можешь вот так просто начать и прекратить?

— Когда у тебя нет ни шанса, — ответила Кэрол.

Дождь ослабевал, но лишь настолько, что сейчас она могла видеть сам дождь, а не сплошную серебристую стену.

— Я не верю в это.

— Не тебе об этом судить.

— Почему ты такая циничная?

— Циничная? Разве?

У Терезы не было достаточной уверенности, чтобы ответить. Что значило — любить кого-то? Чем была сама любовь, и почему она заканчивалась или не заканчивалась? Это были глубинные вопросы, и кто мог на них ответить?

— Стихает, — заметила Кэрол. — Как насчет того, чтобы двинуться дальше и найти где-нибудь коньяка? Или в этом штате сухой закон?

Они доехали до следующего города и обнаружили безлюдный бар в самом большом отеле. Коньяк был изумительным, и они заказали еще по одному.

— Это французский коньяк, — сказала Кэрол. — Когда-нибудь мы отправимся во Францию.

Тереза вращала между пальцев пузатый бокальчик. В задней части бара тикали часы. В отдалении засвистел поезд. А Кэрол откашлялась. Обычные звуки, но этот момент не был обычным. Ни одно мгновение не было обычным с того самого утра в Ватерлоо. Тереза

пристально поглядела на ярко-коричневый огонек в бокале с коньяком, и вдруг преисполнилась абсолютной уверенности в том, что однажды они с Кэрол поедут во Францию. А потом сквозь сияние коричневого солнца в бокале проступило лицо Харджа, его губы, нос и глаза.

— Хардж знает об Эбби, ведь так? — спросила Тереза.

— Да. Он спросил меня что-то о ней несколько месяцев назад... и я рассказала ему все, от начала до конца.

— Рассказала... — она подумала о Ричарде, представила, как бы отреагировал он. — Ты поэтому разводишься?

— Нет. Это не имеет ничего общего с разводом. Еще один повод для иронии — я рассказала Харджу после того, как все закончилось. Ошибочная попытка быть честной, когда ни у меня, ни у Харджа не осталось ничего, что можно было бы спасти. Мы уже разговаривали о разводе. Пожалуйста, не напоминай мне об ошибках! — нахмурилась Кэрол.

— Ты имеешь в виду... он определенно должен был ревновать.

— Да. Потому что как ни крути, кажется, выходило так, что одно время меня больше волновала Эбби, чем когда-либо волновал он. На каком-то этапе, даже будучи матерью Ринди, я бы все бросила, чтобы уехать с Эбби. Даже не знаю, как так случилось, что я этого не сделала.

— И ты бы взяла Ринди с собой?

— Не знаю. Знаю только то, что существование Ринди остановило меня от того, чтобы уйти от Харджа тогда.

— Ты сожалешь об этом?

Кэрол медленно покачала головой.

— Нет. Это бы не продлилось долго. Да оно и не продлилось, и, возможно, я понимала, что так и будет. Мой брак разваливался, и я слишком боялась и была слишком слабой... — она замолчала.

— А сейчас ты боишься?

Кэрол безмолвствовала.

— Кэрол...

— Я не боюсь, — упрямо ответила она, вскидывая голову и затягиваясь сигаретой.

Тереза посмотрела на ее лицо, на ее профиль в приглушенном свете. «А как же теперь Ринди, — хотелось ей спросить, — что теперь будет?» Но она знала, что Кэрол и так вот-вот потеряет терпение и ответит ей что-то незначущее, либо не ответит вовсе. «В другой раз, — подумала Тереза, — не сейчас». Это могло уничтожить все, даже физическое ощущение тела Кэрол рядом с ней, а очертания фигуры Кэрол в черном свитере казались единственной материальной вещью в мире. Тереза провела большим пальцем по боку Кэрол, из-под руки к талии.

— Я помню, Харджа особенно раздражала наша с Эбби поездка в Коннектикут. Мы с ней поехали, чтобы купить кое-что для магазина. Это была всего лишь двухдневное путешествие, но он сказал: «За моей спиной. Надо вам было сбежать», — Кэрол произнесла это с горечью. И в ее голосе было больше самобичевания, чем подражания Харджу.

— Он все еще об этом упоминает?

— Нет. А о чем тут упоминать? Разве здесь есть, чем гордиться?

— А разве есть, чего стыдиться?

— Да. Ты же сама знаешь, разве нет? — спросила Кэрол ровным, отстраненным голосом. — В глазах всего мира это омерзительно.

Услышав, как она это произнесла, Тереза не сдержала улыбку.

— Ты сама в это не веришь.

— Зато верят те, кто похож на семью Харджа.

— Они — это не весь мир.

— А их вполне достаточно. И тебе в этом мире приходится жить. Именно тебе... и прямо сейчас я ничего не говорю о том, кого ты решила любить, — она посмотрела на Терезу, и та, наконец, увидела, как в ее глазах медленно занимается улыбка, возвращая с собой прежнюю Кэрол. — Я имею в виду обязательства перед обществом, в котором живут и другие люди, а не только ты. Сейчас для тебя это не так, и вот почему в Нью-Йорке я была категорически не тем человеком, с кем тебе стоит водить знакомство, потому что я тебя балую и не даю тебе повзрослеть.

— Так почему же ты это не прекратила?

— Я пыталась. Беда в том, что мне нравится тебя баловать.

— Ты как раз категорически тот человек, с которым мне нужно водиться, — сказала Тереза.

— Разве?

На улице Тереза сказала:

— Я не думаю, что Хардж будет в восторге, если узнает, что мы поехали вместе, так ведь?

— Он об этом не узнает.

— Ты все еще хочешь доехать до Вашингтона?

— Абсолютно, если у тебя будет время. Ты можешь отсутствовать весь февраль?

Тереза кивнула.

— Разве что получу какую-то весточку в Солт-Лейк-Сити. Я сказала Филу, чтобы писал туда. Но это вряд ли.

«Наверняка Фил даже не напишет», — подумала она. Но если у нее будет хоть малейший шанс получить работу в Нью-Йорке, ей придется вернуться.

— А ты поехала бы в Вашингтон без меня?

— По правде сказать, не поехала бы, — ответила Кэрол с легкой улыбкой.

Когда они вернулись вечером в гостиницу, в их номере было настолько жарко, что им пришлось ненадолго распахнуть окна настежь. Кэрол облокотилась о подоконник и принялась костерить на все лады жару к вящему удовольствию Терезы, называя ее саламандрой, потому что она может ее выдерживать. А потом Кэрол неожиданно спросила:

— Ну и что тебе вчера наговорил Ричард?

Тереза даже не знала, что Кэрол в курсе о последнем письме. О том, которое он обещал отправить в Миннеаполис и Сиэтл еще в своем чикагском письме.

— Ничего особенного, — ответила Тереза. — Так, письмо на одну страничку. Он все еще хочет, чтобы я ему писала. А я не собираюсь.

Она выбросила письмо, но помнила его наизусть.

«От тебя ничего не слышно, и я начинаю осознавать, каким же невероятным сгустком противоречий ты являешься. Ты такая чувствительная и в то же время бесчувственная, такая творческая личность — и в то же время так прозаична... Если твоя взбалмошная подруга бросит тебя без средств к существованию, дай мне знать, я приеду и заберу тебя. Это долго не продлится, Терри. Я немножко знаю о таких вещах. Я видел Денни, и он спрашивал, что от тебя слышно, чем ты занимаешься. Как бы тебе понравилось, если бы я ему рассказал? Я не сказал ничего, ради тебя, потому что думаю, что однажды ты будешь краснеть, вспоминая об этом. Я по-прежнему люблю тебя, я это признаю. Я приеду к тебе — и покажу тебе, на что похожа настоящая Америка — если я тебе безразличен настолько, что ты дашь себе труд написать и сказать об этом...»

Письмо было оскорбительным для Кэрол, и Тереза порвала его. Тереза сидела на кровати, обхватив руками колени, сжимая запястья в рукавах халата. Кэрол перестаралась с проветриванием, и в номере было холодно. Им завладели ветра Миннесоты, набрасываясь на

дым от сигареты Кэрол и разрывая его в исчезающие клочки. Тереза смотрела, как Кэрол спокойно чистит зубы над раковиной.

— Ты и в самом деле настроена не писать ему? Ты так решила?

— Да.

Тереза наблюдала, как Кэрол стряхнула воду с зубной щетки и отвернулась от раковины, промокая лицо полотенцем. Ничто из того, что касалось Ричарда, не значило для нее так много по сравнению с тем, как Кэрол вытирала лицо полотенцем.

— Давай больше ни о чем не говорить, — сказала Кэрол.

Она знала, что Кэрол больше ничего не скажет. Понимала, что Кэрол вплоть до этого самого момента подталкивала ее к Ричарду. А теперь казалось, что все это только подводило их к тому мигу, когда Кэрол повернулась и пошла к ней, и ее сердце рванулось ей навстречу.

Они двинулись на запад, через Слипи Ай, Трейси и Пайпстоун, иногда выбирая кружной путь, если им приходила такая фантазия. Запад расстилался перед ними, как волшебный ковер, испещренный аккуратными, компактными блоками — дом, амбар, силосная башня — которые начинали виднеться еще за полчаса до того, как им удавалось с ними поравняться. Как-то раз они остановились на одной ферме, чтобы спросить, могут ли они купить достаточно бензина, чтобы добраться до ближайшей заправки. Дом пах свежим холодным сыром. Их шаги на твердых коричневых досках пола звучали глухо и одиноко, и Тереза в приступе пылкого патриотизма подумала: «Это — Америка». На стене висело изображение петуха из разноцветных лоскутов, нашитых на черный фон, такое красивое, что было достойно выставляться в музее. Фермер предупредил их, что прямая дорога в западном направлении покрыта льдом, и они поехали по другому шоссе, которое вело на юг.

В один из вечеров, в городке под названием Су-Фолс, рядом с железной дорогой они обнаружили шатер цирка. Тамошние артисты не были большими профессионалами. А сидеть им пришлось на двух оранжевых ящиках в первом ряду. Один из акробатов пригласил их после представления в палатку к артистам и настоял на том, чтобы вручить Кэрол дюжину цирковых афиш, потому что она ими восхищалась. Некоторые из них Кэрол послала Ринди, а еще она отправила ей зеленого хамелеона в картонной коробке. Это был вечер, который Тереза никогда не забудет, и в отличие от многих таких вечеров, этот стал для нее незабываемым, пока все еще продолжался. Все дело было в одной на двоих пачке попкорна, в цирке и в том, что Кэрол поцеловала ее в ответ в какой-то кабинке в палатке, предназначенной для выступающих. Все дело было в особенном очаровании, что исходило от Кэрол — хотя Кэрол и воспринимала как должное то, как прекрасно они проводили время вместе — очаровании, которое, казалось, окутывало собой весь мир вокруг них. В том, что все шло превосходно, без разочарований или заминок, все просто было так, как они того желали.

Тереза вышла из цирка с опущенной головой, погруженная в свои мысли.

— Интересно, захочу ли я когда-нибудь создать что-то опять, — сказала она.

— Откуда такие мысли?

— Я хочу сказать — чего я всегда пыталась достичь, если не этого? Я счастлива.

Кэрол взяла ее за руку и сжала, так сильно нажав большим пальцем, что Тереза вскрикнула. Кэрол подняла глаза на дорожный указатель и сказала:

— Пятое шоссе и Небраска. Думаю, мы едем по этой дороге.

— Что произойдет, когда мы вернемся в Нью-Йорк? Не может ведь быть все по-прежнему, да?

— Может, — сказала Кэрол. — До тех пор пока ты от меня не устанешь.

Тереза рассмеялась. Она услышала, как тихонько трепещет на ветру краешек шарфа Кэрол.

— Мы, может, и не будем жить вместе, но все будет по-прежнему.

Они не смогут жить вместе с Ринди, поняла Тереза. Было бесполезно даже мечтать об этом. Но было более чем достаточно обещания Кэрол на словах, что все будет по-прежнему.

Неподалеку от границы Небраски с Вайомингом они остановились на обед в большом ресторане, построенном наподобие шалаша в вечнозеленом лесу. В большой столовой они практически были единственными посетителями и выбрали столик у камина. Они разложили карту и решили отправиться прямо в Солт-Лейк-Сити. Они могли бы остановиться там на несколько дней, сказала Кэрол, потому что место было интересным, и она устала вести машину.

— Ласк, — сказала Тереза, разглядывая карту. — Какое сексуальное название.

Кэрол откинула голову назад и рассмеялась.

— И где это?

— По этой дороге.

Кэрол подняла бокал с вином и спросила:

— Шато Неф-дю-Пап в Небраске. И за что мы выпьем?

— За нас.

Это было чем-то похоже на утро в Ватерлоо, подумалось Терезе — время слишком абсолютное и безупречное, чтобы казаться настоящим, хотя оно было настоящим, никоим образом не бутафорией в пьесе — их бокалы с бренди на каминной полке, ряд оленьих рогов над камином, зажигалка Кэрол, да и сам огонь. Но временами она чувствовала себя, как актриса, и вспоминала, кто она на самом деле есть, только изредка и с чувством удивления, словно в последние несколько дней играла чью-то чужую роль — роль того, кому сказочно и невероятно повезло. Она подняла голову и посмотрела на еловые ветки, закрепленные на стропилах, на мужчину с женщиной, неразлично разговаривавших за столиком у стены, на мужчину, сидевшего в одиночестве за своим столиком и неторопливо курившем сигарету. Ей вспомнился мужчина, сидевший с газетой в гостинице в Ватерлоо. Разве у него не были такие же бесцветные глаза и длинные морщины по углам рта? Или это только потому, что этот момент осознания был так похож на тот?

Они провели ночь в Ласке, что был в девяносто милях отсюда.

Глава 17

— Миссис Х.Ф. Эйрд? — администратор в гостинице взглянул на Кэрол, после того, как она подписала бланк регистрации. — Вы — миссис Кэрол Эйрд?

— Да.

— Для вас есть сообщение, — он развернулся и достал его из отделения для хранения бумаг. — Телеграмма.

— Благодарю. — Прежде чем ее раскрыть, Кэрол взглянула на Терезу, слегка приподняв брови. Читая, она нахмурилась, затем развернулась к служащему. — Где находится отель Бельведер?

Он объяснил дорогу.

— Мне нужно забрать еще одну телеграмму, — сказала Кэрол Терезе. — Не хочешь подождать здесь, пока я за ней схожу?

— От кого?

— От Эбби.

— Ладно. Плохие новости?

Ее взгляд все еще был хмурым.

— Пока не увижу, не пойму. Эбби просто сообщает, что телеграмма ожидает меня в Бельведере.

— Мне сказать, чтобы багаж подняли в номер?

— Нет, просто подожди. Машина на парковке.

— Почему я не могу пойти с тобой?

— Конечно, пойдём, если хочешь. Давай пройдемся пешком. Это лишь в паре кварталов отсюда.

Кэрол шла быстро. Холодный воздух обжигал. Тереза глядела по сторонам на широко раскинувшийся, аккуратный город, и вспомнила, как Кэрол говорила, что Солт-Лейк-Сити — самый чистый город в Америке. Когда «Бельведер» оказался в поле зрения, Кэрол вдруг посмотрела на нее и сказала:

— Возможно, Эбби осенила дивная идея, и она решила прилететь и присоединиться к нам.

В «Бельведере» Тереза купила газету, а Кэрол пошла к стойке регистрации. Когда Тереза обернулась в ее сторону, Кэрол как раз опускала прочитанную телеграмму, и на лице ее застыло ошеломленное выражение. Она медленно пошла к Терезе, и у той промелькнула мысль, что Эбби умерла, а эта вторая телеграмма — от ее родителей.

— Что случилось? — спросила Тереза.

— Ничего. Еще не знаю, — Кэрол осмотрелась по сторонам и пристукнула телеграммой по пальцам. — Мне нужно позвонить. Это может занять несколько минут. — Она посмотрела на свои часики.

Было без четверти два. Служащая гостиницы сообщила, что возможно, она сможет связаться с Нью Джерси в течение двадцати минут. А пока Кэрол захотела выпить. Они нашли гостиничный бар.

— Что там такое? Эбби заболела?

Кэрол улыбнулась.

— Нет. Расскажу позже.

— Что-то с Ринди?

— Нет! — Кэрол допила свой бренди.

Тереза бродила по вестибюлю отеля взад и вперед, пока Кэрол была в телефонной кабинке.

Она увидела, как Кэрол несколько раз медленно кивнула, увидела, как она возится с зажигалкой, но к тому времени, как Тереза подошла к ней, чтобы помочь, Кэрол уже справилась сама и жестом отогнала ее. Кэрол проговорила три или четыре минуты, а потом вышла и оплатила счет.

— Что там такое, Кэрол?

Какое-то время Кэрол стояла и смотрела на дверь гостиницы.

— Мы сейчас пойдем в гостиницу Темпл Сквер.

Там они получили еще одну телеграмму. Кэрол распечатала ее, просмотрела, и тут же порвала, пока они шли к выходу.

— Думаю, на ночь мы здесь не останемся, — сказала Кэрол. — Давай возвращаться к машине.

Они пошли назад, к гостинице, где Кэрол получила первую телеграмму. Тереза ничего не говорила, но она чувствовала, что произошло что-то, из-за чего Кэрол нужно было немедленно возвращаться домой. Кэрол велела гостиничному клерку отменить бронирование их номера.

— Если для меня будут какие-то сообщения, я бы хотела, чтобы их переслали на другой адрес, — сказала она. — В «Браун Пэлэс» в Денвере.

— Как пожелаете.

— Большое вам спасибо. Это распоряжение действует, по крайней мере, в течение следующей недели.

В машине Кэрол спросила:

— Какой здесь следующий город к западу?

— К западу? — Тереза посмотрела на карту. — Вендовер. Вот этот перевал. Сто двадцать семь миль.

— Господи! — внезапно выдохнула Кэрол. Она остановила машину полностью, взяла карту и посмотрела на нее.

— А как же Денвер? — спросила Тереза.

— Я не хочу ехать в Денвер, — Кэрол сложила карту и погнала машину вперед. — Хотя, мы в любом случае там окажемся. Зажги мне сигарету, дорогая, пожалуйста? И приглядывай следующее местечко, где мы сможем перекусить.

Она еще не обедали, а было уже больше трех часов. Они говорили об этом участке дороги прошлым вечером, о прямой дороге на запад от Солт-Лейк-Сити, что пересекала пустыню Большого соленого озера. Тереза заметила, что они заправились под завязку, хотя штат, скорее всего, не был полностью безлюдным. А вот Кэрол устала. Они ехали с шести утра. Кэрол вела машину быстро. Время от времени она вжимала педаль газа в пол и долго ее так держала, пока не отпускала.

Тереза взглянула на нее с опаской. Она чувствовала, что они от чего-то убегают.

— За нами никого нет? — спросила Кэрол.

— Нет.

На сиденье между ними Тереза видела уголок телеграммы, торчавшей из сумочки Кэрол. «ПОНЯТНО ТЕБЕ, ДЖАКОПО» — вот и все, что она могла прочесть. Она вспомнила, что Джакопо звали обезьянку, болтавшуюся в багажнике автомобиля.

Они подъехали к кафе на заправке, стоявшему обособленно, как нарост посреди плоского пейзажа. Они, наверное, стали первыми людьми за несколько дней, кто в него заглянул. Кэрол посмотрела на нее через покрытый белой клеенкой стол и откинулась на ровную спинку стула. Прежде чем она смогла заговорить, пожилой мужчина в фартуке вышел из кухни позади них и сообщил, что кроме ветчины и яиц ничего нет, так что они заказали ветчину, яйца и кофе. Потом Кэрол зажгла сигарету и подалась вперед, глядя в стол.

— Хочешь знать, что произошло? — спросила она. — Хардж нанял частного детектива, и он следит за нами от самого Чикаго.

— Детектива? Зачем?

— А ты не догадываешься? — слова Кэрол были чуть громче шепота.

Тереза прикусила язык. Да, могла бы и догадаться. Хардж узнал, что они путешествуют вдвоем.

— Тебе Эбби рассказала?

— Эбби это выяснила, — пальцы Кэрол соскользнули к краешку сигареты, и огонь обжег ее. Когда она разжала зубы и отвела сигарету в сторону, на губе проступила кровь.

Тереза оглянулась по сторонам. В кафе было пусто.

— Следит за нами? — переспросила она. — Едет за нами?

— Он может быть сейчас в Солт-Лейк-Сити. Проверяет отели. Это очень грязная работа, дорогая. Мне так жаль, так жаль, так жаль.

Кэрол с беспокойством откинулась на сиденье.

— Может быть, лучше я посажу тебя на поезд и отправлю домой.

— Хорошо, если ты считаешь, что это лучший вариант.

— Тебя нельзя в это впутывать. Пускай себе следят за мной до самой Аляски, если им так нравится. Я не знаю, что они уже выяснили. Не думаю, что много.

Тереза застыла на краешке стула.

— А что он делает — собирает о нас сведения?

Пожилый мужчина вернулся и принес им стаканы с водой.

Кэрол кивнула.

— А еще есть штуки с диктофоном, — сказала она, когда мужчина отошел. — Я не уверена, найдут ли они настолько далеко. Не уверена, что Хардж на такое пойдет, — уголок ее рта дрожал. Она уставилась на пятно на вытертой белой клеенке. — Вот интересно, было ли у них время организовать подслушку в Чикаго? Это единственное место, где мы останавливались дольше, чем на десять часов. Хочется надеяться, что да. Такая ирония. Помнишь Чикаго?

— Конечно, — она пыталась говорить спокойно и ровно, но это было деланное спокойствие, точно также можно было притворяться, что сохраняешь самообладание, когда то, что ты любил, умерло у тебя глазах. Им придется расстаться здесь.

— А что насчет Ватерлоо? — она внезапно подумала о том мужчине в вестибюле.

— Мы приехали туда поздно вечером. Это было бы сложно.

— Кэрол, я кого-то видела... я не уверена, но думаю, я видела его дважды.

— Где?

— Первый раз в вестибюле гостиницы в Ватерлоо. Утром. А потом я подумала, что видела того же самого мужчину в том ресторане с камином.

Они были там всего-навсего вчера — в ресторане с камином.

Кэрол заставила ее подробно описать оба раза и самого мужчину в подробностях. Его было трудно описать. Но теперь она вывернула наизнанку мозг, чтобы вспомнить все до последней детали, даже цвет его ботинок. И это было так странно и пугающе — вытаскивать на поверхность то, что, возможно, было только фрагментом ее воображения и пытаться связать его с реальными событиями. Она чувствовала, что может быть, даже вводит Кэрол в заблуждение, глядя, как ее глаза становились все напряженнее и напряженнее.

— Что думаешь? — спросила Тереза.

Кэрол вздохнула.

— А что тут можно думать? Просто гляди в оба, чтобы заметить его в третий раз.

Тереза опустила глаза на свою тарелку. Невозможно было хоть что-нибудь съесть.

— Речь идет о Ринди, да?

— Да, — Кэрол положила вилку, даже не притронувшись к еде, и потянулась за сигаретой. — Хардж хочет ее... полностью. Может, вот с этим он считает, что сможет этого добиться.

— Только потому, что мы путешествуем вместе?

— Да.

— Мне нужно оставить тебя.

— Будь он проклят, — сказала Кэрол спокойно, глядя куда-то в угол комнаты.

Тереза ждала. Но чего тут было ждать?

— Я могу сесть где-нибудь тут на автобус, а потом на поезд.

— Ты хочешь уехать? — спросила Кэрол.

— Конечно, не хочу. Просто думаю, что так будет лучше.

— Ты боишься?

— Боюсь? Нет. — Она чувствовала, что глаза Кэрол смотрят на нее так же оценивающе и жестко, как в тот миг в Ватерлоо, когда она сказала Кэрол, что любит ее.

— Тогда будь я проклята, если ты уедешь. Я хочу, чтобы ты была со мной.

— Ты действительно этого хочешь?

— Да. Доедай яичницу. И прекрати быть такой глупышкой, — Кэрол даже чуть улыбнулась. — Мы поедем в Рино, как и собирались?

— Да куда угодно.

— И давай не будем спешить.

Чуть погодя, когда они уже выехали на дорогу, Тереза снова сказала:

— Знаешь, я все еще не уверена, что во второй раз это был тот же самый человек.

— Думаю, ты уверена, — сказала Кэрол. Затем внезапно на длинном прямом шоссе она остановила машину. Какое-то мгновение она сидела молча, глядя на дорогу. Потом взглянула на Терезу. — Я не могу поехать в Рино. Это даже немного смешно. Я знаю восхитительное место как раз к югу от Денвера.

— Денвера?

— Денвера, — сказала Кэрол твердо и развернула машину в противоположную сторону.

А УТРОМ ОНИ ЛЕЖАЛИ в объятиях друг друга еще долго после того, как в номер стало заглядывать солнце. Солнце согрело их сквозь окно гостиницы в крохотном городке, названия которого они даже не заметили. Снаружи на земле лежал снег.

— Снег будет и в Эстес-парке, — сказала ей Кэрол.

— А что такое Эстес-парк?

— Тебе там понравится. Он не похож на Йеллоустоун. Открыт круглый год.

— Кэрол, ты не беспокоишься, нет?

Кэрол прижала ее к себе.

— Я что, веду себя так, будто беспокоюсь?

И Тереза не беспокоилась. Та, первая паника уже развеялась. Она оглядывалась по сторонам, но уже не так, как вчера днем, когда они только уехали из Солт-Лейк-Сити. Кэрол хотела, чтобы она была с ней, и что бы ни произошло, они не станут убегать и встретят это лицом к лицу. «Да и как можно было бояться — и любить», — подумала Тереза. Эти чувства вместе не сочетались. Как можно было бояться, если вдвоем они становились все сильнее день ото дня? И ночь за ночью. Каждая ночь была неповторимой, и каждое утро тоже. Воплощенное чудо, принадлежащее им двоим.

Дорога в Эстес-парк спускалась под гору. Сугробы на обочинах громоздились все выше и выше, а потом появились гирлянды огней, увивавшие еловые деревья и переброшенные над дорогой. Деревушка состояла из коричневых бревенчатых домиков, магазинов и гостиниц. Играла музыка, и люди прохаживались по ярко освещенным улицам, запрокинув головы, словно зачарованные.

— Мне здесь нравится, — сказала Тереза.

— Это не значит, что ты можешь перестать выглядывать нашего маленького друга.

Они принесли в номер портативный фонограф и послушали несколько пластинок, которые только что приобрели, и еще несколько старых, из Нью Джерси. Тереза пару раз ставила «Жизнь легка», а Кэрол устроилась на той стороне номера и смотрела на нее, присев на подлокотник кресла и сложив руки на груди.

— Тебе со мной сплошное мучение, так ведь?

— Ох, Кэрол... — Тереза попыталась улыбнуться. Это просто у Кэрол было такое настроение, всего на миг. Но оно заставило Терезу почувствовать себя беспомощной.

Кэрол обернулась и глянула на окно.

— И почему мы сразу не поехали в Европу? В Швейцарию. Или, по крайней мере, не прилетели сюда на самолете?

— Мне бы это совсем не понравилось, — Тереза посмотрела на желтую замшевую рубашку, купленную для нее Кэрол и висевшую сейчас на спинке стула. Ринди Кэрол послала такую же — зеленую. Она купила несколько серебряных сережек, пару книг и бутылку апельсинового ликера. Полчаса назад они были счастливы бродить по улицам вместе.

— Это все последняя порция виски, которую ты выпила внизу, — сказала Тереза. — Виски вгоняет тебя в тоску.

— Правда?

— Еще сильнее, чем бренди.

— Я хочу отвезти тебя в самое прекрасное место, которое я знаю по эту сторону от Солнечной долины, — сказала она.

— А с Солнечной долиной что не так? — она знала, что Кэрол любила кататься на лыжах.

— Солнечная долина — это не то, — загадочно ответила Кэрол. — Мое место рядом с Колорадо Спрингс.

В Денвере Кэрол остановилась у ювелира и продала свое обручальное кольцо с бриллиантом. Тереза немного забеспокоилась, но Кэрол сказала, что кольцо для нее ничего не значило, и что она все равно терпеть не могла бриллианты. И это было быстрее, чем обращаться в банк за деньгами. Кэрол хотела остановиться в гостинице в нескольких милях от Колорадо Спрингс, где она бывала раньше, но передумала почти сразу, как только они туда добрались. Здесь все слишком напоминало курорт, сказала она, так что они отправились в гостиницу на окраине, с видом на горы.

Их номер был длинным — от двери и до квадратных окон, начинавшихся от пола и выходивших в сад, а за садом — на красные и белые горы. Сад был чуть припорошен снегом — странные каменные пирамидки, белая не то скамья, не то стул — и весь сад выглядел несуразно по сравнению с великолепным пейзажем, окружавшим его — плоским разворотом равнины, поднимавшимся выше, туда, где гора за горой заполняла горизонт, раскидываясь на полмира. Мебель в номере была светлой, почти под цвет волос Кэрол, а еще там был книжный шкаф, такой гладкий на ощупь, что лучшего и желать было нельзя, а в нем — несколько хороших книг попеременно с плохими, и Тереза знала, что ни одну из них не прочтет, сколько бы времени они с Кэрол здесь ни провели. Картина, изображавшая женщину в большой черной шляпе и красном шарфе, висела над книжным шкафом, а на стене рядом с дверью была растянута шкура из коричневой кожи — не настоящего зверя, а вырезанная кем-то из куска коричневой замши. Над шкурой висел оловянный фонарь со свечой внутри. Кэрол сняла и соседний номер, соединявшийся с их номером смежной дверью, но они туда даже чемоданы не отнесли. Они планировали пробыть здесь неделю или дольше, если им здесь понравится.

Утром второго дня Тереза вернулась с прогулки по окрестностям гостиницы и обнаружила Кэрол согнувшейся у прикроватной тумбочки. Кэрол только глянула на нее — и пошла к туалетному столику, заглянула под него, а потом к длинному встроенному шкафу за стеной панелью.

— Вот так вот, — сказала Кэрол. — И хватит об этом.

Тереза поняла, что она искала.

— Я об этом не подумала, — сказала она. — У меня такое чувство, что мы от него оторвались.

— Если не считать того, что к этому времени он, возможно, добрался до Денвера, — спокойно проговорила Кэрол. Она улыбнулась, но улыбка вышла чуточку кривой. — И очень может быть, что он заскочит и сюда.

Конечно, это было возможно. Существовал крохотный шанс, что детектив заметил их, когда они возвращались через Солт-Лейк-Сити, и последовал за ними. А если он не нашел их в Солт-Лейк, то мог навести справки в гостиницах. Она понимала, почему Кэрол указала адрес в Денвере — именно потому, что они туда ехать не собирались. Тереза бухнулась в кресло и посмотрела на Кэрол. Та дала себе труд поискать диктофон, но ее поведение было беспечным. Она напрашивалась на неприятности даже тем, что приехала сюда. И объяснение, разрешение этим противоречиям можно было найти только в самой Кэрол — нерешительной, мятущейся; в ее медленных, беспокойных шагах, которыми она прошла к двери и развернулась; в беспечном движении, которым она вскинула голову и в неровной линии ее бровей, которые в один момент выдавали раздражение, а в следующий — излучали полную безмятежность. Тереза обвела взглядом большую комнату, глянула на высокий потолок, на большую, квадратную, простую кровать. Номер, при всей своей современности, выглядел до смешного старомодно, сама атмосфера в нем вызывала у нее ассоциации с американским Западом, как и те гигантские

ковбойские седла, которые она видела в конюшне внизу. А еще — специфическая чистота. И все-таки, Кэрол искала диктофон. Тереза смотрела, как та возвращается к ней, все еще в халате поверх пижамы. Ее первым порывом было подойти к ней, сжать ее в объятиях и опустить на кровать, и тот факт, что она этого не сделала, оставил ее напряженной и взбудораженной, наполнил ее подавленным и шальным весельем.

Кэрол выдохнула дым в воздух.

— Да мне плевать. Надеюсь, газеты разузнают об этом и перемоют Харджу все кости. Надеюсь, что он выбросит пятьдесят тысяч долларов на ветер. Хочешь сегодня днем отправиться в такую поездку, что никаких слов не хватит, чтобы ее описать? Ты уже пригласила миссис Френч?

Они познакомились с миссис Френч прошлым вечером в игровой комнате гостиницы. У той не было автомобиля, и Кэрол спросила, не хочет ли она проехаться с ними сегодня.

— Я ее пригласила, — ответила Тереза. — Она сказала, что будет готова сразу после ланча.

— Надень свою замшевую рубашку, — Кэрол взяла лицо Терезы в ладони, сжала щеки и поцеловала. — Надень ее сейчас.

Это было шести- или семичасовое путешествие на золотой прииск Крипл Крик, через перевал Юты и вниз по горе. Миссис Френч поехала с ними и всю дорогу проболтала. Ей было около семидесяти, у нее был мерилендский акцент и слуховой аппарат, и она была готова вылезать из машины, где угодно, и карабкаться, куда скажут, хотя без посторонней помощи и шагу ступить не могла. Тереза о ней очень беспокоилась, хоть ей и абсолютно не нравилось к ней прикасаться. Она боялась, что если миссис Френч упадет, то рассыплется на тысячу кусочков. Кэрол и миссис Френч разговаривали о штате Вашингтон, который миссис Френч хорошо знала, потому что прожила там последние несколько лет с одним из своих сыновей. Кэрол задала ей несколько вопросов, и миссис Френч поведала ей все о тех десяти годах, которые она провела в путешествиях после смерти мужа, и о своих двух сыновьях — один жил в Вашингтоне, а другой на Гавайях и работал в компании, выращивавшей ананасы. И конечно миссис Френч преисполнилась обожания к Кэрол, и они теперь будут видеться с миссис Френч намного чаще. Было уже почти одиннадцать вечера, когда они вернулись в гостиницу. Кэрол спросила миссис Френч, не хочет ли та поужинать с ними в баре, но миссис Френч ответила, что она слишком устала для чего бы то ни было, кроме пшеничных хлопьев и горячего молока, которыми поужинает у себя в номере.

— Как я рада, — сказала Тереза после того, как она ушла. — Я лучше побуду с тобой наедине.

— Правда, мисс Беливет? И что вы этим хотите сказать? — спросила Кэрол, открывая дверь бара. — Ну-ка, присядьте и расскажите мне, расскажите мне все.

Но вдвоем в баре они пробыли не больше пяти минут.

Двое мужчин, один, которого звали Дейв, и второй, чьего имени Тереза до сих пор не знала, и совершенно не стремилась узнать, подошли и попросили разрешения присоединиться к ним. Это были те самые двое, которые подходили к ним прошлым вечером в игровой комнате гостиницы и приглашали их с Кэрол поиграть в кункен^[20]. Прошлым вечером Кэрол им отказала. А теперь она ответила:

— Конечно, присаживайтесь.

Кэрол и Дейв завели разговор, который звучал очень интересно, но Тереза со своего места не могла нормально в нем участвовать. А мужчина, сидевший рядом с ней, хотел говорить о чем-то другом — о конной прогулке по Стимбоут Спрингс, с которой он только что вернулся. После ужина Тереза поджидала, что Кэрол подаст знак уходить, но та все еще была глубоко погружена в разговор. Тереза где-то читала о том, что люди могут получать особое удовольствие

от того, что тот, кого они любят, выглядит привлекательно и в глазах окружающих. Так вот, она этого чувства абсолютно не испытывала. Кэрол время от времени поглядывала на нее и даже подмигнула. Так что Тереза просидела там полтора часа и умудрилась соблюсти приличия, потому что знала, что этого хочет Кэрол.

Люди, которые присоединялись к ним в баре или иногда в столовой, не раздражали ее так сильно, как миссис Френч, которая теперь почти каждый день разъезжала с ними на автомобиле по разным местам. И тогда злая обида, которой она на самом деле стыдилась, стала подниматься в Терезе, потому что кто-то не давал ей побыть с Кэрол наедине.

— Дорогая, а ты не задумывалась, что тебе тоже когда-нибудь стукнет семьдесят один?

— Нет, — ответила Тереза.

Но были и другие дни, когда они уезжали в горы вдвоем, по первой попавшейся дороге. Как-то они попали в маленький городок, где им понравилось, и остались там ночь — без пижам, без зубных щеток, без прошлого или будущего; и ночь эта стала еще одним островком во времени, застыла в глубине ее памяти, неизменная и абсолютная. «А может быть, это было не что иное, как счастье, — подумалось Терезе, — совершенное счастье, которое так редко можно было встретить, настолько редко, что очень немногие люди когда-либо познали его». И даже если это было простое счастье, оно уже вышло за обычные рамки и стало чем-то другим, переполнило ее настолько, что вес кофейной чашки в ее руке, скорость кота, пробегающего по саду внизу, беззвучное столкновение двух облаков стало намного большим, чем она могла вынести. И точно так же, как месяц назад она не понимала, почему на нее свалилось внезапное счастье, сейчас она не понимала собственного состояния, которое казалось его отголосками. Ей чаще было больно, чем приятно, и она уже боялась, что это какой-то мрачный и присущий только ей недостаток. Иногда она так боялась, словно ходила со сломанным позвоночником. И если ей и хотелось в какой-то момент рассказать Кэрол, то слова растворялись прежде, чем она успевала начать — от страха и ее обычного недоверия собственным реакциям, и от опасений, что раз ее реакции не такие, как у других, то даже Кэрол их не поймет.

По утрам они обычно поднимались в горы на машине и оставляли ее, чтобы подняться на вершину. Они бесцельно кружили по извилистым дорогам, которые были похожи на белые, проведенные мелом линии, соединяющие точку на одной горе с точкой на другой. Издали можно было видеть облака, лежащие у выступающих пиков, так что иногда казалось, что они парят в пространстве, чуть ближе к небесам, чем к земле. Любимое место Терезы было на шоссе у Крипл Крик, где дорога внезапно примыкала к краю гигантского оползня. В сотнях футов внизу немного беспорядочно раскинулся заброшенный шахтерский поселок. Здесь глаза и мозг играли друг с другом шутки, и невозможно было сохранить постоянное восприятие пропорций, невозможно было сравнивать их ни с какой человеческой меркой. Ее собственная вытянутая вперед рука могла выглядеть то микроскопической, то забавно гигантской. И сам поселок занимал только крохотную часть огромной котловины, как частный случай, единичное заурядное событие, помещенное в своего рода неизмеримый простор разума. Взгляд, дрейфуя в пространстве, возвращался, чтобы отдохнуть на этом пятнышке, которое выглядело словно коробка спичек, раздавленная автомобилем, рукотворная нелепица маленького городка.

Тереза постоянно высматривала мужчину со складками у рта, а вот Кэрол — нет. Кэрол о нем даже не упоминала с той самой секунды в Колорадо Спрингс, а ведь с тех пор прошло десять дней. Ресторан гостиницы пользовался популярностью, новые люди каждый вечер входили в большую столовую, и Тереза всегда поглядывала по сторонам, на самом деле не особо ожидая увидеть его, но из своего рода предосторожности, которая вошла у нее в привычку. А вот Кэрол не обращала внимания ни на кого, кроме Уолтера, их официанта, который всегда подходил, чтобы спросить, какой коктейль они желают заказать сегодня вечером. Многие

посетители, тем не менее, смотрели на Кэрол, потому что она была самой привлекательной женщиной в комнате. И Терезе так нравилось быть с ней, она ею так гордилась, что сама кроме Кэрол никого не видела. А пока она читала меню, Кэрол медленно прижимала ее ногу под столом, заставляя улыбнуться.

— Как ты думаешь, не поехать ли нам летом в Исландию? — могла спросить Кэрол, потому что они договорились беседовать о путешествиях, если в столовой было тихо, когда они усаживались за столик.

— Тебе обязательно выбирать такие холодные края? И когда же я работать буду?

— Не будь такой мрачной. И не пригласить ли нам миссис Френч? Думаешь, она будет возражать, если мы будем держаться за руки?

Однажды утром пришли три письма — от Ринди, Эбби и от Денни. Это было второе письмо, полученное Кэрол от Эбби, в прошлом не было никаких новостей, и Тереза заметила, что Кэрол открыла письмо Ринди первым. Денни написал, что все еще ожидает результата двух собеседований о работе и сообщил, что, по словам Фила, Харкви собирается в марте делать декорации для английской пьесы под названием «Слабое сердце».

— Только послушай, — сказала Кэрол. — *«Ты видела броненосцев в Колорадо? Можешь прислать мне одного, потому что хамелеон потерялся? Мы с папочкой искали его по всему дому. Но если ты пришлешь мне броненосца, он будет большой и не потеряется.»*

Новый абзац. Я получила 90 по правописанию и только 70 по арифметике. Я ее ненавижу. И учителя ненавижу. Ну, мне пора заканчивать. Люблю тебя и Эбби. Ринди. ХХ.

P.s. Спасибо тебе большое за кожаную рубашку. Папочка купил мне на Рождество двухколесный велосипед, как для взрослых, но сказал, что я для него слишком маленькая. А я не слишком маленькая. Это красивый велосипед. И точка. А толку? Хардж меня всегда заставит слушаться».

Кэрол отложила письмо и взяла письмо Эбби.

— Почему Ринди написала «Люблю тебя и Эбби»? — спросила Тереза. — Она думает, что ты с Эбби?

— Нет. — Деревянный нож для разрезания конвертов замер на полпути. — Я полагаю, она думает, что я ей пишу, — ответила Кэрол и закончила разрезать конверт.

— Я хочу сказать, Хардж не стал бы ей говорить, правда?

— Нет, дорогая, — рассеянно ответила Кэрол, читая письмо Эбби.

Тереза поднялась, пересекла номер и встала у окна, рассматривая горы. Этим вечером она должна написать письмо Харкви, подумала она, и спросить у него, есть ли какой-нибудь шанс получить в марте работу ассистента в его группе. Она начала составлять письмо у себя в голове. Горы глядели на нее, словно величественные, смотрящие свысока, рыжие львы. Дважды она слышала смех Кэрол, но та ничего не прочитала ей вслух из этого письма.

— Никаких новостей? — спросила Тереза, когда та закончила.

— Никаких новостей.

Кэрол учила ее водить машину на дороге у подножия горы, где почти никогда не проезжали другие автомобили. Тереза училась быстрее, чем всему, чему ей случалось учиться до сих пор, и через несколько дней Кэрол пустила ее за руль по дороге в Колорадо Спрингс. В Денвере она сдала экзамен и получила права. Кэрол сказала, что она сможет проехать половину обратного пути в Нью Йорк, если захочет.

Он сидел за столиком слева и сзади от Кэрол — собственной персоной, в один из вечеров во время, когда в ресторане подавали обед. Тереза поперхнулась воздухом и отложила вилку. Ее сердце заколотилось так, словно могло вырваться из груди наружу. Да как же она могла досидеть до середины обеда и не заметить его? Она подняла глаза к лицу Кэрол и увидела, что

та смотрит на нее, читает ее своими серыми глазами, которые были уже не такими спокойными, как секунду назад. Кэрол прервалась на полуслове.

— Возьми сигарету, — сказала Кэрол, протянула ей одну и поднесла огонек. — Он ведь не знает, что ты его можешь распознать, так?

— Нет.

— Ну, так и не позволяй ему догадаться. — Кэрол улыбнулась, закурила свою сигарету и посмотрела в противоположную от детектива сторону. — Просто успокойся, — добавила Кэрол тем же тоном.

Это было легко сказать, легко думать, что она сможет смотреть на него, когда увидит его рядом, но какой был толк даже попробовать, если это смахивало на то, будто тебе в лицо выстрелили пушечным ядром?

— Неужели беже с мороженым сегодня нет? — спросила Кэрол, глядя в меню. — Это разбивает мне сердце. Знаешь, что мы сегодня закажем? — она подозвала официанта. — Официант!

Подошел улыбающийся Уолтер, жаждущий им услужить, как и каждый вечер.

— Да, мадам.

— Два Реми Мартен, пожалуйста, Уолтер, — сказала ему Кэрол.

Но в итоге коньяк не особо помог. Детектив на них ни разу не посмотрел. Он читал книгу, которую опер на металлическую подставку для салфеток, и даже сейчас Тереза сомневалась, так же сильно, как и в кафе в окрестностях Солт-Лейк-Сити, и эта неопределенность была еще ужаснее, чем если бы они были полностью уверены, что он и есть детектив.

— Нам придется пройти мимо него, Кэрол? — спросила Тереза. Позади нее была дверь в бар.

— Да. Это единственный путь наружу, — Кэрол улыбнулась и приподняла брови, в точности, как и в любой другой вечер. — Он нам ничего не сделает. Ты что, ожидаешь, что он вытащит пистолет?

Тереза пошла за ней следом, прошла в двенадцати дюймах от мужчины, чья голова была опущена к книге. Она увидела, как впереди фигура Кэрол изящно склонилась, когда та поприветствовала миссис Френч, сидевшую за столом в одиночестве.

— Почему же вы не подошли и не присоединились к нам? — спросила Кэрол, и Тереза вспомнила, что две женщины, с которыми миссис Френч обычно сидела, сегодня уехали.

Кэрол даже постояла несколько минут, беседуя с миссис Френч, и Тереза восхищалась ею, но сама она не могла там оставаться и прошла вперед, чтобы подождать Кэрол у лифтов.

Наверху, в номере, Кэрол обнаружила маленькое устройство, закрепленное в уголке под прикроватной тумбочкой. Кэрол вытащила ножнички, сжала их двумя руками и перерезала провод, уходивший под ковер.

— Его впустил кто-то из персонала, как ты думаешь? — в ужасе спросила Тереза.

— Скорее всего, он подобрал ключ. — Кэрол выдернула эту штуку из-под тумбочки и бросила на ковер — маленькую черную коробочку с торчащим хвостиком провода. — Только посмотри — вылитая крыса! — сказала она. — Портрет Харджа, — ее лицо внезапно покраснело.

— Куда идет провод?

— В какой-нибудь номер, где все и записывается. Вероятно, через коридор. Благословим же эти модные ковры от стенки до стенки!

Кэрол пнула диктофон на середину комнаты.

Тереза посмотрела на прямоугольную коробочку и подумала о том, как прошлой ночью она впитывала их слова.

— Интересно, сколько это пробыло здесь?

— А сколько, как ты думаешь, он мог пробыть здесь, пока ты его не заметила?

— В худшем случае — со вчерашнего дня, — но даже произнося это, она понимала, что ошибается. Она не могла видеть каждое лицо в гостинице.

И Кэрол тоже покачала головой.

— Неужели ему потребовалось две недели, чтобы проследить наш путь от Солт-Лейк-Сити сюда? Нет, он просто решил сегодня с нами пообедать. — Кэрол повернулась от книжного шкафа с бокалом коньяка в руке. Румянец сошел с ее лица. Теперь она даже чуть улыбнулась Терезе. — Вот недотепа, правда? — она присела на кровать, пододвинула подушку под спину и откинулась назад. — Ну что ж, мы пробыли здесь достаточно долго, да?

— Когда ты хочешь уехать?

— Может быть, завтра. Мы упакуем вещи утром и отправимся после обеда. Что скажешь?

Позже они спустились к машине и в темноте проехали в западном направлении. «Мы больше не поедem на запад», — подумала Тереза. Она не могла подавить плясавшую у нее глубоко внутри панику, которую она чувствовала из-за чего-то давно прошедшего, из-за того, что случилось уже давно, не сейчас и не здесь. Ей было не по себе, а вот Кэрол — нет. Кэрол не просто притворялась спокойной, она на самом деле не боялась. Кэрол сказала, мол, что он, в конце концов, может сделать? Ей просто не хотелось, чтобы за ней шпионили.

— И еще одно, — сказала Кэрол. — Постарайся заметить, какая у него машина.

В тот вечер, когда они разговаривали над картой об их завтрашнем маршруте, разговаривали, как ни в чем не бывало, как двое незнакомцев, Тереза подумала, что наверняка их сегодняшняя ночь не будет похожей на прошлую. Но когда они поцеловались в постели, желая друг другу спокойной ночи, Тереза почувствовала их внезапное освобождение, толкнувшуюся в них обеих ответную реакцию, словно их тела были сделаны из таких материалов, которые, соприкасаясь, неизбежно порождали желание.

ТЕРЕЗА НЕ СМОГЛА УЗНАТЬ, какая у него была марка машины из-за того, что все автомобили стояли в отдельных запертых гаражах, и хотя из окон солярия открывался вид на эти гаражи, она не видела, чтобы он выходил утром. Не видели они его и на завтраке.

Миссис Френч настояла, чтобы они зашли к ней на рюмочку наливки, когда услышала, что они уезжают.

— Должны же вы выпить на дорожку, — сказала миссис Френч Кэрол. — И почему это я до сих пор не взяла ваш адрес!

Тереза вспомнила, что они обещали обмениваться луковицами цветов. Она припомнила долгую беседу в машине в один из дней о луковицах, которые скрепят их дружбу. Кэрол отнеслась к этому с невероятным терпением. Глядя на Кэрол, сидящую на диване с бокальчиком, который миссис Френч наполняла и наполняла, никто бы не догадался, что Кэрол спешит уехать. Миссис Френч поцеловала их обеих в щеку, когда они прощались.

Из Денвера они выехали по шоссе, ведущему на север, к Вайомингу. Они остановились, чтобы выпить кофе в местечке, похожем на те, которые им всегда нравились — в обычном ресторанчике со стойкой и музыкальным автоматом. Они опустили в автомат монетки, но все было не так, как прежде. Тереза понимала, что остаток путешествия и не может быть прежним, хотя Кэрол все еще говорила о поездке в Вашингтон, а может быть, и в Канаду. Но Тереза чувствовала, что Кэрол нацелилась на Нью-Йорк.

Первую ночь они провели в туристическом лагере, который был построен из стоящих по кругу вигвамов. Когда они раздевались, Кэрол посмотрела вверх, на потолок, где поддерживающие вигвам жерди сходились в одну точку и скучаяще произнесла: «Не поленились же какие-то идиоты это соорудить», и почему-то это показалось Терезе невероятно смешным. Она смеялась до тех пор, пока Кэрол это не надоело, и она не пригрозила, что заставит ее выпить стакан коньяка, если она не остановится. И Тереза все еще улыбалась, стоя у окна со стаканом коньяка в руке и поджидая, пока Кэрол выйдет из душа, когда увидела, как к большому вигваму, в котором располагалась администрация лагеря, подъехал и остановился автомобиль. Через некоторое время вошедший в офис мужчина вышел наружу и заглядывался по сторонам, из темноты внутри круга вигвамов, и его крадущаяся походка стала тем, что привлекло внимание Терезы. Она вдруг уверилась, не видя его лица, даже ясно не различая его фигуры, что это был детектив.

— Кэрол! — позвала она.

Кэрол рывком отодвинула занавеску душа в сторону, глянула на нее и прекратила вытираться.

— Это что?...

— Я не знаю, но думаю, да, — ответила она и увидела, как гнев медленно наползает на лицо Кэрол и делает его жестким. Шок заставил Терезу протрезветь, будто она только сейчас осознала оскорбление, нанесенное ей или Кэрол.

— Гос-споди! — сказала Кэрол и швырнула полотенце на пол. Она накинула халат и завязала пояс. — Ну, и что он делает?

— Я думаю, он здесь остановится, — Тереза отступила к краю окна. — Хотя его машина все еще перед офисом. Если мы выключим свет, я смогу лучше разглядеть.

Кэрол застонала.

— Ох, только не это. Я не могу. Это так скучно, — проговорила она с предельной скукой и отвращением.

И Тереза улыбнулась кривой улыбкой и подавила еще один безумный порыв рассмеяться, потому что Кэрол вышла бы из себя от ярости, если бы она рассмеялась. Тереза увидела, как машина подкатила к двери гаража одного из вигвамов на той стороне круга.

— Да, он остается здесь. У него черный двухдверный седан.

Кэрол присела на краешек кровати и вздохнула. Она улыбнулась Терезе мимолетной улыбкой, в которой смешались усталость, скука, смирение, беспомощность и гнев.

— Сходи в душ. А потом снова оденься.

— Но я не знаю, он ли это.

— Еще как он, дорогая.

Тереза приняла душ и прилегла одетой на кровать рядом с Кэрол. Кэрол погасила свет. Она курила сигарету в темноте и молчала, пока, наконец, не коснулась ее руки.

— Пойдем.

Была половина четвертого ночи, когда они выехали из лагеря. Свой счет они оплатили наперед. Вокруг не было ни огонька, и если детектив не наблюдал за ними с погашенным светом, то никто их не заметил.

— Чем хочешь заняться, опять где-нибудь поспать? — спросила Кэрол.

— Нет. А ты?

— Нет. Давай посмотрим, насколько далеко мы сможем оторваться, — она вжала педаль газа в пол. Дорога была пустой и гладкой, насколько хватало света фар.

Когда стал занимать рассвет, патрульный остановил их на шоссе за превышение скорости, и Кэрол пришлось уплатить двадцать долларов штрафа в городке под названием Сентрал Сити, Небраска. Они потеряли тридцать минут на том, что им пришлось возвращаться назад в маленький городок следом за патрульным, но Кэрол проделала это, не говоря ни слова. И это было не похоже на нее, не похоже на те времена, когда она спорила с патрульным и уговаривала его не арестовывать ее за превышение скорости, как и полицейского в Нью Джерси.

— Раздражает, — сказала Кэрол, когда они снова оказались в машине, и это были ее единственные слова за несколько часов.

Тереза предложила повести машину, но Кэрол ответила, что хочет вести сама. И перед ними расстелились ровные прерии Небраски — желтая пшеничная стерня, перемежающаяся коричневыми вкраплениями голой земли и камня, выглядящего обманчиво теплым под белым зимним солнцем. Из-за того, что теперь они ехали немного медленнее, Терезу охватило паническое ощущение, что они не двигаются вообще, словно земля проворачивается под ними, а они застыли на месте. Она глядела на дорогу позади них, выглядывая еще один патрульный автомобиль, выглядывая машину детектива и то безымянное, бесформенно нечто, что, как она чувствовала, гонится за ними от самого Колорадо Спрингс. Она смотрела на землю и на небо, видела бессмысленные события, которым ее разум настойчиво стремился придать смысл — канюк, медленно закладывающий в небе вираж; направление, в котором, обгоняя ветер и подпрыгивая на изрытом колеями поле, катился клубок перепутавшихся сорняков; а еще — идет из трубы дым или нет. Около восьми часов непреодолимая дремота сделала ее веки тяжелыми и затуманила голову, так что она даже не удивилась, когда увидела позади них машину, похожую на ту, которую высматривала — двухдверный седан темного цвета.

— Там за нами похожая машина, — сказала она. — У нее желтые номера.

Минуту Кэрол ничего не отвечала, только глянула в зеркало и выдохнула сквозь сжатые губы.

— Сомневаюсь. Если это он, значит, он более толковый, чем я думала, — она стала притормаживать. — Если я пропущу его вперед, как думаешь, ты сможешь его узнать?

— Да.

Разве она теперь не узнала бы его даже по самому расплывчатому отблеску?

Кэрол замедлилась почти до полной остановки, взяла карту, развернула ее на руле и стала на нее смотреть. Другая машина приблизилась, и внутри нее был он, а потом проехала мимо.

— Да, — сказала Тереза. Мужчина на нее даже не посмотрел.

Кэрол вдавила педаль газа в пол.

— Ты ведь уверена, да?

— Да, — Тереза смотрела, как стрелка спидометра дошла до 65 и двинулась дальше. — Что ты собираешься делать?

— Поговорить с ним.

Кэрол сбросила скорость, когда они сократили расстояние. Они ехали рядом с машиной детектива, и он повернулся и посмотрел на них — неизменный широкий и прямой рот, глаза, как круглые серые точки, и невыразительные губы. Кэрол махнула рукой вниз. Машина мужчины замедлила ход.

— Опустить свое окошко, — попросила Кэрол Терезу.

Автомобиль детектива выкатился на песчаную обочину дороги и остановился.

Кэрол остановила свою машину так, что задние колеса остались на шоссе, и заговорила, перегнувшись через Терезу.

— Вам наша компания нравится или как?

Мужчина выбрался из машины и закрыл за собой дверцу. Их машины разделяли какие-то три фута земли, и детектив прошел половину из них и остановился. Его мертвые маленькие глазки с серыми зрачками, обведенными более темной каемочкой, были похожи на глаза куклы — пустые и неподвижные. Он был не очень молод. Его лицо выглядело потрепанным всеми невзгодами, через которые ему пришлось пройти, а легкая небритость только углубляла изогнутые складки по бокам его рта.

— Я выполняю свою работу, миссис Эйрд, — сказал он.

— Это довольно очевидно. Грязная работенка, не так ли?

Детектив постучал себя сигаретой по ногтю большого пальца и зажег ее на порывистом ветру с медлительностью, которая подразумевала некую театральность.

— По крайней мере, моя работа почти окончена.

— Тогда почему вы не оставите нас в покое? — спросила Кэрол, и ее голос был столь же напряженным, как и рука, которой она придерживалась за рулевое колесо.

— Потому что у меня есть указание следовать за вами в этом путешествии. Но если вы соберетесь назад, в Нью-Йорк, мне больше не придется этого делать. Я бы советовал вам вернуться, миссис Эйрд. Вы теперь намерены вернуться?

— Нет, не намерена.

— Потому что у меня есть некоторая информация — такая информация, что в ваших интересах было бы вернуться домой и принять меры.

— Спасибо, — цинично поблагодарила Кэрол. — Большое вам спасибо, что предупредили. Но в мои планы возвращение пока не входит. И я могу дать вам свой маршрут, чтобы вы могли оставить нас в покое и, наконец, выспаться.

Детектив посмотрел на нее с притворной и бессмысленной улыбкой, не как человек, а как машина, которая завелась и покатила по накатанной колее.

— Я думаю, вам нужно ехать в Нью-Йорк. Я даю вам разумный совет. На кону — ваш ребенок. Я полагаю, вы об этом знаете, правда?

— Мой ребенок — моя собственность!

Складка перекосила его щеку.

— Человеческое существо — это не собственность, миссис Эйрд.

Кэрол повысила голос.

— Вы собираетесь тащиться за нами весь остаток пути?

— А вы собираетесь вернуться в Нью Йорк?

— Нет.

— Я думаю, вы поедете, — сказал детектив и медленно повернулся к своей машине.

Кэрол нажала на стартер. Она потянулась к руке Терезы и сжала ее на мгновение, для того, чтобы ободрить, а потом машина рванулась с места. Тереза сидела прямо, упираясь локтями в колени и прижав ладони ко лбу, сдаваясь чувству стыда и шока, которых никогда не знала раньше и которые сдерживала при детективе.

— Кэрол!

Кэрол беззвучно плакала. Тереза посмотрела на ее изогнувшиеся книзу губы, которые делали ее похожей совсем не на Кэрол, а скорее на маленькую девочку, с искаженным плачем лицом. Она недоверчиво уставилась на слезинку, катившуюся по скуле Кэрол.

— Дай мне сигарету, — попросила Кэрол.

Когда Тереза протянула ей уже зажженную сигарету, та смахнула слезу, и больше слез не было. Кэрол где-то с минуту медленно вела машину и курила.

— Переберись назад и достань пистолет, — сказала Кэрол.

Тереза секунду не двигалась.

Кэрол кинула на нее взгляд.

— Сделаешь?

Тереза была в брюках, поэтому легко перегнулась через заднее сиденье и перетащила на него темно-синий чемодан. Она расстегнула замки и вытащила свитер, в котором был пистолет.

— Просто дай его мне, — спокойно проговорила Кэрол. — Я хочу, чтобы он был у меня в боковом кармане.

Она протянула руку через плечо, и Тереза вложила в нее белую рукоятку, а сама перелезла на переднее сиденье.

Детектив все еще ехал за ними, в полумиле позади, следом за лошадью и телегой, которая выехала на шоссе с грунтовой дороги. Кэрол держала Терезу за руку и вела машину левой рукой. Тереза опустила глаза на чуть веснушчатые пальцы — холодные, с силой впившиеся в ее ладонь.

— Я собираюсь снова с ним поговорить, — сказала Кэрол и уверенно добавила газу. — Если ты захочешь выйти, я высажу тебя на ближайшей заправке или где-то еще, а потом вернусь за тобой.

— Я не хочу тебя оставлять, — ответила Тереза.

Кэрол собиралась потребовать, чтобы детектив отдал ей записи, и Тереза уже мысленно видела раненую Кэрол, видела, как детектив профессиональным, невероятно быстрым движением выхватывает пистолет и стреляет, прежде чем Кэрол успеет нажать на курок. «Но этого не случилось и не случится», — подумала она и стиснула зубы. И стала нервно сжимать руку Кэрол пальцами.

— Ну, хорошо. И не волнуйся. Я просто хочу с ним поговорить, — она резко направила машину влево, съехав с шоссе на грунтовку. Дорога шла между отлого поднимающимися полями, потом повернула и пошла через лес. Кэрол ехала быстро, хотя дорога была плохой.

— Он догоняет нас, да?

— Да.

Им повстречалась одна ферма на склоне холма, а потом вокруг не осталось ничего, кроме поросшей кустарником каменистой земли и дороги, которая тянулась перед ними до поворота и исчезала за ним. Там, где дорога вплотную прижалась к покато́й горе, Кэрол выехала из

поворота и небрежно остановила машину, заняв полдороги.

Она полезла в боковой карман и вытащила пистолет. Что-то на нем открыла, и Тереза увидела внутри него пули. Потом Кэрол глянула в лобовое стекло и позволила своим рукам опуститься на колени вместе с пистолетом.

— Лучше бы не пришлось, лучше бы не... — быстро проговорила она и засунула пистолет назад в боковой карман. Потом она съехала с дороги и встала ровно сбоку от холма.

— Оставайся в машине, — сказала она Терезе и вышла.

Тереза услышала, как подъезжает машина детектива. Кэрол медленно пошла навстречу звуку, а потом из-за поворота выехала машина детектива — не быстро, но тормоза завизжали, а Кэрол шагнула в сторону. Тереза слегка приоткрыла дверцу и облокотилась о выступ у стекла.

Мужчина вышел из машины.

— Ну, что еще? — спросил он, перекрикивая ветер.

— А вы как думаете? — Кэрол подошла к нему чуть ближе. — Я хочу все, что у вас на меня есть — диктофонные записи и что там еще.

Брови детектива едва приподнялись над бледными пуговками его глаз. Он прислонился к переднему крылу автомобиля и ухмыльнулся во весь свой широкий тонкогубый рот. Перевел взгляд на Терезу и снова на Кэрол.

— Я уже все отослал. У меня ничего нет, кроме нескольких записей. О времени и месте.

— Отлично, я хочу их получить.

— Вы имеете в виду, вы хотите их купить?

— Этого я не сказала, я сказала, что я хочу их получить.

— Я не из тех, кого можно подкупить, — сказал он.

— Но вы же все равно занимаетесь этим за деньги? — с раздражением спросила Кэрол. — Почему бы не подзаработать еще? Сколько вы возьмете за все, что у вас есть?

Он скрестил руки на груди.

— Я же сказал вам, что все отослал. Вы потратите деньги впустую.

— Я не думаю, что вы уже отправили записи из Колорадо Спрингс, — сказала Кэрол.

— Нет? — саркастически переспросил он.

— Нет. Я дам вам за них, сколько запросите.

Он оглядел Кэрол с головы до пят, посмотрел на Терезу, и его рот снова расплылся.

— Давайте их сюда — пленки, записи или что там у вас есть, — скомандовала Кэрол, и мужчина зашевелился.

Он пошел вокруг машины к багажнику, и Тереза услышала, как звякнули ключи, когда он его открыл. Тереза вышла из машины, она уже не могла в ней усидеть и подошла к Кэрол, остановившись в нескольких футах от нее. Детектив что-то доставал из большого чемодана. Когда он выпрямился, поднятая крышка багажника сбила с него шляпу. Он прижал краешек шляпы ногой, чтобы ее не унесло ветром. Теперь он держал в руке что-то, слишком мелкое, чтобы разглядеть.

— У меня их две, — сказал он. — Я думаю, они потянут на пять сотен. Они бы стоили и больше, если бы в Нью Йорке не было предыдущих.

— Вы хороший продавец. Я вам не верю, — сказала Кэрол.

— Почему? В Нью Йорке их ждут не дождутся. — Он поднял шляпу и захлопнул крышку багажника. — Но их там теперь и так достаточно. Я говорил вам, что лучше бы вы вернулись в Нью Йорк, миссис Эйрд, — он выбросил окурок в грязь и помахал перед собой пальцем.

— Теперь вы вернетесь в Нью Йорк?

— Я своего решения не изменю, — ответила Кэрол.

Детектив пожал плечами.

— Я не поддерживаю ни одну из сторон. Чем скорее вы вернетесь в Нью Йорк, тем скорее мы с этим покончим.

— Мы можем покончить с этим прямо сейчас. После того, как вы отдадите мне пленки, вы можете садиться за руль и продолжить ехать, куда ехали.

Детектив медленно вытянул вперед сжатую в кулак руку, словно в игре в угадайку, где в кулаке могло не оказаться ничего.

— Вы готовы отдать мне за это пять сотен? — спросил он.

Кэрол посмотрела на его руку, а потом открыла сумочку, висевшую у нее на плече. Она вытащила бумажник, затем — чековую книжку.

— Предпочитаю наличные, — сказал он.

— У меня их нет.

Он снова пожал плечами.

— Ладно, я возьму чек.

Кэрол выписала его, пристроившись на крыле машины детектива.

Теперь, когда он наклонился, следя за Кэрол, Тереза смогла разглядеть маленькую черную вещицу в его руке. Тереза подошла ближе. Мужчина произнес свое имя по буквам. Когда Кэрол отдала ему чек, он опустил в ее ладонь две маленьких коробочки.

— С каких пор вы нас записываете? — спросила Кэрол.

— Прослушайте, и узнаете.

— Я сюда не шутки выслушивать пришла! — сказала Кэрол, и голос ее сорвался.

Он улыбнулся, складывая чек.

— И не говорите, что я вас не предупреждал. То, что вы от меня получили — это не все. Их еще много в Нью Йорке.

Кэрол застегнула сумочку и повернулась к машине, даже не взглянув на Терезу. Потом она остановилась и снова развернулась к детективу.

— Если они получили все, чего хотели, то теперь вы уже можете завязать с этим, правда? Обещаете, что сделаете это?

Он стоял, положив руку на дверцу своей машины и смотрел на Кэрол.

— Я все еще на работе, миссис Эйрд — все еще работаю на свою контору. Разве что вы решите срочно вылететь домой. Или куда-нибудь еще. Дайте мне расписку. Мне нужно будет что-то объяснить в конторе про отсутствие записей за последние несколько дней в Колорадо Спрингс, что-то такое, впечатляющее.

— О, пусть они выдумывают что-то впечатляющее сами!

Детектив ослабился и полез в машину. Включил передачу, высунул голову в окно, посмотрел назад, быстро сдал задним ходом и развернул машину. И покатил в сторону шоссе.

Звук его двигателя быстро затих вдали. Кэрол медленно пошла к машине, села за руль и стала смотреть сквозь лобовое стекло на поднимавшийся в нескольких футах впереди сухой склон холма. Ее лицо было таким безучастным, как если бы она была без сознания.

Тереза села рядом. Положила руку ей на плечо. Сжала ткань пальто и почувствовала себя бесполезной, словно чужая.

— О, я думаю, большая часть его слов — блеф, — вдруг сказала Кэрол. Но от этого блефа ее лицо стало серым, а голос — безжизненным.

Кэрол разжала руку и посмотрела на две кругленькие коробочки.

— Это место ничем не хуже, чем любое другое, — она вышла из машины, и Тереза пошла за ней. Кэрол открыла коробочку и вытащила катушку с плотной, жесткой пленкой. — Какая крохотная, да? Надеюсь, она горит. Давай ее сожжем.

Тереза чиркнула спичкой, укрывшись от ветра за автомобилем. Пленка сгорела быстро, и

Тереза уронила ее на землю, где ее задул ветер. Кэрол сказала, чтобы она не беспокоилась, они могут выбросить обе пленки в реку. Он сидела в машине и курила сигарету.

— Который час? — спросила Кэрол.

— Без двадцати двенадцать.

Она села в машину, и Кэрол тут же завела двигатель и выехала на дорогу к шоссе.

— В Омахе я позвоню Эбби, а потом моему адвокату.

Тереза посмотрела на карту дорог. Омаха была ближайшим крупным городом, если они слегка повернут к югу. Кэрол выглядела уставшей, и в повисшей тишине Тереза чувствовала ее не улегшийся гнев. Автомобиль тряхнуло на выбоине, и Тереза услышала, как брякнула и покатилась где-то под передним сиденьем бутылка пива — та самая, которую они не смогли открыть в первый день путешествия. Ей хотелось есть, до рези в желудке хотелось есть вот уже несколько часов.

— Как насчет того, что поведу я?

— Ладно, — сказала Кэрол устало, обмякнув, как будто она сдавалась. Она быстро притормозила.

Тереза проскользнула на водительское сиденье между Кэрол и рулем.

— А как насчет того, чтобы остановиться и позавтракать?

— Я не могу есть.

— А выпить?

— Давай, только уже в Омахе.

Тереза разогнала машину, стрелка спидометра дошла до шестидесяти пяти, а потом застыла чуть ниже семидесяти. Они ехали по тридцатому шоссе. Потом свернули на шоссе 2-75, ведущее в Омаху, и дорога стала похуже.

— Ты не поверила ему насчет диктофонных пленок в Нью Йорке, да?

— Не говори об этом... Меня уже тошнит.

Тереза сжала руль, а потом заставила себя расслабиться. Она чувствовала, как огромная беда нависает над ними, маячит впереди и только начинает приоткрываться, самым краешком, и они неотвратимо приближаются к ней. Она вспомнила лицо детектива и то его едва различимое выражение, в котором, как она теперь поняла, затаилось злое намерение. В его улыбке она увидела желание причинить зло, хоть он и сказал, что не поддерживает ни одну из сторон, а еще она чувствовала, что он хотел, лично хотел их разлучить, потому что знал, что они вместе. Теперь она видела то, что раньше только чувствовала — целый мир был готов стать их врагом, и вдруг все, что было у них с Кэрол, перестало восприниматься как любовь или что-то хорошее, а превратилось в монстра между ними, которого каждая из них поймала в кулак.

— Я все думаю о том чеке, — сказала Кэрол.

Эти слова еще одним камнем легли ей на душу.

— Ты думаешь, они обыскали дом? — спросила Тереза.

— Может быть. Это может быть.

— Я не думаю, что они его нашли. Он далеко под скатертью.

Но ведь было еще письмо в книге. На мгновение странная гордость оживила ее, но тут же исчезла. Это было красивое письмо, и она бы предпочла, чтобы они лучше нашли его, а не чек, хотя для выдвижения обвинений они были бы примерно равноценны, и из обоих можно было сделать грязное доказательство. Письмо, которое она так и не вручила, и чек, который так и не обналичила. Конечно, скорее всего, они обнаружили письмо. Тереза не могла заставить себя рассказать Кэрол о письме и сама не знала почему — то ли из простой трусости, то ли от желания избавить Кэрол от еще одной напасти. Впереди показался мост.

— Там река, — сказала она. — Давай здесь?

— Сойдет, — Кэрол отдала ей коробочки. Она засунула полусгоревшую пленку назад в коробочку.

Тереза вышла, швырнула их через металлические перила и не стала провожать взглядом. Она посмотрела на молодого человека в комбинезоне, входившего на мост с другой стороны, и возненавидела себя за то, что в ней поднялось бессмысленное враждебное чувство к нему.

Оказавшись в гостинице в Омахе, Кэрол попыталась позвонить. Эбби не было дома, и Кэрол оставила сообщение, что перезвонит вечером в шесть, когда Эбби должна была вернуться. Кэрол сказала, что звонить адвокату нет смысла, потому что он будет на обеде до двух по местному времени. Кэрол хотела принять душ и выпить.

В баре гостиницы они заказали по коктейлю «Олд Фешен»^[21] — в полной тишине. Когда Кэрол попросила повторить, Тереза тоже было заказала второй, но Кэрол сказала, что вместо коктейля Терезе нужно чего-нибудь поесть. Официант ответил, что в баре еда не подается.

— Она хочет что-нибудь съесть, — твердо сказала Кэрол.

— Столовая находится напротив, через вестибюль, мадам, и еще есть кафе...

— Кэрол, я могу подождать, — сказала Тереза.

— Пожалуйста, принесите мне меню? Она предпочитает поесть здесь, — сказала Кэрол, взглянув на официанта.

Тот помедлил, затем сказал:

— Да, мадам, — и ушел за меню.

Пока Тереза ела яичницу-болтуню и сосиски, Кэрол выпила третий коктейль. Наконец, Кэрол безнадежным тоном произнесла:

— Дорогая, могу я попросить у тебя прощения?

Этот тон задел Терезу даже больше, чем сам вопрос.

— Я люблю тебя, Кэрол.

— Но ты понимаешь, что это значит?

— Да, — она подумала, что тот момент оглушенности в машине был только моментом, так же, как и теперешняя ситуация — только ситуацией. — Я не понимаю, почему так должно быть всегда. И я не вижу, как это может что-то разрушить, — искренне ответила она.

Кэрол отвела руку от лица и откинулась назад, и теперь, несмотря на усталость, она выглядела так, как Тереза всегда себе ее представляла — глаза, которые могли быть нежными и жесткими одновременно, словно они испытывали ее; красиво очерченные красные губы, сильные и мягкие, хотя сейчас ее верхняя губа едва заметно подрагивала.

— А ты? — спросила Тереза, и вдруг поняла, что этот вопрос — такой же глобальный, как и тот, что ей без слов задала Кэрол в номере в Ватерлоо. Фактически, тот же самый вопрос.

— Нет. Я думаю, ты права, — ответила Кэрол. — И это заставила меня понять ты.

Кэрол пошла звонить. Было три часа дня. Тереза забрала счет, а потом уселась и стала ждать, думая, когда же это все закончится, и придет ли ободряющая весточка от адвоката Кэрол или от Эбби. А может, ситуация сначала ухудшится, прежде чем пойти на поправку.

Кэрол отсутствовала почти полчаса.

— Мой адвокат еще ничего не слышал, — сказала она. — И я ему пока ничего не рассказала. Не могу. Мне придется написать об этом в письме.

— Я подумала, что ты так и сделаешь.

— О, ты подумала, — сказала Кэрол и улыбнулась впервые за целый день. — А что ты скажешь, если мы остановимся здесь? Я как-то больше не хочу путешествовать.

Кэрол заказала для себя обед в номер. Они вдвоем прилегли вздремнуть, но когда без четверти пять Тереза проснулась, Кэрол рядом не было. Тереза оглядела комнату, заметив на туалетном столике черные перчатки Кэрол и ее мокасины, стоявшие рядышком под креслом.

Тереза прерывисто вздохнула. Сон ее совсем не освежил. Она открыла окно и посмотрела вниз. Это был не то седьмой, не то восьмой этаж, она не могла вспомнить, который именно. Мимо гостиницы прополз трамвай, люди на тротуаре двигались во всех направлениях, перебирая ногами, как заведенные, и ей в голову пришла шальная мысль прыгнуть. Она отвела взгляд от тусклой линии серых зданий на горизонте и закрыла глаза, чтобы их не видеть. Потом она повернулась, и Кэрол уже была в номере, стояла у двери и смотрела на нее.

— Где ты была? — спросила Тереза.

— Писала это чертово письмо.

Кэрол пересекла номер и поймала Терезу в свои объятия. Тереза почувствовал, как ногти Кэрол впились в ее спину через ткань жакета.

Когда Кэрол пошла к телефону, Тереза вышла из комнаты и побрела по коридору к лифтам. Она спустилась в холл и сидела там, читая статью о жуках-долгоносиках в «Ведомостях кукурузоводов», и размышляла, знает ли Эбби все это о кукурузных долгоносиках. Она посматривала на часы, и после того как прошло 25 минут, снова поднялась в номер.

Кэрол лежала на кровати и курила сигарету. Тереза ждала, когда та заговорит.

— Дорогая, мне придется поехать в Нью-Йорк, — сказала Кэрол.

Тереза была в этом уверена. Она подошла к изножью кровати.

— Что еще сказала Эбби?

— Она снова встретила приятеля по имени Боб Хавершем, — Кэрол приподнялась на локте. — Но он определенно знает меньше, чем я на этот момент. Кажется, что никто ничего не знает, кроме того, что затевается что-то нехорошее. Ничего особенного произойти не может, пока я там не окажусь. Но мне нужно там оказаться.

— Конечно.

Боб Хавершем был другом Эбби и работал в фирме Харджа в Ньюарке. Не близкий друг ни ей, ни ему, просто связующее звено, слабое звено между ними двумя, единственный человек, кто мог бы что-то знать о планах Харджа, если бы мог распознать детектива или подслушать часть телефонного разговора в офисе Харджа. Тереза чувствовала, что эта информация почти ничего не стоит.

— Эбби собирается пойти забрать чек, — сказала Кэрол, села на кровати и потянулась за мокасинами.

— У нее есть ключи?

— Хотела бы я, чтобы они у нее были. Ей придется взять их у Флоренс. Но все будет в порядке. Я сказала ей, чтобы она передала Флоренс, что я хочу, чтобы мне прислали парочку вещей.

— Можешь сказать ей, чтоб она и письмо забрала? Я оставила письмо для тебя в книге в моей комнате. Прости, что я не сказала тебе раньше. Я не знала, что ты собираешься отправить туда Эбби.

Кэрол хмуро глянула на нее.

— Еще что-нибудь?

— Нет. Прости, что я не рассказала тебе раньше.

Кэрол вздохнула и встала.

— Ох, давай больше не беспокоиться. Я сомневаюсь, что они потрудились обыскать дом, но в любом случае скажу Эбби о письме. Где оно?

— В «Оксфордской книге английского стиха». Думаю, я оставила ее сверху на бюро.

Она видела, что Кэрол разглядывает комнату, смотрит куда угодно, только не на нее.

— Я все-таки не хочу оставаться здесь на ночь, — сказала Кэрол.

Через полчаса они уже были в машине и ехали на восток. Кэрол хотела к ночи добраться до

Де-Мойна^[22]. Час или больше они проехали в абсолютной тишине, и вдруг Кэрол остановила машину на краю дороги, наклонила голову и выговорила: «Черт!»

В свете фар встречных автомобилей Тереза могла видеть темные тени под глазами Кэрол. Та не спала всю прошлую ночь.

— Давай вернемся в ближайший городок, — сказала Тереза. — До Де-Мойна еще семьдесят пять миль ехать.

— Ты хочешь поехать в Аризону? — спросила Кэрол так, словно все, что им нужно было сделать — это развернуть машину.

— Ох, Кэрол... да что об этом говорить? — ее внезапно охватило отчаяние. У нее дрожали руки, когда она прикуривала сигарету. Тереза отдала сигарету Кэрол и зажгла еще одну, для себя.

— Потому что я хочу об этом поговорить. Ты можешь взять еще три недели отпуска?

— Конечно.

Конечно, конечно! Что еще имело значение, кроме того, чтобы быть с Кэрол — где угодно, как угодно? Харкви собирался ставить пьесу в марте, Харкви мог порекомендовать ей работу где-нибудь еще, но все эти работы были неопределенными, а Кэрол — нет.

— Мне не придется оставаться в Нью Йорке больше недели, потому что с разводом все улажено, это мне Фред, мой адвокат, сегодня сказал. Так почему бы нам не провести еще несколько недель в Аризоне? Или в Нью Мексико? Я не хочу болтаться в Нью Йорке остаток зимы.

Кэрол вела машину медленно. И теперь ее глаза были другими. Они стали живыми, как и ее голос.

— Конечно, я бы с удовольствием. Куда угодно.

— Хорошо. Поехали. Давай доберемся до Де-Мойна. Может, ты немного поведешь?

Они поменялись местами. Незадолго до полуночи они приехали в Де-Мойн и отыскивали номер в гостинице.

— А зачем тебе вообще возвращаться в Нью Йорк? — спросила Кэрол. — Ты можешь взять машину и подождать меня где-нибудь в Тусоне или в Санта Фе, а я могу вернуться самолетом.

— И оставить тебя? — Тереза отвернулась от зеркала, в которое смотрелась, расчесывая волосы.

Кэрол улыбнулась.

— Что значит «оставить меня»?

Это застало Терезу врасплох, и теперь она увидела выражение лица Кэрол. И хоть та смотрела на нее пристально, Тереза чувствовала себя отвергнутой, как будто Кэрол задвинула ее куда-то на задний план, чтобы освободить место для чего-то более важного.

— Я просто имею в виду — оставить тебя на время, — сказала Тереза и повернулась назад к зеркалу. — Нет, это должно быть, хорошая идея. И тебе так будет быстрее.

— Я думала, ты, возможно, предпочтешь остаться где-нибудь на Западе. Если только в эти несколько дней не захочешь заняться чем-нибудь в Нью-Йорке, — голос Кэрол звучал обыденно.

— Не захочу.

Ее страшила мысль провести эти холодные дни на Манхеттене, когда Кэрол будет слишком занята, чтобы видеться с ней. И она подумала о детективе. Если Кэрол улетит, ее не будут терзать мысли о том, что он ее выслеживает. Она сразу попыталась представить Кэрол, которая приезжает в Нью-Йорк, одна, чтобы встретиться лицом к лицу с чем-то, чего она еще не знает, с чем-то, к чему невозможно подготовиться. Она представила себя в Санта Фе, ждущей телефонного звонка, ждущей письма от Кэрол. Но не так уж и легко было представить, что она

находится за две тысячи миль от Кэрол.

— Только одна неделя, Кэрол? — спросила она, ведя щеткой по своим длинным, тонким волосам, отбрасывая их на бок. Она набрала вес, но ее лицо стало худощавее, вдруг заметила она, и это ей понравилось. Она выглядела старше.

В зеркале она увидела, как Кэрол подходит к ней сзади, и не было никакого другого ответа, кроме удовольствия от того, как руки Кэрол обвили вокруг нее, лишив возможности думать, и Тереза вывернулась из объятий, чуть более резко, чем намеревалась, и встала у края туалетного столика, глядя на Кэрол, озадаченная на миг неопределенностью того, о чем они говорили, временем и пространством, и тем, что теперь их разделяли четыре фута — и две тысячи миль. Она еще раз провела по волосам.

— Только на неделю?

— Именно это я сказала, — ответила Кэрол с улыбкой в глазах, но Тереза услышала ту же самую твердость, с какой она произнесла эти слова, какая прозвучала и в ее собственном вопросе, как будто они бросали друг другу вызов. — Если ты против, что машина останется у тебя, я могу повести ее обратно.

— Я не против, что она будет у меня.

— И не беспокойся насчет детектива. Я напишу Харджу, что уже еду.

— Я не беспокоюсь насчет него.

«Как Кэрол может быть такой невозмутимой, — размышляла Тереза, — думая об всем остальном, но не о том, что мы с ней расстаемся?» Она положила щетку для волос на туалетный столик.

— Тереза, ты думаешь, я буду этим наслаждаться?

И Тереза подумала о детективах, разводе, враждебности, о всем том, с чем пришлось столкнуться Кэрол. Кэрол коснулась ее лица, а потом обеими руками сильно сжала ее щеки так, что ее рот приоткрылся, как у рыбки, и Тереза, волей-неволей, улыбнулась. Тереза стояла у туалетного столика и смотрела на нее, смотрела за каждым движением ее рук, ее ног, когда она сняла чулки и снова влезла в мокасины. «К этому моменту слов уже не осталось», — подумала она. Что еще им нужно было объяснять, или спрашивать, или обещать на словах? Им даже не нужно было видеть глаза друг друга. Тереза смотрела, как она берет телефонную трубку, а потом легла на кровать ничком, пока Кэрол бронировала на завтра вылет, один билет, в одну сторону, завтра в 11 часов.

— Куда думаешь поехать? — спросила ее Кэрол.

— Не знаю. Наверное, вернусь в Су-Фолс.

— В Южную Дакоту? — улыбнулась ей Кэрол. — А не лучше ли тебе поехать в Санта Фе? Там теплее.

— Я подожду, чтобы посмотреть его с тобой.

— И не в Колорадо Спрингс?

— Нет, — рассмеялась Тереза и поднялась. Она взяла зубную щетку и пошла в ванную. — Я, может, даже устроюсь где-нибудь на работу на недельку.

— На какую работу?

— На любую. Просто чтобы удержаться от мыслей о тебе, знаешь ли.

— Я хочу, чтобы ты думала обо мне. И никакой работы в универмаге.

— Хорошо, — Тереза стояла рядом с дверью в ванную комнату, наблюдая, как Кэрол разделась и накинула на себя халат.

— Ты ведь не волнуешься из-за денег опять, нет?

Тереза сунула руки в карманы халата и скрестила ноги.

— Если я и останусь без денег, то мне наплевать. Начну волноваться, когда они совсем

закончатся.

— Завтра я дам тебе пару сотен на машину, — Кэрол щелкнула Терезу по носу, когда проходила мимо. — И ты не должна на этой машине подбирать незнакомцев, — Кэрол вошла в ванную комнату и включила душ.

Тереза пошла за ней следом.

— Я думала, я иду в душ.

— В душ иду я, но позволю тебе присоединиться.

— О, спасибо, — Тереза сняла халат, как и Кэрол.

— Ну? — сказала Кэрол.

— Ну? — Тереза шагнула под душ.

— И не стыдно тебе? — Кэрол тоже встала под душ и заломила руку Терезы ей за спину, но Тереза только захихикала.

Тереза хотела обнять ее, поцеловать; свободной рукой она судорожно потянулась к Кэрол под потоком воды и притянула ее голову к себе, но тут раздался ужасный звук поскользнувшихся ног.

— Прекрати, мы упадем! — закричала Кэрол. — Ради бога, неужели двое не могут спокойно принять душ?

В СУ-ФОЛС ТЕРЕЗА ОСТАНОВИЛА машину перед гостиницей, где они останавливались раньше. Отель Ворриор. На часах была половина десятого вечера. «Кэрол добралась домой час назад», — подумала Тереза. Она должна была позвонить Кэрол в полночь.

Она сняла номер, проследила, чтобы туда отнесли ее чемоданы, и вышла прогуляться по главной улице. Там обнаружился кинотеатр, и ей пришло на ум, что они с Кэрол никогда не смотрели кино. Тереза вошла внутрь. Но она была не в том настроении, чтобы следить за событиями фильма, хоть голос одной из актрис был немного похож на голос Кэрол и совершенно отличался от остальных гнусавых голосов, которые она слышала вокруг. Она думала о Кэрол, до которой теперь было больше тысячи миль, думала, что ночью будет спать одна. Она встала, побрела к выходу и снова оказалась на улице. Там была аптека, где Кэрол однажды купила чистящие салфетки и зубную пасту. И угол, где Кэрол запрокинула голову и прочла названия улиц — Пятой и Небраски. Тереза купила пачку сигарет в той же аптеке, пешком вернулась в гостиницу, села в вестибюле и закурила, наслаждаясь первой сигаретой с тех пор, как оставила Кэрол, наслаждаясь забытой возможностью побыть в одиночестве. Это было чисто физическое ощущение. На самом деле она совсем не чувствовала себя одинокой. Она немного почитала газету, затем достала из сумочки и просмотрела письма от Денни и Фила, полученные как раз в те последние дни, которые они провели с Кэрол в Колорадо Спрингс.

«Я видел Ричарда позапрошлым вечером в Палермо, он был один, — говорилось в письме Фила. — Я спросил о тебе, а он сказал, что с тобой не переписывается. Я догадался, что вы повздорили, но не стал на него давить и выпытывать. Он был не в настроении говорить. И мы с ним не особо ладим в последнее время, как ты знаешь... Замолвил за тебя словечко ангелу по имени Френсис Пакетт, который готов вложить пятьдесят тысяч, если в апреле из Франции привезут одну пьесу на гастроли. Буду держать тебя в курсе, хотя там пока даже продюсера еще нет... Денни передает привет, я уверен. Он, наверное, скоро куда-то уезжает, по крайней мере, у него такой вид, а мне придется искать себе новое жилье или найти соседа по комнате.... Ты получила вырезки о „Мелком дожде“, которые я тебе посылал?

Всего хорошего, Фил.»

В коротком письме Денни было написано:

«Дорогая Тереза,

Вполне возможно, что я могу отправиться на западное побережье в конце месяца, чтобы работать в Калифорнии. Я должен выбрать между этим (научной работой) и предложением коммерческой химической компании в Мериленде. Но если я смогу увидаться с тобой в Колорадо или еще где-нибудь, ненадолго, я тогда выеду чуть раньше. Скорее всего, я приму предложение о работе в Калифорнии, думаю, там перспективы лучше. Так что дашь мне знать, где ты будешь? Место значения не имеет. Есть масса способов добраться в Калифорнию. Если твоя подруга не возражает, было бы неплохо провести с тобой несколько дней где-нибудь. В любом случае я буду в Нью Йорке до 28 февраля.

С любовью,

Она ему до сих пор не ответила. Надо будет отправить ему письмо с адресом завтра, как только она отыщет комнату где-нибудь в городе. Но что касается следующего пункта назначения, то об этом нужно будет переговорить с Кэрол. А когда Кэрол сможет ей сказать что-то определенное? Тереза задумалась о том, с чем могла столкнуться Кэрол в Нью Джерси, и ее бодрое расположение духа печально пошло ко дну. Она потянулась за газетой и посмотрела на дату. Пятнадцатое февраля. Двадцать девять дней с тех пор, как она уехала из Нью Йорка с Кэрол. Неужели прошло так мало времени?

Наверху, в своем номере, она заказала звонок Кэрол, приняла ванну и влезла в пижаму. Затем зазвонил телефон.

— Привеет, — сказала Кэрол, словно ей пришлось долго ждать. — Как называется твоя гостиница?

— Ворриор. Но я не собираюсь здесь оставаться.

— Ты же не подбирала никаких незнакомцев по дороге, нет?

Тереза рассмеялась. Глубокий голос Кэрол прошел сквозь нее так, словно она к ней прикоснулась.

— Что нового? — спросила Тереза.

— Сегодня? Ничего. В доме холодина, а Флоренс до послезавтра не будет. Эбби здесь. Хочешь с ней поздороваться?

— Она что, прямо там с тобой?

— Не-е-т. Она наверху, в зеленой комнате за плотно закрытой дверью.

— Вообще-то, я не хочу сейчас с ней говорить.

Кэрол хотела знать обо всем, чем она занималась, как она доехала, и была на ней надета желтая пижама или голубая.

— Мне будет трудно заснуть сегодня без тебя.

— Да, — Тереза почувствовала, как сразу же, из ниоткуда на ее глаза навернулись слезы.

— Ты можешь сказать еще что-нибудь, кроме «да»?

— Я люблю тебя.

Кэрол присвистнула. Потом помолчала.

— Эбби забрала чек, дорогая. Но не письмо. Она не получила мою телеграмму, но все равно письма там не было.

— Ты нашла книгу?

— Мы нашли книгу, но в ней ничего не было.

Тереза подумала, а не могло ли в итоге письмо остаться в ее квартире. Но у нее перед глазами стояла картинка — письмо в книге, как закладка.

— Ты думаешь, что кто-то обыскивал дом?

— Нет. Это я точно могу сказать, я бы заметила. Не беспокойся об этом. Не будешь?

Через несколько секунд Тереза улеглась в кровать и выключила свет. Кэрол попросила ее позвонить и завтра вечером. Некоторое время голос Кэрол звучал у нее в ушах. И тогда ее стала охватывать тоска. Тереза лежала на спине, вытянув руки вдоль боков, ощущая вокруг себя пустое пространство, словно ее уложили так, чтобы похоронить. Потом она уснула.

На следующее утро Тереза подыскала себе комнату, которая ей понравилась, в доме на одной из улиц, поднимающихся в гору — большую, выходящую на улицу комнату с эркером, полным комнатных цветов, и с белыми занавесками. Там была кровать с балдахином и овальный, вязаный крючком ковер на полу. Хозяйка сказала, что комната стоит семь долларов в неделю, но Тереза ответила, что не знает, пробудет ли здесь целую неделю, так что лучше будет

платить посуточно.

— Это обойдется вам в ту же цену, — сказала хозяйка. — Вы сами откуда будете?

— Из Нью-Йорка.

— Собираетесь здесь пожить?

— Нет. Просто жду, пока ко мне приедет друг.

— Мужчина или женщина?

Тереза улыбнулась.

— Женщина, — ответила она. — У вас в гаражах найдется свободное место? Я на машине.

Женщина сказала, что свободны целых два гаража, и что с жильцов она плату за гараж не берет. Она была не старой, но немного сутулилась, и ее фигура выглядела хрупкой. Ее звали миссис Элизабет Купер. Она сказала, что сдает комнаты вот уже пятнадцать лет, и что двое или трое ее первых жильцов до сих пор живут здесь.

В этот же день Тереза познакомилась с Датчем Хубером и его женой, которые держали закусочную возле общественной библиотеки. Это был тощий мужчина под пятьдесят с любопытными голубыми глазками. Его жена Эдна была толстой, занималась готовкой и говорила куда меньше, чем он. Давным-давно Датч некоторое время работал в Нью-Йорке. Он засыпал Терезу вопросами о районах города, о которых она ничегошеньки не знала, а она рассказывала о тех местах, где Датч никогда не бывал или о которых позабыл, и эта медленная, затянувшаяся беседа почему-то развеселила их обоих. Датч спросил, не хотела бы она пойти с ним и его женой на мотогонки, которые должны были проводиться в нескольких милях от города, в субботу, и Тереза согласилась.

Она купила картон и клей, и работала над первым из тех макетов, которые хотела показать Харкви по возвращении в Нью-Йорк. Она почти его доделала, но в 11.30 вышла, чтобы позвонить Кэрол из Ворриора.

Кэрол дома не было, и никто не ответил. Тереза пыталась дозвониться до часу дня, затем вернулась в дом миссис Купер.

Тереза застала ее следующим утром в 10.30. Кэрол сказала, что накануне переговорила обо всем со своим адвокатом, но не было ничего, что бы она или ее адвокат могли предпринять до тех пор, пока не узнают следующего шага Харджа. Кэрол говорила с ней резко, потому что у нее была встреча за обедом в Нью-Йорке, и ей сначала надо было написать письмо. Впервые она казалась встревоженной относительно того, как вел себя Хардж. Она дважды пыталась до него дозвониться, но не смогла его застать. И то, как отрывисто она говорила, обеспокоило Терезу больше всего.

— Ты же не передумала ни о чем? — спросила Тереза.

— Конечно, нет, дорогая. Завтра вечером я устраиваю вечеринку. Буду по тебе скучать.

Тереза споткнулась на пороге, когда выходила из отеля, и почувствовала, как ее накрыла опустошающая волна одиночества. И чем она займется завтра вечером? Будет читать в библиотеке, пока та не закроется в девять часов? Работать над еще одним макетом? Она пробежалась мысленно по именам людей, которые, как сказала Кэрол, придут на вечеринку — Макс и Клара Тиббетт, пара, что владела оранжереей на каком-то шоссе неподалеку от дома Кэрол, и которую Тереза видела один раз; подруга Терезы Тесси, с которой она никогда не встречалась, и Стенли МакВей, мужчина, с которым Кэрол была в тот вечер, когда они поехали в Чайнатаун. Кэрол не упомянула Эбби.

И Кэрол не сказала позвонить ей завтра. Тереза шагала по улице, и последний момент, когда она видела Кэрол всплыл в ее памяти так, словно это снова разворачивалось перед ее глазами. Кэрол машет ей у двери самолета в аэропорту Де-Мойна, Кэрол — такая маленькая и так далеко, потому что Терезе пришлось встать за решетчатым забором и смотреть на нее через

все летное поле. Трап стал отъезжать, но Тереза думала, что до того, как закроют дверь, еще есть несколько секунд, а потом Кэрол появилась снова, лишь для того, чтобы на секунду застыть у дверей, отыскать ее опять и послать воздушный поцелуй. Но было так глупо думать, что она к ней вернется.

В субботу Тереза поехала на мотогонки и взяла с собой Датча и Эдну, потому что машина Кэрол была вместительнее. После они пригласили ее поужинать у них дома, но она отказалась. В тот день письма от Кэрол не было, а она ожидала хотя бы записки. Воскресенье нагнало на нее тоску, и даже то, что она днем проехала к Биг Су Ривер и до Делл Рэпидс, не изменило мрачной картинке у нее в голове.

Утро понедельника она провела в библиотеке, читая пьесы. Потом, около двух, когда волна вышедших на обед работников сотрясала закусочную Датча, она вошла внутрь и сделала себе немного чая, переговорила с Датчем, а сама в это время ставила и ставила на музыкальном автомате песни, которые они любили включать с Кэрол. Она рассказала Датчу, что автомобиль принадлежит ее подруге, которую она и дожидается. И постепенно отрывочные вопросы Датча привели к тому, что она рассказала — Кэрол живет в Нью Джерси, она, скорее всего, прилетит сюда на самолете, и что Кэрол хотела поехать в Нью Мексико.

— Кэрол хотела? — переспросил Датч и повернулся к ней, начищая бокал.

Странное, неприязненное чувство поднялось в душе у Терезы — то, как он произнес имя Кэрол.... Она решила больше о Кэрол вообще не разговаривать, ни с кем в городе.

Во вторник от Кэрол пришло письмо — так, скорее, коротенькая записка, но там сообщалось, что Фред более оптимистично настроен насчет всего, и выглядит все так, словно волноваться не о чем, кроме самого развода, и что может быть, она прилетит двадцать четвертого февраля. Тереза начала улыбаться, еще читая письмо. Ей хотелось выйти и с кем-нибудь это отпраздновать, но было не с кем, так что ей ничего не оставалось делать, кроме как прогуляться, в одиночку пропустить стаканчик в баре Ворриора и подумать о Кэрол, до приезда которой оставалось пять дней. Больше ей никого не хотелось видеть, за исключением разве что Денни. Или Стеллы Овертон. Стелла была веселой и славной, и хоть Тереза ничего не могла рассказать ей о Кэрол — да и кому она вообще могла рассказать? — было бы хорошо снова с ней повидаться. Она намеревалась послать ей открытку несколько дней назад, да так и не собралась.

Поздно вечером она написала Кэрол.

«Новости чудесные. Я отпраздновала их одиноким дайкири в Ворриоре. Я не консерватор, но ты же знаешь, что один коктейль опьяняет как целых три, когда пьешь в одиночку?.. Я люблю этот город, потому что он напоминает мне о тебе. Я знаю, что он нравится тебе не больше, чем любой другой, но не в этом дело. Я хочу сказать, что ты здесь, со мной, настолько, насколько у меня хватает сил ощущать, что ты здесь, хотя ты далеко...»

Кэрол писала:

«Мне никогда не нравилась Флоренс. Я говорю это в качестве вступления. Кажется, Флоренс нашла записку, которую ты мне написала, и продала ее Харджу... задорого. Она так же в ответе за то, что Хардж был в курсе, куда мы (или, по крайней мере, я) направляемся. Не сомневаюсь в этом. Я не знаю, что я оставила в доме, или что она могла подслушать, думаю, я была довольно молчалива, но если Хардж позаботился о том, чтобы ее подкупить, а я уверена, он так и сделал, то нельзя ничего сказать наверняка. В любом случае, они увязались за нами с самого Чикаго. Дорогая, я не имею ни малейшего понятия, как далеко это зашло. Чтобы дать тебе понимание атмосферы происходящего — никто ничего мне не говорит, все только что внезапно

раскрылось. Если кто и владеет фактами, так это Хардж. Я говорила с ним по телефону, и он отказывается мне что-либо рассказывать, что, конечно, было рассчитано на то, чтобы потерроризировать меня и выбить почву у меня из-под ног еще до того, как начнется борьба. Они не знают меня, никто из них, если думают, что я поддамся. Борьба, конечно, за Ринди, и да, дорогая, боюсь, что она разразится, и я не смогу уехать 24го. Это и все, что Хардж мне рассказал, когда сегодня утром в телефонном разговоре раскрыл козырь с письмом. Я думаю, письмо может стать его самым сильным оружием (диктофонные записи велись только в Колорадо Спрингс, насколько я могу судить), поэтому он и дал мне знать о нем. Но я могу себе представить, что это было за письмо, оно ведь написано даже до того, как мы уехали, и есть предел тому, что даже Хардж может в нем вычитать. Хардж пока только угрожает — в своей неподражаемой манере, молча — он надеется, что я полностью отступлюсь в том, что касается Ринди. Я этого не сделаю, так что грядут какие-то разбирательства, я надеюсь, что хотя бы не в суде. На всякий случай Фред готовится к любому повороту событий. Он замечательный, единственный человек, кто говорит со мной напрямую, но к сожалению, он знает не больше моего.

Ты спрашиваешь, скупаю ли я по тебе. Я думаю о твоём голосе, твоих руках и твоих глазах, которые смотрят прямо в мои. Я вспоминаю твоё мужество, о котором я не подозревала, и это придает мне сил. Ты позвонишь мне, дорогая? Я не хочу звонить тебе, если твой телефон стоит в коридоре. Позвони мне лучше около семи вечера, по вашему в шесть.»

И в тот день Тереза уже почти набрала номер, когда принесли телеграмму.

ПОКА НЕ ЗВОНИ МНЕ, ОБЪЯСНЮ ПОЗЖЕ, СО ВСЕЙ ЛЮБОВЬЮ, ДОРОГАЯ. КЭРОЛ.

Миссис Купер застала ее в коридоре, когда Тереза как раз читала телеграмму.

— Это от вашей подруги? — спросила она.

— Да.

— Надеюсь, ничего не случилось, — миссис Купер имела обыкновение любопытничать, и

Тереза намеренно вздернула голову.

— Нет, она приедет, — сказала Тереза. — Она задержалась.

АЛЬБЕРТ КЕННЕДИ, просто Берт для тех, кто ему нравился, жил в комнате в задней части дома и был одним из старейших жильцов миссис Купер. Сорока пяти лет отроду, уроженец Сан-Франциско, он больше походил на нью-йоркца, чем кто-либо из всех, кого Тереза повстречала в городе, и одного это факта ей было достаточно, чтобы намеренно его избегать. Он часто приглашал Терезу сходить с ним в кино, но она согласилась всего лишь раз. Она чувствовала себя беспокойно и предпочитала бродить одна, в основном, глядя по сторонам и размышляя, потому что дни стояли слишком холодные и ветреные для того, чтобы рисовать на улице. А виды, которые ей сначала понравились, лишились всякой свежести, и их уже нельзя было рисовать, потому что она слишком долго на них смотрела и слишком долго ждала. Почти каждый вечер Тереза ходила в библиотеку, усаживалась за длинный стол, просматривала с полдюжины книг, а затем кружным путем возвращалась домой.

Она приходила домой только затем, чтобы почти сразу снова побрести на улицу, сопротивляясь порывистому ветру или позволяя ему завести себя на такие улицы, куда иначе она бы ни за что не пошла. В освещенных окнах она видела девушку, сидящую за пианино, а в другом — смеющегося мужчину, а еще в одном — женщину за шитьем. Потом она вспоминала, что даже не может позвонить Кэрол, признавалась себе, что даже не знает, чем занята Кэрол в этот момент, и чувствовала себя еще более опустошенной, чем ветер. В письмах Кэрол не говорила ей всего, она чувствовала это, не говорила самого худшего.

В библиотеке она смотрела книги с фотографиями Европы — мраморные фонтаны в Сицилии, залитые солнцем руины Греции — и размышляла, действительно ли они с Кэрол когда-нибудь туда поедут. Было так много всего, чего они еще не успели совершить. Первое путешествие через Атлантику. Все те утра, просто утра, не важно где, когда она могла бы приподнять голову с подушки и увидеть лицо Кэрол, и знать, что этот день принадлежал им, и что ничего их бы не разлучило.

А потом еще эта прекрасная вещица, мгновенное завораживающая взгляд и сердце — в темной витрине антикварной лавочки на улице, где она никогда раньше не бывала. Тереза не сводила с нее глаз, чувствуя, как она утоляет какую-то забытую и не имеющую названия жажду у нее внутри. Большая часть фарфоровой поверхности была расписана маленькими яркими ромбиками цветной эмали — насыщенно синими, и темно-красными, и зелеными, с золотыми каемками, блестящими, как шелковое шитье даже под покрывавшим их тонким слоем пыли. И золотое колечко для пальца на ободке. Это был крохотный подсвечник. «Кто сделал его, — задумалась она, — и для кого?»

На следующее утро она вернулась и купила его, чтобы подарить Кэрол.

Этим же утром пришло письмо от Ричарда, переадресованное из Колорадо Спрингс. Тереза уселась на одну из каменных скамеек на улице, где была расположена библиотека, и распечатала его. Оно было в служебном конверте с надписью «Компания Семко. Сжиженный газ — Печи — Обогреватели — Морозильники». Имя Ричарда было указано в шапке фирменного бланка в качестве главного управляющего отделения в Порт Джефферсоне.

«Дорогая Тереза,

Мне нужно поблагодарить Денни за то, что он сообщил мне, где ты находишься. Ты можешь счесть это письмо излишним, и может быть, для тебя оно таким и является. Может быть, ты все еще в этом угаре, в котором ты была, когда мы тем вечером разговаривали в кафетерии. Но я чувствую необходимость прояснить одну

вещь — дело в том, что я больше не испытываю тех чувств, которые испытывал еще две недели назад, и последнее письмо, которое я тебе написал, было ничем иным, как последней судорожной попыткой, и я знал, что это безнадежно, когда писал его, я знал, что ты не станешь отвечать, да я и не хотел, чтобы ты ответила. Я понимаю, что тогда и перестал тебя любить, и сейчас основное чувство, которое я к тебе испытываю, и которое присутствовало с самого начала — это отвращение. И то, что ты вцепилась в эту женщину и перестала замечать всех вокруг, эти отношения, которые, я уверен, уже стали к этому времени грязными и извращенными — это вызывает у меня омерзение. Я знаю, что это долго не продлится, как я с самого начала и говорил. Единственное, что вызывает сожаление, это то, что позже ты сама себя будешь стыдиться, и тем сильнее, чем сильнее сейчас эти отношения испортят тебе жизнь. Это безответственно и по-детски, как жить, питаюсь цветками лотоса или какими-нибудь тошнотворными леденцами вместо хлеба и мяса. Я часто думал над теми вопросами, которые ты мне задала в день, когда мы запускали змея. Надо было мне тогда сделать что-то, пока не стало слишком поздно, потому что тогда я тебя любил настолько, что мог бы попытаться спасти. Теперь — не люблю.

Люди до сих пор спрашивают меня о тебе. И что прикажешь им отвечать? Я намерен говорить им правду. Это единственный способ, которым я могу от этого избавиться, и я больше не могу держать это в себе. Я отослал несколько твоих вещей, остававшихся у меня в доме, назад в твою квартиру. Малейшее напоминание или контакт с тобой угнетают меня, заставляют меня хотеть больше никогда не прикасаться ни к тебе, ни к чему-либо, с тобой связанному. Но я говорю с позиции разума, и скорее всего, ты ни слова не поймешь. Кроме, может быть, одного: я не хочу иметь с тобой ничего общего.

Ричард.»

Она видела, как тонкие губы Ричарда сжимаются в прямую линию — именно так они должны были выглядеть, когда он писал это письмо — в линию, которую все равно нарушал крохотный изгиб верхней губы. На мгновение она ясно увидела его лицо, а потом оно чуть вздрогнуло и исчезло — размытое и такое же далекое от нее, как и его стенания в письме. Она встала, положила письмо назад в конверт и пошла дальше. Она надеялась, что ему удалось вытравить ее из себя. Но она живо могла себе представить, как он рассказывает людям о ней — в той любопытной манере искреннего участия, которое она заметила в нем еще в Нью Йорке, до того как уехала. Она представила, как каким-нибудь вечером в баре Палермо Ричард рассказывает о ней Филу, представила, как он рассказывает супругам Келли. Ей будет абсолютно все равно, что бы он ни сказал.

Она подумала — а что сейчас делает Кэрол, в десять утра, в Нью Джерси? Выслушивает обвинения каких-то незнакомцев? Думает о ней, и есть ли у нее на это время?

День выдался славный — холодный, почти безветренный и яркий. Она могла сесть в машину и проехаться куда-нибудь. Она не пользовалась машиной вот уже три дня. И неожиданно осознала, что и не хотела. День, когда она, торжествуя после письма Кэрол, взяла машину из гаража и разогнала до девяноста на прямом участке дороги в Делл Рэпидс, теперь казался таким далеким.

Когда она вернулась в дом миссис Купер, на пороге обнаружился мистер Боуэн, еще один из жильцов. Он грелся на солнышке — ноги укутаны одеялом, кепка надвинута на глаза, и казался спящим, но окликнул ее — «Эй, привет! Как поживает моя девочка?»

Она остановилась и поболтала с ним немного, спросила, донимает ли его артрит, пытаюсь

быть такой же участливой, какой Кэрол всегда была с миссис Френч.

Она полила герань и поставила ее на край подоконника, где ее дольше будет освещать солнце. Кончики самых маленьких верхних листьев слегка покоричневели. Кэрол купила ей этот цветок в Де-Мойне, как раз перед тем как улететь. Плющ в другом горшке уже усох — продавец в цветочном магазине предупреждал их, что это капризное растение, но Кэрол все равно захотела его купить — и Тереза задумалась, не ждет ли та же участь и герань. А вот разнообразная коллекция цветов миссис Купер в эркере чувствовала себя прекрасно.

«Я брожу и брожу по городу, — написала она Кэрол, — но все, чего мне хотелось бы — это идти в одном направлении — на восток — и в итоге дойти до тебя. Когда ты сможешь приехать, Кэрол? Или мне приехать к тебе? Я, правда, не могу быть вдалеке от тебя так долго...»

Ответ она получила на следующее утро. Чек выпорхнул из письма Кэрол прямо на пол коридора миссис Купер. Чек на двести пятьдесят долларов. Кэрол писала — длинные закругления букв, нечетких и легких, перекладинки над «т», растягивающиеся над целым словом — писала, что у нее нет никакой возможности приехать в ближайшие две недели, да и потом, возможно, тоже. Чек предназначался ей — купить билет на самолет и заплатить за то, чтобы машину отогнали в Нью Йорк.

«Мне было бы лучше, если бы ты прилетела самолетом. Возвращайся сейчас, не жди,» — было написано в последней строке.

Кэрол писала письмо второпях, наверняка улучив для этого минутку, но в нем сквозила поразившая Терезу холодность. Она вышла на улицу, неверными шагами добрела до угла и все же опустила в почтовый ящик свое письмо, написанное вчера вечером, увесистый конверт с тремя марками авиапочты. Через двенадцать часов она может увидеть Кэрол. Эта мысль не принесла никакого облегчения. Должна ли она уехать сегодня утром? Или днем? Что они сделали с Кэрол? Она подумала, рассердится ли Кэрол, если она ей позвонит, не превратит ли ее звонок нынешнюю проблемную ситуацию в полное поражение?

Она обнаружила, что сидит где-то за столиком, а перед собой — кофе и апельсиновый сок. Потом опустила глаза на другое письмо, которое держала в руке. В верхнем левом углу она едва смогла разобрать выведенные от руки каракули. Письмо было от миссис Р. Робичек.

«Дорогая Тереза.

Большое тебе спасибо за вкусную колбасу, что я получила в прошлом месяце. Ты такая милая, славная девушка, и я рада что могу поблагодарить тебя, и не раз. Так мило, что в своем долгом путешествии ты нашла время подумать обо мне. Мне очень понравились красивые открытки, особенно та, большая, из Су-Фолс. Как там в Южной Дакоте? Все горы да ковбои? Я никогда никуда не ездила, кроме Пенсильвании. Ты счастливая девушка, такая молодая, и красивая, и добрая. Я сама все работаю. В магазине все так же. Все так же, только холоднее. Пожалуйста, приходи ко мне в гости, как вернешься. Я приготовлю тебе вкусный обед из кулинарии. Спасибо еще раз за колбасу. Я питалась ей много дней, это правда очень необычно и мило. С лучшими пожеланиями, искренне твоя —

Руби Робичек.»

Тереза соскользнула со стула, оставила деньги на стойке и выбежала на улицу. Всю дорогу до гостиницы Ворриор она пробежала, заказала звонок и стала ждать, прижав телефонную

трубку к уху, пока не услышала, как в доме Кэрол зазвонил телефон. Но к телефону никто не подошел. Двадцать гудков — и никто не ответил. Она подумала, не позвонить ли адвокату Кэрол, Фреду Хеймсу. И решила, что не должна этого делать. Эбби она тоже не хотела звонить.

Днем пошел дождь, и Тереза лежала у себя в комнате на кровати, глядя в потолок и ожидая трех часов дня, когда она собиралась снова позвонить. Около полудня миссис Купер принесла ей поднос с обедом. Миссис Купер думала, что она болеет. Но Тереза не могла ничего есть и не знала, что ей делать со всей этой едой. Было уже пять вечера, и она все еще пыталась дозвониться до Кэрол. Наконец гудки прекратились, на линии возникла какая-то заминка, парочка телефонисток переспросили друг друга о звонке, и первыми словами, которые Тереза услышала от Кэрол, стали «Да, черт возьми!» Тереза улыбнулась, и вся терзавшая ее тоска, казалось, вытекла через ее руки.

— Алло? — отрывисто сказала Кэрол.

— Алло? — связь была паршивой. — Я получила письмо — то, которое с чеком. Что случилось, Кэрол?.. Что?..

Измученный голос Кэрол пробился сквозь шум помех и повторил:

— Я думаю, эта линия прослушивается, Тереза... С тобой все хорошо? Ты возвращаешься домой? Я сейчас не могу долго говорить.

Тереза нахмурилась, не в силах подобрать слова.

— Да, я думаю, я могу выехать сегодня, — а потом выпалила, — что происходит, Кэрол? Я, правда, не могу так, я же ничего не знаю!

— Тереза! — одним этим словом Кэрол словно перечеркнула все слова Терезы. — Ты вернешься домой, чтобы я смогла тебе все объяснить?

Терезе показалось, что она слышит, как Кэрол нетерпеливо выдохнула.

— Но мне нужно знать. Ты вообще сможешь со мной встретиться, когда я вернусь?

— В этом вся ты, Тереза.

Разве так они разговаривали друг с другом? Разве такими словами?

— Но ты сможешь?

— Я не знаю, — ответила Кэрол.

Холодок пробежал по ее рукам, верх, до самых пальцев, сжимавших телефонную трубку. Она чувствовала, что Кэрол ненавидит ее. Потому что все случилось по ее вине, из-за ее глупого, ужасного промаха с письмом, которое нашла Флоренс. Что-то произошло, и, наверное, теперь Кэрол не сможет и даже не захочет видеть ее снова.

— Судебное разбирательство уже началось?

— Все завершилось. Я написала тебе об этом. Я больше не могу говорить. До свидания, Тереза, — Кэрол подождала ее ответа. — Я должна сказать тебе «до свидания».

Тереза медленно повесила трубку.

Она стояла в вестибюле гостиницы, глядя на размытые фигуры за стойкой регистрации. Она вытащила письмо Кэрол из кармана и перечитала его, но голос Кэрол все еще звучал совсем рядом, нетерпеливо повторяя: «Ты вернешься домой, чтобы я смогла тебе все объяснить?» Она вытащила чек, окинула его взглядом еще раз — сверху донизу — и медленно разорвала его. И бросила клочки в медную плевательницу.

Но она не разрыдалась, пока не вернулась домой и снова не увидела комнату — двойную кровать, что провисла посередине, и пачку писем от Кэрол на столе. Она не могла оставаться здесь еще на одну ночь.

На эту ночь она переберется в отель, и если то письмо, о котором упомянула Кэрол, не придет сюда завтра утром, она все равно уедет.

Тереза вытащила свой чемодан из шкафа, поставила на кровать и раскрыла. В одном из

кармашков торчал уголок сложенного носового платка. Тереза достала его и поднесла к носу, вспоминая утро в Де-Мойне, когда Кэрол капнула на платок каплю духов, сложила его в кармашек и отпустила по этому поводу рассмешившее Терезу едкое замечание. Тереза стояла с одной рукой на спинке стула, а другую сжала в кулак и бесцельно приподнимала и опускала. Все, что она чувствовала, было таким размытым, как и стоявший перед ней стол с письмами на нем. Затем ее рука вдруг потянулась к письму, прислоненному к книге в дальней части стола. Она не видела раньше этого письма, хотя оно лежало на виду. Тереза разорвала конверт. Это было письмо, о котором сказала Кэрол. Письмо было длинным, и чернила на каких-то страничках были бледными, а на других — темными, и в тексте попадались зачеркнутые слова. Она прочла первую страницу, вернулась к началу и перечитала снова.

«Понедельник.

Моя дорогая,

Я даже не иду в суд. Этим утром мне в частном порядке показали то, что Хардж собирался предъявить против меня. Да, у них есть записи нескольких разговоров — с подписью „Ватерлоо“, и участвовать в судебном заседании было бы бессмысленно. Это был бы позор — странным образом, не для меня, но для моего собственного ребенка, не говоря уже о том, что я не хочу впутывать в это дело тебя. Сегодня утром все было очень просто — я просто сдалась. Теперь адвокаты говорят, что очень важно понять, что я намерена делать в будущем. От этого зависит, увижу ли я еще когда-нибудь собственного ребенка, потому что Хардж с легкостью получил полное право опеки над ней. Вопрос был поставлен так: прекращаю ли я видеться с тобой (и тебе подобными — они так и сказали!). Хотя его не так явно сформулировали. Там была дюжина физиономий, которые открывали свои рты и вещали, как судьи судного дня — напоминая мне о моем долге, моем положении и моем будущем. (А что за будущее они уготовили мне? Собираются они посмотреть на него через полгода?) — и я сказала, что прекращу видеться с тобой. Я задаюсь вопросом, поймешь ли ты меня, Тереза, поскольку ты так юна и никогда даже не знала матери, которая бы тебя без памяти любила. За такое обещание они одарили меня своей замечательной наградой — привилегией видеться с моим ребенком несколько недель в году.

Несколько часов спустя...

Здесь Эбби. Мы говорим о тебе — она шлет тебе свою любовь, так же как я свою. Эбби напомнила мне о некоторых вещах, которые я уже знаю — что ты очень юна, и что ты меня обожаешь. Эбби не думает, что мне следует посылать тебе это письмо, а нужно рассказать все, когда ты вернешься. Мы только что практически из-за этого поругались. Я говорю ей, что она не знает тебя так, как знаю я, и, думаю, сейчас она не знает меня так же, как знаешь меня ты в некотором роде, и это касается чувств.

Сегодня я не очень счастлива, моя милая. Я пью виски, хотя знаю, что ты сказала бы, что он вгоняет меня в тоску. Но я оказалась не готова к происходящему — после всех этих недель с тобой. Это было счастливое время — и ты знаешь это не хуже меня. Хотя все, что мы знаем — только начало. Я пытаюсь сказать тебе в этом письме, что ты даже не знаешь, что было бы дальше, и, вероятно, ты никогда и не захочешь узнать, и не предполагалось, что узнаешь... в смысле, это не было суждено судьбой. Мы никогда не боролись, никогда не возвращались, зная, что ничего больше не хотели на небе и земле, кроме как быть вместе. Любила ли ты меня настолько сильно, я не знаю. Но это все только часть целого, а то, что мы знали — всего лишь начало. Все длилось так недолго. И по этой причине не успело к тебе прикипеть. Ты говоришь, что любишь

меня, всякую, даже когда я ругаюсь. Я говорю, что люблю тебя всегда, такую, какая ты есть, и ту, которой станешь. Я бы заявила об этом в суде, если бы это что-то значило для тех людей или могло бы что-то изменить, потому что это не те слова, которых я страшусь. Я хочу сказать, дорогая, я отправлю тебе это письмо и думаю, ты поймешь, почему я это делаю, почему я вчера сказала адвокатам, что больше не увижусь с тобой, и почему я вынуждена была им это сказать, и я бы тебя недооценивала, если бы подумала, что ты этого не поймешь или что ты предпочла бы узнать обо всем позже.»

Она перестала читать, встала и побрела к письменному столу. Да, она поняла, почему Кэрол послала ей это письмо. Потому что она любила своего ребенка больше, чем ее. Из-за этого адвокаты смогли ее сломать, принудить поступить именно так, как они хотели, чтобы она поступила.

Тереза не могла представить, чтобы Кэрол к чему-либо принудили. И все же, это прослеживалось в написанных Кэрол словах. Это была капитуляция, Тереза не могла себе представить, что оказалась разменной монетой, которую могли бы вырвать у Кэрол из рук.

На мгновение к ней пришло странное осознание, что Кэрол любила ее лишь отчасти, и вдруг целый мир, весь последний месяц, словно огромная ложь, дал трещину и почти рухнул. В следующее мгновение Тереза отвергла эту мысль. Но факт оставался фактом, Кэрол выбрала своего ребенка. Она уставилась на письмо Ричарда, лежавшее на столе, и почувствовала как все слова, которые она хотела ему высказать, но так никогда и не сказала, поднимаются у нее внутри бурным потоком. Какое право он имел говорить о том, кого она любила или как? Что он знал о ней? Что он вообще знал?

«... преувеличенными, и в то же время сведенными к минимуму (она читала другую страницу из письма Кэрол). Но между наслаждением от поцелуя и тем, чем мужчина и женщина занимаются в постели, как мне кажется, разница невелика. Поцелуй, например, нельзя свести к минимуму, и о его ценности не может судить ни один посторонний. Интересно, измеряют ли эти мужчины свое удовольствие в зависимости от того, произвели их действия на свет ребенка или нет, и действительно ли они считают их более приятными, если да. В конце концов, это вопрос об удовольствии, и какой тогда смысл спорить о том, что лучше — удовольствие от порции мороженого или от футбольной игры — или противопоставлять квартет Бетховена Моне Лизе. Я оставлю этот вопрос для философов. Но с их точки зрения я должна была быть не то слабоумной, не то слепой (плюс, как повод для сожаления, я полагаю, сам факт того, что привлекательная женщина предположительно недоступна для мужчин). Кто-то привел в качестве аргумента „эстетику“, я имею в виду, против меня, конечно. Я спросила, действительно ли кто-то хочет об этом поспорить — и это вызвало только смех, единственный смех за время всего действия. Но самое главное, о чем я не упомянула, и то, до чего еще никто не додумался — это то, что отношения между двумя мужчинами или двумя женщинами могут быть настолько всепоглощающими и совершенными, что между мужчиной и женщиной они просто не могут возникнуть. Возможно, кому-то нужно именно это, а кто-то хочет большей переменчивости и неопределенности, которые могут приключиться только между мужчинами и женщинами. Вчера было сказано, или, по крайней мере, подразумевалось, что мое нынешнее поведение вовлечет меня в пучину человеческого порока и вырождения. Да, я туда уже глубоко погрузилась с тех пор, как они забрали тебя у меня. Это правда, если я пойду на это, и за мной будут шпионить, нападать,

если я никогда не смогу никем обладать достаточно долго, потому что простое узнавание личности есть штука поверхностная — то это вырождение. А жить вопреки своей внутренней сути — это вырождение по определению.

Дорогая, я все это вывалила на тебя (следующая строка была вычеркнута). Ты, несомненно, устроишь свое будущее лучше, чем я. Позволь мне стать для тебя плохим примером. Если ты сейчас обижена сверх того, что, как тебе кажется, ты можешь вынести, и если это заставляет тебя — все равно, сейчас или когда-нибудь — возненавидеть меня, а именно так я и сказала Эбби, то я все равно не буду сожалеть. Возможно, я была тем самым человеком, которого тебе суждено было повстречать, как ты говорила, твоей единственной, и ты сможешь оставить это все в прошлом. А если все же нет, то, несмотря на нынешние крах и бедственное положение, я знаю, ты в то утро сказала правильную вещь, — так быть не должно. Я очень хотела бы поговорить с тобой, всего один раз, когда ты вернешься домой, если на то будет твоя воля, если ты только не думаешь, что ты не сможешь.

Твои растения на заднем крыльце по-прежнему прекрасно себя чувствуют. Я поливаю их каждый день...»

Тереза больше не могла читать. Она услышала, как за ее дверью кто-то медленно спускается по ступенькам и более уверенно идет по коридору. Когда шаги удалились, она открыла дверь и постояла немного, борясь с порывом выйти из дома прочь и оставить все позади. Затем она пошла по коридору к двери миссис Купер в задней части дома.

Миссис Купер отозвалась на ее стук, и Тереза произнесла заготовленные заранее слова о том, что уезжает сегодня вечером. Она смотрела в лицо миссис Купер — та не слушала ее, а только реагировала на выражение лица Терезы, и внезапно ей показалось, что миссис Купер является всего лишь ее собственным отражением, от которого она не может отвернуться.

— Что ж, мне очень жаль, мисс Беливет. Мне жаль, если ваши планы нарушились, — сказала она, а на ее лице отразились только шок и любопытство.

Потом Тереза вернулась в свою комнату и начала укладываться — на дно чемодана она положила сложенные картонные макеты, а затем книги. Через секунду она услышала медленные, приближающиеся к ее двери, шаги миссис Купер, как будто она что-то несла, и Тереза подумала, если та несет ей еще один поднос, то она закричит. Миссис Купер постучала.

— Куда мне переслать ваши письма, дорогая, в случае, если они сюда придут? — спросила миссис Купер.

— Я еще не знаю. Я напишу и дам вам знать, — Тереза почувствовала головокружение и тошноту, когда выпрямилась.

— Вы же не отправляетесь в Нью-Йорк так поздно ночью, нет? — миссис Купер называла «ночью» любое время после шести вечера.

— Нет, — сказала Тереза. — Я лишь немного проедусь.

Ей не терпелось остаться одной. Она смотрела на руку миссис Купер, оттопыривающую за пояс серый в клетку передник, на смятые мягкие тапки, изношенные на этих этажах до того, что они стали как тонкая бумага, на те тапки, в которых она ходила по этим самым этажам многие годы, прежде чем сюда приехала Тереза, и будет продолжать в них ходить по протоптаным дорожкам на полах годы спустя после того, как она отсюда уедет.

— Ну, всего вам хорошего и дайте мне знать, как вы там устроились, — сказала миссис Купер.

— Да.

Она поехала на машине к отелю, к другому отелю, а не к тому, откуда она звонила Кэрл.

Потом она вышла прогуляться, не находя себе места, избегая тех улиц, где она бывала с Кэрол. «Надо было поехать в другой город», — подумала она и остановилась, наполовину решив вернуться к машине. Но потом пошла дальше, не замечая на самом деле, где она находится. Она шла, пока не замерзла, и ближайшим местом, чтобы зайти и согреться, оказалась библиотека. Она прошла мимо закусочной и заглянула внутрь. Датч заметил ее, и со знакомым кивком, как будто чтобы увидеть ее сквозь витрину, он должен был под что-то заглянуть, улыбнулся и помахал ей. Она машинально помахала ему рукой в ответ, прощаясь, и вдруг подумала о своей комнате в Нью-Йорке, о платье, что все еще лежало на диване и о загнувшемся уголке ковра. Если бы только можно было сейчас туда дотянуться и расправить ковер, подумалось ей. Она стояла и смотрела на узкую, плотно застроенную улицу и на круглые уличные фонари. Одиноким прохожий шел по тротуару в ее сторону. Тереза поднялась по ступенькам в библиотеку.

Мисс Грэхем, библиотекарь, поприветствовала ее, как обычно, но Тереза не пошла в основной читальный зал. Там сегодня было трое или четверо посетителей — лысый мужчина в очках в черной оправе, который часто сидел за средним столом... а как часто она сидела в этой комнате с письмом от Кэрол в кармане? И Кэрол рядом с ней... Она поднялась по лестнице, прошла мимо зала с литературой по истории и искусству на втором этаже и поднялась на третий этаж, где она раньше ни разу не была. Там обнаружилась одна, пыльная на вид комната, уставленная вдоль стен шкафами со стеклянными дверцами, с несколькими написанными маслом картинами и мраморными бюстами на пьедесталах.

Тереза села за один из столов, и ее тело болезненно расслабилось. Она опустила голову на скрещенные на столе руки, внезапно став вялой и сонной, но в следующую секунду отодвинула стул назад и встала. От ужаса у нее волосы встали дыбом. До сих пор ей удавалось как-то притворяться, что Кэрол не покинула ее, что когда она вернется в Нью-Йорк, она будет видеться с Кэрол и все будет, все должно быть так, как было прежде. Тереза нервно оглядела комнату, словно в поисках какого-то опровержения, в поисках успокоения. На мгновение ей показалось, что сейчас ее тело может рассыпаться само по себе или швырнуть себя сквозь стекло одного из высоких окон на той стороне комнаты. Она уставилась на мертвенно-бледный бюст Гомера, чьи пытливые приподнятые брови были слабо очерчены пылью. Тереза развернулась к двери и в первый раз заметила картину над притолокой.

«Она только похожа, — подумала она, — она не совсем такая, не совсем» — но узнавание потрясло ее до глубины души, росло в ней, пока она смотрела на картину и понимала, что картина — точно такая же, только намного больше, и что она видела ее много раз в коридоре, который вел к комнате для занятий музыкой, пока ее не сняли, когда она была еще маленькой — улыбающаяся женщина в изысканном платье стоит в каком-то дворике, рука прижата чуть ниже горла, голова высокомерно повернута вполборота, словно художник настолько поймал ее в движении, что даже жемчужные серьги в каждом ухе, казалось, еще кольшутся. Она узнала низкие, твердой лепки скулы, полные, кораллового цвета губы, улыбку в уголке рта, насмешливо прищуренные веки, сильный, не очень высокий лоб, который даже на картине, казалось, немного нависал над живыми глазами, которые знали все наперед, и сочувствовали, и смеялись одновременно. Это была Кэрол. Теперь, в этот долгий момент, пока она не могла отвести от картины глаз, нарисованные губы улыбнулись, а глаза оглядели ее ни с чем иным, как с издевкой; последняя завеса была поднята и обнажила лишь насмешку и злорадство, великолепное удовлетворение совершенным предательством.

Судорожно вздохнув, Тереза пробежала под картиной и дальше, вниз по лестнице. На нижнем этаже в зале мисс Грэхем о чем-то ее встревоженно спросила, и Тереза услышала свой собственный ответ похожий на дурацкое бормотание, потому что она все еще задыхалась,

боролась за каждый вздох — и она пронеслась мимо мисс Грэхем и стремглав выбежала из здания.

ПОСРЕДИ КВАРТАЛА она открыла дверь кафе, но там играла одна из песен, которую она везде слушала вместе с Кэрол, и она позволила двери закрыться и пошла дальше. Эта музыка жила, но мир был мертв. «И эта песня однажды умрет, — подумала она, — но как же мир вернется обратно к жизни? Как вернется назад соль этой жизни?»

Она пошла в отель. В номере она намочила полотенце холодной водой и положила его себе на глаза. В комнате было прохладно, поэтому она сняла одежду, обувь и нырнула в постель.

Снаружи пронзительный голос, приглушенный в пустом пространстве, выкрикивал: «Эй, кому Чикаго Сан-Таймс».

Потом все стихло, и она прикинула, не попытаться ли ей заснуть, а тем временем усталость уже начинала убаюкивать ее — неприятно, словно опьянение. Теперь голоса доносились из коридора, они говорили о доставленном не туда багаже, и чувство тщетности и пустоты захлестнуло ее, пока она лежала там, с влажным, пахнущим какими-то лекарствами полотенцем на опухших глазах. Голоса ожесточенно спорили, и она почувствовала, как мужество покидает ее, а за ним и сила воли, и в панике она попыталась подумать о мире, что остался снаружи, о Денни и о миссис Робичек, о Фрэнсис Коттер и Пеликан Пресс, о миссис Осборн и ее собственной квартире в Нью-Йорке, но ее разум отказывался думать о них или отступить, ее разум вел себя так же, как вело сейчас ее сердце, и отказывался отступить от Кэрол. Эти лица слились вместе, как те голоса снаружи. А еще там было лицо сестры Алисии и лицо ее матери. И последняя комната, в которой она спала в школе. И очень раннее утро, когда она улизнула из спального корпуса и бегом неслась через лужайку как молодой зверек, очумевший от весны, и увидела сестру Алисию, которая сама металась по полю, как безумная, в белых туфлях, мелькавших словно утки в высокой траве, и только через несколько минут она сообразила, что сестра Алисия гонялась за сбежавшим цыпленком. А также тот момент, в доме какого-то друга ее матери, когда она дотянулась до куска торта и опрокинула тарелку на пол, и ее мать закатила ей пощечину. Она увидела картину в школьном вестибюле, сейчас та дышала и двигалась, как Кэрол, насмешливая и жестокая, покончившая с ней, как если бы была достигнута какая-то злая и давно predetermined цель. Тело Терезы напряглось в ужасе, а разговор в коридоре самозабвенно продолжался дальше, достигая ее слуха острыми, тревожными звуками, словно где-то снаружи, на пруду трескался лед.

— Что значит — ты сделал?

— Нет...

— Если бы ты это сделал, чемодан был бы уже внизу в гардеробной...

— Ой, да я же говорил тебе...

— Но ты хочешь, чтобы потерял чемодан я, чтобы тебя не выперли с работы!

Ее разум воспринимал смысл каждого предложения по отдельности, фразу за фразой, словно какой-то медленный переводчик, который отставал, отставал и наконец совсем потерялся.

Она села в кровати, как раз в тот момент, когда у нее в голове закончил проигрываться плохой сон. В номере было почти совсем темно, в углах залегали глубокие и плотные тени. Она дотянулась до выключателя на лампе и прикрыла глаза от света. Она бросила четвертак в радио на стене и сделала звук погромче на первой же найденной станции. Сначала это был мужской голос, а потом началась музыка — ритмичное, с восточными мотивами произведение, которое входило в программу изучения музыки в школе. «На персидском рынке» — машинально вспомнила она, и теперь волнообразный ритм музыки, под который ей всегда представлялся

шагающий верблюд, вернул ее назад в небольшой класс монастырской школы, где над высокими стенными панелями были развешены иллюстрации к операм Верди. Она периодически слышала эту пьесу в Нью Йорке, но никогда не слушала ее вместе с Кэрол, не слышала и не вспоминала о ней с тех пор, как познакомилась с Кэрол, и теперь музыка стала мостиком, протянувшимся сквозь время, но не соединяющим ничего. Она взяла с прикроватного столика нож для разрезания конвертов. Он принадлежал Кэрол — деревянный нож, который каким-то образом попал к ней в чемодан, когда они собирали вещи, и Тереза сжала рукоятку и провела большим пальцем вдоль лезвия, но его реальность, казалось, отрицает существование Кэрол вместо того, чтобы подтвердить ее, и не затрагивала ее настолько, насколько затронула ее музыка, которую они никогда не слушали вместе. Она подумала о Кэрол со всплеском обиды, о Кэрол, как об отдаленном островке спокойствия и тишины.

Тереза подошла к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой. Она должна найти работу, завтра, если сможет. Это было ее идей — остановиться здесь, поработать две недели или около того, чтобы не плакать в гостиничных номерах. Ей нужно послать миссис Купер название гостиницы и адрес, просто из вежливости — еще одна вещь, которую она должна была сделать, хоть и не хотела. И может быть, стоило снова написать Харкви, подумалось ей, после его вежливого, но недвусмысленного ответа в Су-Фолс. *«Я был бы рад встретиться с вами снова, когда вы приедете в Нью-Йорк, но у меня нет возможности что-то пообещать вам на эту весну. Было бы хорошо, если бы вы увиделись с мистером Недом Бернштейном, сопродюсером, когда вернетесь. Он может побольше рассказать вам о том, что происходит в дизайнерских студиях, чем могу это сделать я...»*. Нет, она не станет снова об этом писать.

Внизу она купила открытку с видом озера Мичиган и специально написала на ней жизнерадостное послание миссис Робичек. Пока она ее писала, слова казались фальшивыми, но уходя от почтового ящика, куда она бросила открытку, она вдруг осознала, что ее наполняет энергия, шаг стал пружинящим, молодость пела в ее крови, щеки зарделись, когда она зашагала побыстрее, и она понимала, что по сравнению с миссис Робичек она свободна и благословенна, и то, что она написала, не было фальшивым, потому что она с легкостью могла себе это позволить. Она не была скрюченной или наполовину слепой, и не страдала от боли. Она встала у витрины магазина и быстро подкрасила губы. Порыв ветра заставил ее отступить, чтобы не потерять равновесие. Но в холоде ветра она чувствовала зерно зарождающейся весны, словно внутри у него билось теплое и юное сердце. Завтра утром она начнет искать работу. Она должна быть в состоянии прожить на те деньги, что у нее остались, и отложить то, что заработает, на обратную дорогу в Нью-Йорк. Конечно, она могла обратиться в банк, чтобы забрать со счета остаток своих денег, но это было не то, чего она хотела. Она хотела поработать две недели среди людей, которых не знала, выполняя работу, которую выполняли миллионы других людей. Она хотела стать кем-то другим.

Она обратилась по объявлению о найме секретаря-делопроизводителя, в котором говорилось, что требуется небольшой навык машинописи и нужно прийти лично. Казалось, они полагали, что она подойдет, и она потратила все утро на то, что разбиралась с папками. А затем после обеда зашел один из начальников и сказал, что ему нужна девушка, которая знает стенографию. Тереза ее не знала. В школе она научилась печатать на машинке, но не стенографии, поэтому она не подошла.

После обеда она снова просмотрела колонки с объявлениями о приеме на работу. А потом вспомнила надпись на заборе склада пиломатериалов, что располагался недалеко от отеля. *«Требуется девушка для работы в главном офисе и на складе. 40\$ в неделю»*. Если им не потребуется стенография, то она сможет претендовать на это место. Было около трех, когда она завернула на продуваемую ветрами улицу, где находился склад пиломатериалов. Она подняла

голову и позволила ветру сдуть волосы с лица назад. И вспомнила слова Кэрол: «Мне нравится смотреть, как ты идешь. Когда я смотрю на тебя издали, мне кажется, что ты шагаешь у меня по ладошке, и в тебе всего пять дюймов роста». В шелесте ветра ей послышался мягкий голос Кэрол, и она сжалась от горечи и страха. Она пошла быстрее, сорвавшись на несколько шагов на бег, как будто могла вырваться из трясины любви, ненависти и обиды, среди которых вдруг заметался ее разум.

Деревянная хибара, стоявшая чуть сбоку во дворе склада, оказалась офисом. Тереза вошла и переговорила с мистером Замбровски — медлительным лысым мужчиной, со слегка провисшей на животе золотой цепочкой от часов. Прежде чем Тереза успела спросить его о стенографии, он сам сообщил, что она ему не нужна. Он сказал, что посмотрит на ее работу сегодня днем и завтра. Двое других девушек пришли по объявлению на следующее утро, и мистер Замбровски записал их имена, но еще до полудня сказал Терезе, что работу она получила.

— Вы не против приходить сюда в восемь утра? — спросил мистер Замбровски.

— Не против.

Сегодня утром она пришла в девять. Но она бы пришла туда и в четыре утра, если бы он ее попросил.

Рабочий день длился с восьми до половины пятого, и ее обязанности заключались в простом учете материала, поставленного с лесопилки и отгруженного согласно заказам, а также в составлении сопроводительных писем. За своим столом в офисе она не часто видела пиленый лес, но его запах витал в воздухе — свежий, словно поверхность белых сосновых досок только-только вышла из-под пилы. А еще Тереза могла слышать, как подпрыгивают и громыхают доски в кузовах грузовиков, когда они останавливались в центре двора. Ей нравилась работа, нравился мистер Замбровски и нравились лесорубы и водители грузовиков, которые приходили в офис, чтобы погреть руки у печки. Один из лесорубов по имени Стив, привлекательный молодой человек с щетиной золотистого цвета, пару раз пригласил ее пообедать с ним в кафетерии недалеко на этой же улице. Он пригласил ее на свидание вечером в субботу, но Тереза еще не хотела проводить целый вечер ни с ним, ни с кем-либо другим. В один из вечеров ей позвонила Эбби.

— Ты в курсе, что мне пришлось дважды звонить в Южную Дакоту, чтобы тебя отыскать? — сказала раздраженно Эбби. — Что ты там делаешь? Когда ты возвращаешься?

Голос Эбби принес с собой Кэрол, так близко, словно она слышала саму Кэрол. Ее горло снова так стиснуло от опустошенности, что какое-то время она ничего не могла ответить.

— Тереза?

— Кэрол с тобой?

— Она в Вермонте. Она болеет, — произнес хриплый голос Эбби, и сейчас в нем не было ни малейшей улыбки. — Она отдыхает.

— Слишком больна, чтобы мне позвонить? Эбби, почему ты мне об этом ничего не сказала? Ей лучше или хуже?

— Лучше. Почему бы тебе не позвонить и не узнать самой.

Тереза сжала трубку телефона. Да, и почему же она не позвонила? Потому что она думала о картине, а не о Кэрол.

— Что с ней такое? Она...

— Замечательный вопрос. Кэрол же написала, что произошло, так ведь?

— Да.

— Ну, и ты ждешь, что она будет скакать вприпрыжку? Или гоняться за тобой по всей Америке? Ты что, думаешь, что это игра в прятки?

Весь тогдашний разговор с Эбби за обедом с силой обрушился на Терезу. С точки зрения

Эбби, во всем произошедшем виновата была она одна. И найденное Флоренс письмо было только завершающим промахом.

— Когда ты возвращаешься назад? — спросила Эбби.

— Где-то через десять дней. Если только Кэрол не понадобится машина раньше.

— Не понадобится. И она не вернется домой раньше, чем через десять дней.

— Насчет того письма... которое я написала... — выдавила из себя Тереза, — не знаешь, они нашли его до или после?

— До или после чего?

— После того, как за нами стал следить детектив.

— Они нашли его после этого, — сказала Эбби, вздыхая.

Тереза сжала зубы. Но не имело никакого значения, что о ней думала Эбби, имело значение только то, что думала Кэрол.

— Где она в Вермонте?

— На твоём месте я не стала бы ей звонить.

— Но ты не на моём месте, а я хочу позвонить ей.

— Не надо. Это все, что я могу тебе сказать. Я могу передать ей все, что ты скажешь... это важно. — Повисло ледяное молчание. — Кэрол хочет знать, не нужно ли тебе денег и что там с машиной.

— Мне не нужны никакие деньги. Машина в порядке, — ей нужно было задать еще один вопрос — Что Ринди знает обо всем этом?

— Она знает, что значит слово «развод». И она хотела остаться с Кэрол. Кэрол совсем не легче от этого.

Очень хорошо, очень хорошо, хотела сказать Тереза. Она не будет беспокоить Кэрол звонками, письмами, любыми сообщениями, если только это не будет насчет машины. Ее трясло, когда она положила трубку. И она тут же подняла ее снова.

— Это номер шесть одиннадцать, — сказала она. — Я больше не хочу принимать междугородных звонков... ни одного.

Она посмотрела на принадлежавший Кэрол нож для разрезания конвертов, который лежал на прикроватной тумбочке. Сейчас он олицетворял собой саму Кэрол, человека из плоти и крови, Кэрол с веснушками и щербинкой на уголке одного зуба. Обязана ли она чем-нибудь Кэрол? Кэрол, как человеку? Разве Кэрол не играла с ней, как Ричард и говорил? Она вспомнила слова Кэрол: «Когда у тебя есть муж и ребенок, все немного по-другому». Она нахмурилась, глядя на нож для разрезания конвертов, не понимая, почему это он вдруг превратился именно в нож, почему ей стало безразлично, сохранит ли она его или выкинет.

Два дня спустя пришло письмо от Эбби, в котором находился чек на ее имя на сто пятьдесят долларов, и Эбби написала ей: «Забудь о нем». Эбби сообщала, что говорила с Кэрол, и что Кэрол хотела бы получить от нее весточку, и она прислала адрес Кэрол. Это было довольно прохладное письмо, в отличие от жеста с чеком. Тереза понимала, что Кэрол не имеет к нему отношения.

«Спасибо за чек, — написала Тереза ей в ответ. — Это ужасно мило с твоей стороны, но я им не воспользуюсь, и мне он не нужен. Ты просишь меня написать Кэрол. Не думаю, что могу или должна это сделать».

Однажды вечером, вернувшись с работы, она обнаружила сидящего в вестибюле гостиницы Денни. Она поверить не могла, что это он — вот этот темноглазый молодой человек, с улыбкой поднявшийся со стула и медленно зашагавший к ней. А потом его растрепавшиеся волосы, еще сильнее запутавшиеся из-за поднятого воротника пальто, и ровная широкая улыбка показались такими знакомыми, словно она виделась с ним вчера.

— Привет, Тереза, — сказал он. — Удивлена?

— Ужасно. Я уже поставила на тебе крест. Ни словечка от тебя в течение двух недель.

Она вспомнила, что 28-ое был тем днем, когда, как он сказал, он покинет Нью-Йорк, и это был тот день, когда она приехала в Чикаго.

— А я почти поставил крест на тебе, — сказал Денни, смеясь. — Меня задержали в Нью-Йорке. Думаю, мне повезло, что так получилось, потому что я пытался тебе дозвониться, и твоя хозяйка дала мне твой адрес, — пальцы Денни твердо сжимали ее локоть. Они медленно шли по направлению к лифтам. — Ты чудесно выглядишь, Тереза.

— Разве? Я так ужасно рада тебя видеть, — перед ними очутился лифт с распахнутыми дверьми. — Хочешь подняться?

— Давай пройдемся и чего-нибудь поедим. Или еще слишком рано? Я сегодня даже не обедал.

— Тогда, определенно, это не слишком рано.

Она пошла в место, о котором знала Тереза, и которое специализировалось на стейках. Денни даже заказал коктейли, хотя обычно он никогда не пил.

— Ты здесь сама по себе? — спросил он. — Твоя хозяйка в Су-Фолс сказала мне, что ты уехала одна.

— В конце концов Кэрол не смогла выбраться.

— О. И ты решила остаться подольше?

— Да.

— До каких пор?

— Как раз до этих самых. Я возвращаюсь на следующей неделе.

Денни слушал, не отрывая своих теплых, темных глаз от ее лица, без всякого удивления.

— Почему бы тебе не отправиться на запад, а не на восток, и не провести немножко времени в Калифорнии? Я получил работу в Окленде. Я должен быть там послезавтра.

— Что за работа?

— Исследовательская работа... как раз такая, о которой я просил. Вышло так, что я сдал экзамены лучше, чем рассчитывал.

— Ты был первым в группе?

— Не знаю. Сомневаюсь. Они не оценивали нас таким образом. Ты не ответила на мой вопрос.

— Я хочу вернуться в Нью-Йорк, Денни.

— О, — он улыбался, разглядывая ее прическу, губы, и ей пришло в голову, что Денни никогда не видел ее с таким количеством косметики.

— Ты выглядишь неожиданно повзрослевшей, — сказал он. — Ты поменяла прическу, да?

— Немного.

— И ты не выглядишь больше испуганной. Или даже такой серьезной.

— Это меня радует.

С ним она чувствовала себя застенчивой, и все же какой-то ему близкой, и близость несла в себе что-то, чего она никогда не испытывала с Ричардом. Что-то тревожное, и это ей нравилось. «Крупинка соли», — подумала она. Тереза посмотрела на лежащую на столе руку Денни, на его твердые мускулы, что выпирали под большим пальцем. Она вспомнила тот день в его комнате и его руки на своих плечах. Воспоминание было приятным.

— Ты же скучала по мне немножко, да, Терри?

— Конечно.

— Ты когда-либо думала, что я хоть что-то для тебя значу? Так, как Ричард, например? — спросил он с ноткой удивления в голосе, как будто это был немыслимый вопрос.

— Я не знаю, — выпалила она.

— Но ты же не думаешь до сих пор о Ричарде, да?

— Ты должен знать, что нет.

— О ком тогда? О Кэрол?

Внезапно, сидя тут перед ним, она почувствовала себя голой.

— Да. Думала.

— Но не сейчас?

Тереза была поражена, как он смог произнести эти слова — без какого-либо удивления, совершенно обыденно.

— Нет. Это... я ни с кем не могу об этом говорить, Денни, — договорила она и услышала, как глубоко и спокойно прозвучал ее голос, как голос любого другого человека.

— Разве тебе не хочется это забыть, если все уже в прошлом?

— Не знаю. Я просто не знаю, как ты это себе представляешь.

— В смысле, ты сожалеешь?

— Нет. Сделала бы я то же самое снова? Да.

— Ты имеешь в виду с кем-то другим или с ней?

— С ней, — сказала Тереза. Уголок ее губ приподнялся в улыбке.

— Но все же закончилось крахом.

— Да. Я хочу сказать, что прошла бы через все снова. До самого конца.

— Да ты до сих пор через это проходишь.

Тереза ничего не ответила.

— Ты собираешься снова с ней увидеться? Ты не против, что я задаю все эти вопросы?

— Не против, — ответила она. — Нет, я не собираюсь видеться с ней опять. Не хочу.

— А с кем-то другим?

— С другой женщиной? — Тереза покачала головой. — Нет.

Денни посмотрел на нее и медленно улыбнулся.

— Вот что важно. Или, скорее, вот что делает это не важным.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты такая молодая, Тереза. Ты изменишься. Ты забудешь.

Она не чувствовала себя юной.

— Ричард с тобой разговаривал?

— Нет. Думаю, однажды вечером он хотел, но я прервал его еще до того, как он успел начать.

Она почувствовала на своих губах горькую усмешку и последний раз затянулась тем, что осталось от сигареты, и отложила ее.

— Я надеюсь, он найдет кого-нибудь, кто его выслушает. Ему нужна аудитория.

— Он чувствует себя брошенным. Его это страдает. И никогда не думай, что я такой же как Ричард. Я считаю, что жизнь людей принадлежит им самим.

Внезапно ей пришла на ум фраза, которую как-то обронила Кэрол: у каждого взрослого есть свои секреты. Сказанная между делом, как Кэрол говорила обо всем, эта фраза намертво впечаталась в ее мозг, как тот адрес, что она написала на квитанции наложенного платежа у Франкенберга. У нее возник порыв рассказать Денни остальное, о картине в библиотеке и о картине в школе. И о той Кэрол, которая была не на картине, а о женщине с ребенком и мужем, с веснушками на руках и с привычкой сквернословить, которая становилась меланхоличной в неожиданные моменты, и с плохой привычкой потакать своим слабостям. О женщине, которая выстрадала в Нью-Йорке больше, чем она в Южной Дакоте. Она посмотрела в глаза Денни, на его подбородок с едва заметной ямочкой. И поняла, что до настоящего момента находилась под

какими-то чарами, которые мешали ей видеть хоть кого-то в этом мире, кроме Кэрл.

— А сейчас о чем ты думаешь? — спросил он.

— О том, что ты однажды сказал в Нью-Йорке — о том, как используешь вещи, а потом их выкидываешь.

— Вот так она с тобой поступила?

Тереза улыбнулась.

— Я так поступлю.

— Тогда найди кого-то, кого тебе никогда не захочется выкинуть вон.

— Кто не износится, — добавила Тереза.

— Ты напишешь мне?

— Конечно.

— Напиши мне через три месяца.

— Три месяца? — но неожиданно она поняла, что он имел в виду.

— И не раньше?

— Нет, — он неотрывно смотрел на нее. — Этого времени достаточно, ведь так?

— Да. Хорошо, обещаю.

— Пообещай мне кое-что еще... возьми завтра выходной, чтобы ты смогла побыть со мной.

Я свободен завтра до 9 вечера.

— Я не могу, Денни. Мне нужно выполнить работу... и в любом случае, я должна сказать ему, что через неделю я уезжаю.

Это были отговорки, и она понимала это. И, наверное, Денни это тоже понимал, глядя на нее. Она не хотела проводить завтрашний день вместе с ним, она была бы на взводе, он бы слишком напоминал ей о ней самой, а она все еще не была готова.

Денни зашел на склад пиломатериалов на следующий день в двенадцать. Они намеревались вместе пообедать, но вместо этого целый час гуляли по Лэйк Шор Драйв и разговаривали. В тот же вечер, в девять, Денни улетел самолетом на западное побережье.

Через восемь дней она направилась в Нью-Йорк. Она хотела как можно быстрее покинуть дом миссис Осборн. Ей захотелось взглянуть на некоторых из тех, от кого она сбежала прошлой осенью. И там будут другие люди, новые люди. Этой весной она пойдет в вечернюю школу. И ей захотелось полностью поменять свой гардероб. Все, что было у нее сейчас, одежда, которую она могла припомнить в своем шкафу в Нью-Йорке, казалась ей подростковой, подобно одежде, принадлежавшей ей много лет назад. В Чикаго она прошлась по магазинам и жадно рассматривала одежду, которую пока не могла купить. Все, что она могла себе позволить сейчас, это сделать новую прическу.

ТЕРЕЗА ВОШЛА в свою старую комнату, и первое, что бросилось ей в глаза — прямо лежащий уголок ковра. Какой же маленькой и трагической выглядела эта комната. И все же она принадлежала ей — крошечное радио на книжной полке, подушечки на маленьком диване, такие личные, как подпись, которую она вывела когда-то давно и позабыла о ней. Как те два-три висящих на стене макета, на которые она намеренно избегала смотреть.

Она пошла в банк, сняла сотню из своих последних двухсот баксов и купила черное платье и туфли.

Завтра, подумала Тереза, она позвонит Эбби и договорится насчет машины Кэрл. Завтра, но не сегодня.

В этот же день она назначила встречу с Недом Бернштейном, сопродюсером английского шоу, для которого Харкви делал декорации. Она взяла три макета, сделанные ею во время поездки, а также фотографии спектакля «Мелкий дождь», которые собиралась ему показать. Работа стажера у Харкви, если она ее получит, будет не очень денежной, на это не проживешь, но, в общем, есть и другие варианты, кроме работы в универмагах. Например, телевидение.

Мистер Бернштейн равнодушно осмотрел ее работы. Тереза сказала, что она еще не говорила с мистером Харкви, и спросила мистера Бернштейна, берет ли тот себе помощников. Мистер Бернштейн заявил, что это в ведении Харкви, но, насколько он знал, у того их хватало. Мистер Бернштейн также не был в курсе, нуждалась ли на данный момент какая-нибудь студия по созданию декораций в помощнике. И Тереза подумала о платье стоимостью шестьдесят долларов. И о ста долларах, которые остались на ее счету в банке. Она сказала миссис Осборн, что та может показывать ее старую квартиру, когда пожелает, в любое время, потому что она съезжает. Тереза еще не представляла, куда. Она поднялась и поблагодарила мистера Бернштейна за то, что он хотя бы посмотрел ее работы. И поблагодарила она его с улыбкой на лице.

— А как насчет телевидения? — спросил мистер Бернштейн. — Вы пытались начать оттуда? Через них проще пробиться.

— Позже днем в Дюмонт я собираюсь встретиться с одним человеком.

В прошлом январе мистер Донохью назвал ей пару имен. Мистер Бернштейн добавил еще несколько.

Потом она позвонила в студию Харкви. Тот сказал, что она как раз застала его в дверях, но она может занести свои макеты в его студию сегодня, а завтра утром он их посмотрит.

— Кстати, завтра, около 5 вечера, в отеле Сейнт Реджис будет коктейльная вечеринка в честь Женевиэвы Кранелл. Если вы туда заглянете, — сказал Харкви со своим отрывистым акцентом, который делал его мягкий голос точным, словно математическое уравнение, — то, по крайней мере, завтра мы с вами наверняка сможем увидеться. Вы сможете прийти?

— Да. С удовольствием. А где в Сейнт Реджис?

— Люкс D, с 5 до 7 вечера, — прочитал он на приглашении.

— Я буду там к шести.

Она вышла из телефонной будки такая счастливая, будто Харкви только что сделал ее своим партнером по бизнесу. Все двенадцать кварталов до его студии она прошла пешком, и оставила там свои макеты у молодого человека — не того, которого она видела там в январе. Харкви часто менял ассистентов. Она благоговейно осмотрела его мастерскую, прежде чем закрыть дверь. Возможно, довольно скоро он позволит ей заглянуть сюда снова. Вероятно, как раз завтра она об этом и узнает.

Она зашла в аптеку на Бродвее и позвонила оттуда Эбби в Нью Джерси. Голос Эбби звучал совсем по-другому в отличие от того раза, когда она звонила ей в Чикаго. Должно быть, дела Кэрол пошли намного лучше, подумала Тереза. Но она так и не спросила про нее. Она звонила, чтобы договориться о машине.

— Я могу приехать и забрать ее, если хочешь, — сказал Эбби. — Но почему бы тебе не позвонить Кэрол насчет нее? Я знаю, что ей будет приятно тебя услышать. — Эбби была как-то подозрительно любезна.

— Ну... — Тереза не хотела ей звонить. Но чего она боялась? Голоса Кэрол? Самой Кэрол? — Ладно. Я отгоню машину ей, если только она сама этого не захочет. Тогда я тебе перезвоню.

— Когда? Сегодня днем?

— Да, через пару минут.

Тереза подошла к дверям аптеки и постояла там несколько минут, разглядывая рекламу Кэмел, на которой было изображено гигантское лицо, испускающее колечки дыма, словно гигантские пончики, а потом глаза на низко сидящих, угрюмого вида таксистов, лавировавших, подобно акулам, по запруженным машинами дневным улицам; на знакомую мешанину из ресторанов, барных вывесок, навесов, ступенек перед входом и окон, эту красновато-коричневую суматоху переулка, походившего на сотни нью-йоркских улиц. Она вспомнила, как однажды шла по одной из Восьмидесятых улиц в западном районе города, вдоль фасадов из бурого песчаника, битком набитых человеческими существами, человеческими жизнями — некоторые прямо там начинались, некоторые заканчивались — и она вспомнила возникшее в ней ощущение подавленности, и как она торопилась пробежать мимо этих домов и добраться до авеню. Всего два или три месяца назад. Теперь такая же улица наполнила ее напряженным волнением, заставила захотеть окунуться в нее, ринуться по тротуару со всеми этими вывесками и театральными навесами, торопливыми и натякающимися на нее людьми. Она повернулась и пошла обратно к телефонным будкам.

Мгновение спустя она услышала голос Кэрол.

— Когда ты приехала, Тереза?

При первых звуках этого голоса она ощутила краткий, трепещущий толчок, а потом все прошло.

— Вчера.

— Как ты? Ты выглядишь по-прежнему? — голос Кэрол звучал сдержанно, словно рядом с ней кто-то был, но Тереза была уверена, что никого там не было.

— Не совсем. А ты?

Кэрол сделала паузу.

— Ты говоришь по-другому.

— Да.

— Мы с тобой увидимся? Или ты не хочешь? Всего раз... — это был голос Кэрол, а вот слова — не ее. Слова были осторожными и неуверенными. — Как насчет сегодня днем? Машина у тебя?

— Днем мне нужно встретиться с парой человек. У меня не будет времени. — *Когда это она отказывала Кэрол, когда Кэрол хотела ее видеть?* — Хочешь, чтобы я пригнала тебе машину завтра?

— Нет, я могу за ней подъехать. Я же не инвалид. Машина вела себя хорошо?

— Она в хорошем состоянии, — сказала Тереза. — Нигде ни царапинки.

— А ты? — спросила Кэрол, но Тереза ничего не ответила.

— Мы встретимся завтра? У тебя есть время днем?

Они договорились встретиться в баре отеля Риц Тауэр на 57 Стрит в 4.30 и на этом закончили разговор.

Кэрол опаздывала на четверть часа. Тереза сидела и ждала ее за столиком, откуда ей были видны стеклянные двери, ведущие бар. Наконец, она увидела как Кэрол, входя, распахивает одну из дверей, и напряжение отозвалось в ней легкой тупой болью. На Кэрол была надета все та же шубка, те же черные замшевые туфли на каблуках, в которых она была в тот день, когда Тереза впервые ее увидела, но сейчас приподнятую светлую голову украшал красный шарф. Она увидела лицо Кэрол — похудевшее, чьи черты тронули непривычное удивление и легкая улыбка, когда Кэрол ее заметила.

— Привет, — сказала Тереза.

— Сначала я тебя даже не узнала, — секунду Кэрол постояла у столика, всматриваясь в нее, а потом присела. — Так мило с твоей стороны встретиться со мной.

— Не говори так.

Подошел официант, и Кэрол заказала чай. Тереза машинально заказала то же самое.

— Ты меня ненавидишь, Тереза? — спросила ее Кэрол.

— Нет, — Тереза чувствовала слабый аромат духов Кэрол, тот знакомый сладковатый запах, который сейчас был странно незнаком, потому что не пробуждал в ней то, что вызывал раньше. Она положила спичечный коробок, который сжимала в руке. — Как я могу тебя ненавидеть, Кэрол?

— Думаю, можешь. Какое-то время ты меня ненавидела, разве нет? — сказала Кэрол, словно утверждала непреложный факт.

— Ненавидела тебя? Нет.

Не совсем, могла бы она сказать. Но она поняла, что Кэрол прочла это по ее лицу.

— А теперь... ты повзрослела... ты одеваешься, как взрослая, и прическа у тебя взрослой женщины.

Тереза посмотрела в серые глаза Кэрол, которые теперь стали более серьезными, а еще — какими-то тоскующими, несмотря на уверенную посадку гордой головы, и снова опустила взгляд, будучи не в состоянии их постичь. «Она все еще красивая», — подумала Тереза с внезапной острой болью утраты.

— Я кое-чему научилась, — сказала Тереза.

— Чему?

— Что я... — Тереза замолчала, в ее мысли внезапно вмешалось воспоминание о портрете в Су-Фолс.

— Знаешь, ты выглядишь прекрасно, — сказала Кэрол. — Такое неожиданное превращение. Это потому что меня рядом не было?

— Нет, — выпалила Тереза. Она посмотрела на стоявший перед ней чай, которого не хотела, и нахмурилась. Фраза Кэрол про «превращение» навела ее на мысли о рождении, и смутила ее. Да, она родилась заново с тех пор, как оставила Кэрол. Она родилась в тот миг, когда увидела картину в библиотеке, и ее сдавленные рыдания тогда были похожи на первый крик младенца, которого тащат в этот мир против его воли. Она посмотрела на Кэрол. — Там была картина, в библиотеке в Су-Фолс, — пояснила она. А потом рассказала о ней Кэрол — просто и без всяких эмоций, словно историю, которая случилась с кем-то другим.

И Кэрол слушала, не сводя с нее глаз. Кэрол смотрела на нее так, как могла бы издали наблюдать за кем-то, кому была не в силах помочь.

— Странно, — негромко сказала Кэрол. — И ужасающе.

— Да, — Тереза знала, что Кэрол поймет. А еще она увидела сочувствие в глазах Кэрол и улыбнулась, но Кэрол не улыбнулась ей в ответ. Кэрол все еще пристально смотрела на нее. —

Что ты думаешь? — спросила Тереза.

Кэрол взяла сигарету.

— А что думаешь ты? О том дне в магазине?

Тереза снова улыбнулась.

— Было так замечательно, что ты подошла именно ко мне. Почему ты подошла ко мне?

Кэрол помедлила.

— По такой прозаичной причине. Потому что ты была единственной девушкой, которая не была адски занята. И на тебе не было рабочего халата, я это помню.

Тереза разразилась смехом. Кэрол лишь улыбнулась, но внезапно она стала похожа на себя тогдашнюю, какой была в Колорадо Спрингс, до того как все случилось. И сразу же Тереза вспомнила о подсвечнике в сумочке.

— Я принесла тебе это, — сказала она, протягивая его Кэрол. — Он попался мне в Су-Фолс.

Тереза в свое время завернула его в попавшуюся под руку белую салфетку. Кэрол развернула подарок на столе.

— Я думаю, он очаровательный, — сказала Кэрол. — Похож на тебя.

— Спасибо. А я подумала, что он был похож на тебя, — Тереза посмотрела на руку Кэрол, на большой палец и на кончик среднего, что покоились на тонком крае подсвечника, так же как она видела пальцы Кэрол и на блюдцах от кофейных чашек в Колорадо, Чикаго и в уже позабытых местах. Тереза закрыла глаза.

— Я люблю тебя, — сказала Кэрол.

Тереза открыла глаза, но не подняла взгляд.

— Знаю, ты не чувствуешь того же ко мне. Так ведь?

У Терезы возник порыв запротестовать, но разве она могла? Она не чувствовала того же.

— Я не знаю, Кэрол.

— Это то же самое, — голос Кэрол был мягким, выжидающим, ждущим, что Тереза подтвердит это или опровергнет.

Тереза уставилась на треугольнички тоста на тарелке, что стояла между ними. Она подумала о Ринди. Она все медлила с вопросом о ней.

— Ты виделась с Ринди?

Кэрол вздохнула. Тереза видела, как ее рука соскользнула с подсвечника.

— Да, в прошлое воскресенье, час или около того. Наверное, она сможет приезжать меня повидать пару раз в год на полдня. Раз в сто лет. Я проиграла полностью.

— Ты ведь говорила о нескольких неделях в году.

— Ну, кое-что еще случилось... в частном порядке между Харджем и мной. Я отказалась давать бесчисленное множество обещаний, которые он требовал от меня. И его семья тоже не осталась в стороне. Я отказалась жить согласно списку глупых требований, которые они подготовили как перечень проступков — даже если это означало, что они запрут Ринди подальше от меня, как будто я какое-то чудовище. А это и имелось в виду. Хардж рассказал адвокатам все — все, чего они еще не знали.

— Господи, — прошептала Тереза. Она могла себе представить, что это означало — Ринди, которая днем навещает Кэрол в сопровождении строгой гувернантки, настроенной против Кэрол, наверное, предупрежденной, чтобы она не выпускала ребенка из виду, и Ринди скоро это все поймет. Какую радость принесут эти посещения? Хардж... Тереза не хотела произносить его имя. — Даже суд был добрее, — сказала она.

— Собственно говоря, я не очень много пообещала и в суде. Там я тоже отказалась.

Вопреки себе Тереза слегка улыбнулась, потому что она была рада, что Кэрол отказалась,

что Кэрол все еще была настолько гордой.

— А это и не было судом, знаешь ли, только обсуждение за круглым столом. Знаешь, как они сделали ту запись в Ватерлоо? Они вбили в стену специальный микрофон со штырем, вероятно, сразу же, как только мы туда пришли.

— Микрофон со штырем?

— Я помню, что слышала, как кто-то что-то заколачивает. Думаю, это было в тот момент, когда я только закончила принимать душ. Помнишь?

— Нет.

Кэрол улыбнулась.

— Микрофон со штырем, который улавливает звуки, как и диктофон. У него был номер рядом с нами.

Тереза не помнила стука молотка, но жестокость всего произошедшего вернулась, потрясая, уничтожая...

— Все кончено, — сказала Кэрол. — Знаешь, я почти предпочла бы больше не видеть Ринди вовсе. Я никогда не потребую встреч с ней, если она перестанет хотеть меня видеть. Я просто оставлю это на ее усмотрение.

— Я не могу представить, что настанет день, когда она не захочет тебя видеть.

Брови Кэрол приподнялись.

— А как тут предсказать, что Хардж может с ней сотворить?

Тереза молчала. Она отвела взгляд от Кэрол и увидела часы. Было 5.35. Ей следует появиться на коктейльной вечеринке до шести, подумала она, если она туда вообще пойдет. Она нарядилась ради нее в новое черное платье с белым шарфом, в новые туфли, в новые черные перчатки. И какой неважной казалась сейчас вся эта одежда. Внезапно она подумала о зеленых шерстяных перчатках, что вручила ей сестра Алисия. Они все еще лежали в папиросной бумаге на дне ее сундука? Ей захотелось выкинуть их вон.

— Ко всему как-то приспособливаешься, — сказала Кэрол.

— Да.

— Хардж и я продаем дом, и я купила квартиру на Мэдисон Авеню. И, веришь или нет, пошла работать. Я буду работать закупщиком в мебельной торговой фирме на Пятой Авеню. Должно быть, кто-то из моих предков был плотником, — она взглянула на Терезу. — Как бы то ни было, на это я буду жить, и мне это нравится. Квартира большая и милая... достаточно большая для двоих. Я надеялась, что ты, возможно, захотела бы переехать и жить со мной, но, думаю, ты не захочешь.

Сердце Терезы подпрыгнуло, точно так же, как тогда, когда Кэрол позвонила ей в тот день в магазин. Что-то отозвалось в ней против ее воли, сразу же сделало ее счастливой и гордой. Она гордилась тем, что у Кэрол было мужество так поступить, произнести эти слова, что у Кэрол всегда будет такое мужество. Она вспомнила храбрость Кэрол, встретившейся лицом к лицу с детективом на проселочной дороге. Тереза сглотнула, пытаясь подавить биение своего сердца. Кэрол даже не смотрела на нее. Кэрол водила кончиком сигареты по пепельнице, вперед-назад. Жить с Кэрол? Когда-то это было невозможно, и было тем, чего она желала больше всего на свете. Жить с ней и делить с ней все, лето и зиму, вместе гулять и читать, вместе путешествовать. И она вспомнила те дни, когда она обижалась на Кэрол, когда воображала, что Кэрол просит ее об этом, и себя, отвечающую отказом.

— Переедешь?

Тереза чувствовала, что балансировала на тонкой грани. Обида уже ушла. Сейчас не осталось ничего, кроме решения, подвешенной в воздухе тонкой линии — и ничего по обе стороны, что могло бы столкнуть ее или вытащить. Но с одной стороны была Кэрол, а с другой

— пустой вопросительный знак. С одной стороны, Кэрол, и сейчас все было бы по-другому, потому что они обе были другими. Это был бы мир, такой же неизведанный, каким был и тот мир в прошлом, когда она впервые в него вошла. Только теперь не было никаких преград. Тереза подумала о духах Кэрол, которые сегодня ничего для нее не значили. «Пробел, который нужно заполнить», — сказала бы Кэрол.

— Ну, — нетерпеливо сказала Кэрол, улыбаясь.

— Нет, — произнесла Тереза. — Нет, не думаю.

Потому что ты снова меня предашь. Вот, о чем она думала в Су-Фолс, вот, что она хотела написать или сказать. Но Кэрол не предавала ее. Кэрол любила ее больше, чем любила своего ребенка. Это было одной из причин, почему она не дала никаких обещаний. Она рисковала сейчас, как рисковала в тот день на дороге, делая ставку на то, что заберет у детектива все, и тогда она тоже проиграла. А теперь она видела, как меняется лицо Кэрол, увидела слабую тень потрясения и шока, настолько слабо различимую, что, наверное, в целом мире только она одна и могла ее заметить, и в этот миг Тереза была не в состоянии думать.

— Вот так ты решила, — сказала Кэрол.

— Да.

Кэрол неотрывно смотрела на свою зажигалку на столе.

— Значит, вот так.

Тереза взглянула на нее, все еще желая протянуть руки, дотронуться до волос Кэрол и крепко сжать их всеми пальцами. Разве Кэрол не расслышала нерешительности в ее голосе? Терезе вдруг захотелось убежать, выскочить что есть мочи за дверь и понестись по тротуару. Было без пятнадцати шесть.

— Я должна пойти на коктейльную вечеринку во второй половине дня. Это важно из-за возможной работы. Там собирается быть Харкви.

Харкви даст ей какую-нибудь работу, она была в этом уверена. Она звонила ему сегодня в двенадцать насчет макетов, которые оставила в его студии. Харкви они понравились все.

— А вчера я еще получила задание для телевидения.

Кэрол подняла голову, улыбаясь.

— Мой маленький важный человечек. Сейчас ты выглядишь так, словно можешь сделать что-то хорошее. Ты знаешь, что даже твой голос звучит по-другому?

— Разве? — Тереза запнулась, ей все труднее было усидеть на месте. — Кэрол, ты можешь пойти на эту вечеринку, если хочешь. Это большое мероприятие в паре номеров в отеле — в честь женщины, которая будет играть главную роль в пьесе Харкви. Я знаю, что они не будут против, если я кого-нибудь приведу с собой.

Она не совсем понимала, почему просит об этом Кэрол, почему Кэрол, возможно, захотела бы сейчас пойти на коктейльную вечеринку, если она сама не имела большого желания туда идти.

Кэрол покачала головой.

— Нет, дорогая, спасибо. Ты лучше беги сама. По правде сказать, через минуту у меня свидание в отеле Элисей.

Тереза положила перчатки и сумочку себе на колени. Она посмотрела на руки Кэрол, на бледные веснушки, рассыпанные по тыльной стороне ладоней — обручального кольца сейчас уже не было — и в глаза Кэрол. Она чувствовала, что никогда больше не увидит Кэрол. Через две минуты, даже меньше, они расстанутся на тротуаре.

— Машина снаружи. Перед входом слева. И вот ключи.

— Я знаю, я видела ее.

— Ты остаешься? — спросила Тереза. — Я разберусь с чеком.

— С чеком разберусь я, — сказал Кэрол. — Иди, если тебе нужно идти.

Тереза встала. Она не могла оставить Кэрол сидеть здесь, за столиком, над двумя чашками чая и пеплом от их сигарет.

— Не оставайся тут. Пошли, выйдем со мной.

Кэрол подняла глаза, и на ее лице возникло вопросительное и удивленное выражение.

— Ладно, — сказала она. — В доме осталась пара твоих вещей. Мне их...

— Это не важно, — перебила ее Тереза.

— А твои цветы. Растения, — Кэрол оплачивала чек, который принес официант. — Что случилось с теми цветами, что я тебе дала?

— Цветы, которые ты дала мне... они завяли.

На секунду глаза Кэрол встретились с ее, и Тереза отвела взгляд.

Они расстались на углу Парк Авеню и 57 стрит. Тереза перебежала улицу, едва успев перед тем, как зеленый свет зажегся и выпустил позади нее лавину автомобилей, которые смазали вид Кэрол, когда она повернулась к ней на другой стороне улицы. Кэрол медленно уходила прочь, мимо входа в Риц Тауэр и дальше. «Вот так и должно было быть, — подумала Тереза. — Без всякого затяжного пожимания рук, без оглядки». Потом, увидев как Кэрол берет за ручку на дверце машины, она вспомнила пивную бутылку под передним сидением, вспомнила ее постукивание, когда она когда она поднималась по развязке, выезжая из тоннеля Линкольна на въезде в Нью-Йорк. Тогда она подумала, что должна вытащить ее оттуда до того, как отдаст машину Кэрол, но забыла. Тереза поспешила в отель.

Люди уже вываливались из двух дверей, что выходили в коридор, и официант с трудом проталкивал в номер столик на колесиках с ведерками льда. Комнаты были наполнены шумом, и Тереза нигде не видела ни мистера Бернштейна, ни Харкви. Она никого тут не знала, ни души. Кроме одного знакомого лица — мужчины, с которым она несколько месяцев назад где-то беседовала о работе, которая так и не состоялась. Тереза обернулась. Мужчина сунул ей в руку высокий бокал.

— Мадемуазель, — напыщенно произнес он, — вы не это ищете?

— Спасибо, — она не задержалась рядом с ним. Ей показалось, что она заприметила в углу мистера Бернштейна. На пути ей попались несколько женщин в широких шляпах.

— Вы актриса? — спросил все тот же мужчина, проталкиваясь вместе с ней через толпу.

— Нет. Сценический дизайнер.

Это был мистер Бернштейн, и Тереза бочком протиснулась между кучками людей и добралась до него. Мистер Бернштейн радушно протянул ей пухлую руку и поднялся с сиденья с подогревом.

— Мисс Беливет! — прокричал он. — Миссис Кроуфорд, консультант по гриму...

— Давайте не будем говорить о делах! — взвизгнула миссис Кроуфорд.

— Мистер Стивенс, мистер Фенелон, — мистер Бернштейн все представлял и представлял ей людей, пока она не кивнула дюжине человек и не сказала «Здравствуйте» примерно половине из них. — И Айвор... Айвор! — позвал мистер Бернштейн.

Там был Харкви, его тощая фигура, тонкое лицо и маленькие усики, он улыбнулся ей, взял ее руку и потряс.

— Привет, — сказал он. — Я рад видеть вас снова. Да, мне понравились ваши работы. Я вижу вашу увлеченность, — он слегка рассмеялся.

— Достаточно, чтобы втиснуться в ваши ряды? — спросила она.

— Все-то вам нужно знать, — с улыбкой сказал он. — Да, вы можете втиснуться. Приходите завтра ко мне в студию около одиннадцати. Сможете это сделать?

— Да.

— Найдите меня тут попозже. Я должен попроситься с теми, кто уже уходит, — и он отошел.

Тереза поставила бокал на край стола и достала сигарету из сумочки. Дело было сделано. Она кинула взгляд на дверь. В номер только что вошла женщина с забранными наверх светлыми волосами, с яркими глазами глубокого голубого цвета, и вызвала вокруг себя небольшой всплеск волнения. Быстрыми, уверенными движениями она поворачивалась, чтобы поприветствовать людей рядом, пожать руки, и Тереза вдруг осознала, что это и была Женевьева Кранелл, английская актриса, которая будет играть главную роль. Она выглядела иначе, чем на тех нескольких фотоснимках, на которых Тереза ее видела. У нее был такой тип лица, который нужно было увидеть в движении, чтобы счесть привлекательным.

— Привет, привет! — крикнула она, наконец, всем, окидывая взглядом номер, и Тереза увидела, как этот взгляд на мгновение задержался на ней, и при этом Терезу поразила легкий шок, подобный тому, какой она испытала, когда впервые увидела Кэрол, а в голубых глазах женщины вспыхнул интерес, который, она знала это, светился в ее собственных глазах при виде Кэрол. А сейчас Тереза была той, кто продолжал смотреть, а женщина отвела взгляд и отвернулась.

Тереза посмотрела на бокал в своей руке, и почувствовала, как изнутри ее охватил жар, как внезапно запылали ее лицо и кончики пальцев, и нельзя было сказать, что эту горячку вызвало биение ее крови или сами ее мысли. Еще до того как их представили, она поняла, что эта женщина была похожа на Кэрол. Она была красивой и совсем не выглядела, как та картина в библиотеке. Тереза улыбнулась, потягивая свой напиток. Она сделала глубокий глоток, чтобы восстановить душевное равновесие.

— Цветок, мадам? — официант протянул ей поднос, полный белых орхидей.

— Спасибо большое, — Тереза взяла один цветок. Она никак не могла приколоть его булавкой к одежде, и кто-то — мистер Фенелон или мистер Стивенс — подошел к ней и помог. — Спасибо, — сказала она.

К ней шла Женевьева Кранелл, а позади нее мистер Бернстайн. Актриса поздоровалась со стоящим рядом с Терезой мужчиной, как со старым знакомым.

— Вы уже знакомы с мисс Кранелл? — спросил мистер Бернстайн Терезу.

Тереза посмотрела на женщину.

— Меня зовут Тереза Беливет, — она пожала протянутую женщиной руку.

— Здравствуйте. Так вы и есть отдел декораций?

— Нет. Только его часть, — она все еще чувствовала рукопожатие, когда женщина выпустила ее руку. Она почувствовала себя взволнованной, безумно и глупо взволнованной.

— И что, никто не принесет мне выпить? — бросила мисс Кранелл в толпу.

Мистер Бернстайн повиновался. Мистер Бернстайн закончил представлять мисс Кранелл тем, кто его окружал и кто еще не был с ней знаком. Тереза слышала, как она кому-то говорила, что только что с самолета и что ее багаж сложен в коридоре, и пока она говорила, Тереза видела, как пару раз ее взгляд, скользя поверх мужских плеч, находил ее. Тереза почувствовала, что ее волнует и привлекает аккуратный затылок, забавный, небрежно вздернутый кончик носа, единственная легкомысленная черта этого узкого, классического лица. Ее губы были довольно тонкими. Она выглядела необычайно живой и невозмутимо хладнокровной. Все же Тереза чувствовала, что Женевьева Кранелл, вероятно, больше не заговорит с ней на этой вечеринке — по той простой причине, что хотела бы заговорить.

Тереза стала пробираться к зеркалу на стене. Она проверила, так же ли хорошо уложены ее волосы и не нужно ли освежить помаду на губах.

— Тереза, — произнес голос рядом с ней. — Вам нравится шампанское?

Тереза повернулась и увидела Женевьеву Кранелл.

— Конечно.

— Конечно. Что ж, через несколько минут перебирайтесь в шесть-девятнадцать. Это мой люкс. У нас будет вечеринка для более тесного круга.

— Это честь для меня, — сказала Тереза.

— Так что не налегайте на коктейли. Где вы раздобыли такое милое платье?

— У Бонвит... оно ужасно экстравагантно.

Женевьева Кранелл рассмеялась. На ней был надет синий шерстяной костюм, который, вообще-то, выглядел ужасно экстравагантно.

— Вы выглядите такой юной. Полагаю, вы не будете возражать, если я спрошу, сколько вам лет?

— Мне двадцать один.

Она закатила глаза.

— Невероятно. Кому-то еще всего двадцать один год?

Люди наблюдали за актрисой. Тереза была польщена, невероятно польщена, и лесть только добавилась к тому, что она чувствовала, или могла бы почувствовать к Женевьеве Кранелл.

Мисс Кранелл протянула ей портсигар.

— На секунду я подумала, что вы моложе.

— Это преступление?

Актриса смотрела только на нее, и ее голубые глаза улыбались поверх огонька зажигалки. Затем женщина повернула голову, чтобы прикурить свою сигарету, и Тереза внезапно поняла, что Женевьева Кранелл никогда и ничего не будет для нее значить, ничего не останется кроме этого получаса, проведенного на коктейльной вечеринке. И что ощущаемое ею волнение не продолжится и не пробудится вновь в другое время или в другом месте. И о чем ей это говорило? Тереза смотрела на аккуратную линию ее светлых бровей, пока первая струйка сигаретного дыма тянулась вверх, но ответ так и не пришел. И вдруг какое-то ощущение трагедии, почти сожаления, заполонило Терезу.

— Вы из Нью-Йорка? — спросила ее мисс Кранелл.

— Виви!

Новые гости, которые только что вошли в дверь, окружили Женевьеву Кранелл и утащили ее прочь. Тереза снова улыбнулась, допила свой напиток и почувствовала, как по ней растекается первозданное успокаивающее тепло виски. Она поговорила с мужчиной, которого мельком видела вчера в офисе мистера Бернстайна, и с другим мужчиной, которого не знала вовсе; через всю комнату она посмотрела на дверной проем, который в этот самый момент был пустым прямоугольником, и подумала о Кэрол. Как будто, в конце концов, войдет Кэрол и еще раз задаст ей вопрос. Или, скорее, прежняя Кэрол, но не сегодняшняя. У Кэрол сейчас встреча в баре отеля Элисей. С Эбби? Со Стенли МакВеем? Тереза отвела взгляд от двери, как будто испугалась, что в ней могла появиться Кэрол, и ей снова пришлось бы сказать «нет». Она взяла еще один виски с содовой и ощутила пустоту внутри, которая медленно заполнялась осознанием того, что она могла бы очень часто видаться с Женевьевой Кранелл, если бы захотела, и, хотя она никогда не втянется в эти отношения, возможно ее саму будут любить.

Один из мужчин рядом с ней спросил:

— Кто делал декорации к «Потерянному мессии», Тереза? Помните?

— Бланчард? — ответила она, словно в забытьи, потому что все еще размышляла о Женевьеве Кранелл, испытывая чувство отвращения, стыда, из-за того, что только что до нее дошло, и она поняла, что ее никогда не будут любить. Она слушала разговор о Бланчарде и о ком-то еще, даже присоединилась к нему, но ее сознание замерло над сплетением, где сошлась

и в котором спуталась дюжина нитей. Одной нитью был Денни. Одной была Кэрол. Одной — Женевьева Кранелл. Еще одна все тянулась и тянулась из клубка, но ее сознание было захвачено переплетением. Она наклонилась, чтобы прикурить сигарету, и почувствовала, что еще глубже падает в эту сеть, и она вцепилась в Денни. Но сильная черная нить никуда не вела. Она понимала, словно сейчас ей говорил голос какого-то предсказателя, что ничего большего у нее с Денни не будет. И одиночество прокатилось по ней снова, как стремительный ветер, загадочный, как едва различимые слезы, внезапно нахлынувшие на ее глаза, слишком легкие, чтобы их заметили, и она подняла голову и снова бросила взгляд на дверной проем.

— Не забудьте, — рядом с ней стояла Женевьева Кранелл, поглаживая ее по руке и выпаливая слова. — Шесть-девятьнадцать. Мы перебираемся туда, — она стала отворачиваться и уходить, но вернулась. — Вы придете? Харкви тоже придет.

Тереза покачала головой.

— Спасибо, я... я думала, что смогу, но я вспомнила, что должна быть в другом месте.

Женщина посмотрела на нее вопросительно.

— Что-то случилось, Тереза? Что-то не так?

— Нет, — она улыбнулась, направляясь к двери. — Спасибо, что спросили. Непременно увижу вас снова.

— Непременно, — сказала актриса.

Тереза вошла в комнату рядом с большим залом и вытащила свое пальто из груды на кровати. Она поспешила по коридору к лестнице, мимо людей, которые ждали лифта, среди них была и Женевьева Кранелл. И Терезе было все равно, видела та ее или нет, когда она кинулась вниз по широкой лестнице, словно от чего-то убегая. Тереза улыбнулась сама себе. Прохладный и свежий воздух обдувал ее лоб, издавал легкие звуки, словно за ушами у нее трепетали крыльшки, пока она чувствовала, что летит через улицы и взлетает на края тротуаров. К Кэрол. И может быть, Кэрол в этот миг все уже знала, потому что Кэрол знала такие вещи загодя. Тереза пересекла еще одну улицу, и впереди показался тканевый навес отеля Элисей.

Метрдотель сказал ей что-то в фойе, и она ответила ему:

— Я кое-кого ищу, — и пошла к дверям.

Она стояла на пороге, оглядывая людей за столами в зале, где играло пианино. Свет был неярким, и сначала она не увидела Кэрол, которая сидела лицом к ней, наполовину скрытая в тени у дальней стены. Кэрол тоже ее не видела. Напротив нее сидел мужчина, которого Тереза не знала. Кэрол медленно подняла руку и откинула волосы назад, с одной и с другой стороны, и Тереза улыбнулась, потому что это жест был жестом Кэрол, и это была Кэрол, которую она любила и всегда будет любить. О, сейчас уже по-другому, потому что она была совсем другим человеком, и это было как встретить Кэрол заново, но это была все еще Кэрол и никто другой. Это была бы Кэрол, в тысяче городов, в тысяче домов, в других странах, куда они бы отправились вместе, на небесах и в аду. Тереза ждала. А потом, едва только она собралась подойти к ней, Кэрол увидела ее, и, казалось, какое-то время недоверчиво в нее вглядывалась, пока Тереза наблюдала, как медленно ширится ее улыбка; а затем ее рука вдруг приподнялась, и Кэрол быстро махнула в счастливом энергичном приветствии, которого Тереза никогда не видела прежде. И Тереза пошла к ней.

Питер (Пит) Мондриан (1872–1944) — нидерландский художник, который одновременно с Кандинским и Малевичем положил начало абстрактной живописи. Многие его картины представляют собой разного цвета и размера квадратики.

Пульмановский вагон — большой пассажирский спальный вагон, названный так по имени американского фабриканта и изобретателя спальных вагонов Пульмана. Пульмановский вагон стал предшественником того, что сегодня зовётся вагоном-СВ.

Drinksy-Wetsy — куклы, которых можно напоить из бутылочки, а потом поменять им подгузник. Впервые были выпущены в 30-х годах прошлого века, достигли пика популярности в 50-х. Две компании-производителя даже судились за патент, но судья постановил, что процесс питья и мочеиспускания является естественным и запатентован быть не может.

Цитата из стихотворения англо-американского поэта, лауреата Нобелевской премии Т.С.Элиота «Любовная Песнь Альфреда Дж. Пруфрока»

Эль Греко (El Greco; собственно Доменико Теотокопули, Theotocopuli) (1541–1614), великий испанский живописец, архитектор и скульптор.

Джеймс Августин Алоизиус Джойс (2 февраля 1882 — 13 января 1941) — ирландский писатель и поэт, представитель модернизма, наиболее знаменит романами «Улисс» и «Поминки по Финнегану». «Портрет художника в юности» — его первый и отчасти автобиографический роман.

Гертруда Стайн (1874–1946) — американская писательница, теоретик литературы, автор термина «потерянное поколение».

Пикси (англ. Pixie) — небольшие создания из английской мифологии, считаются разновидностью эльфов или фей. Отличаются непредсказуемым поведением — от безобидных шалостей до смертельных проказ, но в целом они дружелюбны.

Сабайон (итал. zabaglione, zabaione; фр. sabayon) — один из самых известных десертов итальянской кухни, яичный крем с добавлением вина (обычно марсалы или просекко).

Глайдер — это удобная, бесшумная и имеющая маятниковый механизм кресло качалка. Ещё одним преимуществом кресла глайдер является наличие банкетки с таким же «маятниковым механизмом» — положить, уставшие за день ноги на качающуюся банкетку — это истинное наслаждение, которое Вы сможете себе позволить.

Хопалонг Кэссиди — вымышленный ковбой, первоначально появившийся в 1904 году как главный герой одного из рассказов американского писателя Кларенса Малфорда. В общей сложности о Хопалонге Кэссиди было снято шестьдесят шесть фильмов, пользовавшихся большой популярностью.

«Embraceable You» — популярная песня, написанная в 1928 году, музыка Джорджа Гершвина, слова американского поэта-песенника Айры Гершвина, брата композитора.

«Кукурузный (зерновой) пояс» США — область на Среднем Западе Соединенных Штатов, где традиционно, еще с середины XIX века, ведущей сельскохозяйственной культурой была кукуруза. В более широком смысле «Зерновой пояс» — это сельскохозяйственные области Среднего Запада США, житница страны. В «Кукурузный пояс» включают штаты Айова, Иллинойс, Индиана, Небраска, Канзас, Миннесота и Миссури.

«Easy Living» (1937) — песня из так называемых джазовых стандартов, исполняемых всеми джазовыми музыкантами. Написана Ральфом Рингером и Лео Робинсом для фильма «Easy Living» режиссера Митчела Лейзена.

Оксфордская книга английского стиха (англ. Oxford Book of English Verse, 1250–1900), составленная Артуром Квиллер-Кучем, впервые была издана в 1900 г., а при переиздании была дополнена материалами вплоть до 1918 года: эта книга оставалась стандартным собранием классической английской поэзии на протяжении более чем полувека.

Экспедиция Льюиса и Кларка (1804–1806) — первая сухопутная экспедиция через территорию США из Сент-Луиса к тихоокеанскому побережью и обратно с целью поиска прямого и практичного водного пути через континент. Экспедицию возглавили Мериуэзер Льюис и Уильям Кларк.

Энни Оукли (англ. Annie Oakley), урождённая Фиби Энн Моузи (англ. Phoebe Ann Mosey, 13 августа 1860 — 3 ноября 1926), — американская женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью на представлениях Буффало Билла.

Дифайенс (Defiance) — перевод этого слова Непокорность, Вызов.

Улисс Симпсон Грант (англ. Ulysses Simpson Grant, урождённый Hiram Ulysses Grant, то есть Хайрем Улисс Грант; 27 апреля 1822, Пойнт-Плезант, Огайо — 23 июля 1885, Уилтон, Нью-Йорк) — американский политический и военный деятель, полководец северян в годы Гражданской войны в США, генерал армии (25 июля 1866 — 4 марта 1869). С 4 марта 1869 по 4 марта 1877 — 18-й президент США; несмотря на его непреходящую славу как полководца, историки расценивают его президентство достаточно сдержанно. Портрет Гранта изображён на банкноте в 50 долларов.

Кункен — азартная карточная игра, возникшая в Мексике или в юго-западной части США и имеющая многочисленные разновидности. В Кункен могут играть от двух до пяти игроков двумя полными (с джокерами) колодами. Цель игры состоит в том, чтобы выложить карты на стол определенными комбинациями. Тот, кто выложит карты раньше, выигрывает.

Олд фешен (англ. Old fashioned — старомодный, на прежний манер) — официальный коктейль Международной ассоциации барменов. Относится к категории аперитивов. Смешивается на основе бурбона, скотча или ржаного виски.

Де-Мойн (англ. Des Moines [dɪˈmɔɪn], от фр. Des Moines [demwan] — «город монахов») — город в США в центральной части штата Айова, у впадения Енотовой реки в реку Де-Мойн. Столица штата (с 1857), административный центр округа Полк.